

Ставропольская
духовная семинария

Протоиерей Павел Самойленко

ИСТОРИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ (1843-1918)

Ставрополь
2019

УДК 271.2(470.6)(063)
ББК 86.372(23.7)я431
С 17

Рецензенты:

заслуженный профессор протоиерей
Иоанн Белевцев;

доктор богословия, профессор протоиерей
Георгий Митрофанов.

С 17 Самойленко П.М., протоиерей.

История Ставропольской епархии (1843–1918): монография. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2019. – 256 с.

ISBN 978-5-6042705-3-0

В представленной монографии рассматриваются ключевые аспекты церковной истории Северного Кавказа в середине XIX – начале XX в. На обширной источниковой базе раскрываются вопросы церковного управления, духовной жизни, монастырского и приходского строительства, миссионерской и просветительской деятельности одной из сложнейших епархий Русской Православной Церкви – Кавказской (Ставропольской), занимавшей особое место на южном пограничье России.

Основу издания составила защищенная в 1999 г. в Санкт-Петербургской духовной академии диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Данное исследование будет полезно священнослужителям, историкам, культурологам, краеведам, архивным и музейным работникам, преподавателям и студентам духовных школ, а также всем, кто интересуется церковной историей.

**УДК 271.2(470.6)(063)
ББК 86.372(23.7)я431**

ISBN 978-5-6042705-3-0

© Самойленко П.М., протоиерей, 2019
© Ставропольская духовная семинария, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	12

ЖИЗНЬ И ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАВРОПОЛЬСКИХ ПРЕОСВЯЩЕННЫХ...20

Преосвященный Иеремия (Соловьев) (1843–1849) – первый архипастырь Ставропольский	20
Епископ Иоанникий (Образцов) (1849–1857) – продолжатель трудов Преосвященного Иеремии	31
Святитель Игнатий Брянчанинов (1857–1861) – ревнитель чистоты православия на Кавказе	35
Святитель Феофилакт (Губин) (1862–1872) – объединитель епархии	49
Преосвященный Герман (Осецкий) (1872–1885) и развитие епархиальных институтов	70
Епископ Владимир (Петров) (1886–1889) – Владыка-миссионер	74
Епископ Евгений (Шершило) (1889–1893)	78
Архиепископ Агафодор (Преображенский) (1893–1919) и развитие епархии в годы его правления	81

РАЗВИТИЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ84

Духовные училища	85
Ставропольская духовная семинария	89
Кавказские епархиальные ведомости	130

МОНАСТЫРИ И ПУСТЫНИ..... 133

Иоанно-Мариинский женский монастырь	134
Кизлярский Крестовоздвиженский мужской монастырь	149
Спасо-Преображенский монастырь	155
Свято-Алекса́ндро-Невский Афонский мужской монастырь	159
Екатерино-Лебяжья Николаевская пустынь	164
Свято-Михайловский Афонский монастырь в Майкопском уезде	168

Черноморский Марие-Магдалинский женский монастырь	170
Воскресенский Мамай-Маджарский монастырь	171
Свято-Георгиевская обитель	176
Казанская обитель в селе Винодельном	179
ХРАМОЗДАТЕЛЬСТВО	181
Церковное строительство в кафедральном граде Ставрополе до учреждения епархии	181
Казанский кафедральный собор и приходские храмы.	196
Архиерейские подворья	210
Церковное строительство на Кубани	221
МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	223
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	228
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	230
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.	
Преосвященные Ставропольские в 1843–1919 гг.	241
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.	
Ректоры Ставропольской духовной семинарии в 1846–1918 гг.	242
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3.	
Тропарь Святителю Феофилакту, епископу Ставропольскому. Кондак Святителю Феофилакту, епископу Ставропольскому.	244
ДОКУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ	245

ОТ АВТОРА

20 лет назад, 4 июня 1999 года от Рождества Христова, в Санкт-Петербургской духовной академии состоялась защита моей кандидатской работы: «История Ставропольской епархии (1843–1918)». Вспоминаются волнительная атмосфера защиты, строго сосредоточенные лица членов совета СПбДА во главе с ректором Епископом Тихвинским Константином... Было уже около 18 часов. Совет работал напряженно, мою работу посматривали, кто-то внимательно читал отдельные места, секретарь совета СПбДАиС священник Кирилл огласил Curriculum vitae соискателя, прозвучали отзывы заслуженного профессора протоиерея Иоанна Белевцева и протоиерея Георгия Митрофанова, а затем дискуссия, в ходе которой мне было задано несколько вопросов. Отвечал, слава Богу, уверенно, спокойно, только главное. Уверенность исходила прежде всего из знания материала – меня очень серьезно штудировал накануне перед защитой научный руководитель отец Иоанн Белевцев (как мне хотелось вручить ему, дорогому моему Учителю, первый экземпляр опубликованной кандидатской, но жаль, не успел: Господь призвал отца Иоанна в вечные обители 2 ноября 2019 г.). Мой однокурсник по академии, наместник Александро-Невской Лавры архимандрит (ныне епископ) Назарий любезно предоставил мне для проживания келью, в ней мы с отцом Иоанном и работали над текстом курсового сочинения (так с 1940-х гг. называлась в русских духовных школах работа, представляемая на соискание ученой степени кандидата богословия).

Когда во время защиты отец Иоанн медленно, спокойно, с акцентами читал свой содержательный отзыв, стало ясно – защита состоялась. Кто будет спорить с заслуженным профессором?! Серьезно поддержал профессор протоиерей Владимир Мустафин – легендарный преподаватель, «гроза» философов, с которыми у меня сложились дружеские отношения еще с 1984 г.

Радостный выходил я из зала, в голове шумело, сознание, что долголетний труд успешно завершен, переполняло. Искренне радовался и отец Иоанн. Он проводил меня на Московский вокзал (я отбывал на «Красной стреле» в Москву для продолжения послушаний), зашел в купе и был рядом до отправления поезда. Незабываемый момент: Учитель и ученик, расчувствовался я тогда и как мог благодарил дорогого отца Иоанна. Да, это был долголетний труд, и он мог бы завершиться значительно раньше, но Богу было угодно, чтобы кандидатская вместила в себя и события 1990-х годов.

А начиналось все в 1981 г., когда я поступил в Ленинградскую духовную семинарию на 2-й курс (и слава Богу! Меня, как имевшего высшее светское образование, могли зачислить и на 3-й курс, но на вступительных экзаменах Владыка ректор – Архиепископ Выборгский Кирилл – задал мне два вопроса: «Что такое вера?» и «Кто такой праотец Гедеон?». Поразительно то, что буквально перед тем, как войти в профессорскую, я прочитал и определение веры у святого апостола Павла, и историю праотца Гедеона, но ответить внятно не смог, «перемкнуло», что называется). Началась интенсивная учеба, захватывающая, интересная: богослужения, лекции, опросы, сочинения и многое другое формировали круг интересов: при первой же возможности я выбирал для сочинения тему историческую, исследовательскую.

Через год, в 4-м классе семинарии, я уже знал, что по поступлении в академию изберу для курсовой работы историческую тему, а точнее, историю Ставропольской епархии. В 1983 г., успешно окончив ЛДС, я стал студентом Ленинградской духовной академии (при вручении аттестата Владыка ректор благословил меня писать прошение о поступлении в академию, и я поспешил в город, чтобы на междугородной теле-

фонной станции позвонить Архиепископу Антонию. Выслушав меня, Владыка ответил коротко: «Пиши Академию»). Историю Русской Православной Церкви преподавал у нас профессор протоиерей Иоанн Белевцев, выпускник Ставропольской духовной семинарии, к тому же отец Иоанн был куратором курса, а я старостой. Однажды я спросил у него, какую тему курсовой работы он посоветовал бы выбрать (меня отговаривали обращаться к отцу Иоанну, мол не возьмет, не пойдет на разговор). Он сразу же ответил, надо разработать историю Ставропольской епархии, но при этом заметил, что выпускник ЛДА Архиепископ Новосибирский и Барнаульский Гедеон (Докукин) защитил кандидатскую диссертацию «История христианства на Кавказе до и после присоединения к России», в которой немало внимания уделено Ставропольской епархии. Поэтому если брать тему истории Ставропольской епархии, то надо изучить работу Владыки Гедеона и разработать темы, оставшиеся вне поля его исследования. Правда, отец Иоанн предупредил, что работы Архиепископа Гедеона в библиотеке ЛДА нет, исчезла (увидел я ее в машинописном варианте, когда стал секретарем Митрополита Гедеона, то есть в 1990 г.). Отец Иоанн подсказал также, что необходимые мне материалы я могу найти в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека), предупредив при этом, что стать ее читателем возможно только при соответствующем письменном обращении руководства академии в библиотеку. Такое обращение мною было получено 13 марта 1984 г. за подписью инспектора Ленинградской духовной академии и семинарии доцента архимандрита Августина (Никитина). Придя в библиотеку, я с радостью узнал, что могу стать полноправным читателем, так как имею высшее образование. И вскоре мне выдали читательский билет за № 4675, которым я очень гордился. Я старался как можно чаще посещать полюбившуюся мне библиотеку. Были с моей стороны попытки проникнуть в закрытые фонды. Так, 27 февраля 1985 г. врио ректора ЛДАиС архимандрит Мануил (Павлов) подписал письмо на имя директора ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина тов. Шилова П.А. с просьбой разрешить студенту ЛДА Самойленко Павлу Михайлови-

чу пользование литературой отдела специального хранения в связи с научной работой по теме «Историософские концепции Средневековья», особо указав при этом, что необходима литература отечественная и иностранная (очень уж хотелось посмотреть труд Л.П. Карсавина «Восток, Запад и Русская идея» – посоветовал отец Владимир Мустафин). Не разрешили.

А вскоре по семейным обстоятельствам я вынужден был прервать на один год учебу в ЛДА.

11 августа 1985 г. Архиепископ Антоний рукоположил меня в сан диакона в Андреевском Кафедральном соборе г. Ставрополя, а 18 августа в том же соборе – в сан священника и направил на приходское служение в Свято-Никольский собор г. Георгиевска. Оттуда я проторил дорожку в Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), где познакомился с начинающим тогда исследователем истории края, а ныне знаменитым краеведом и маститым ученым Г.А. Беликовым (уже после написания этих строк, 24 декабря 2019 г., пришла скорбная весть о том, что Герман Алексеевич умер на 87-м году жизни). Встречались мы регулярно, работали дружно, помогая друг другу в отборе материала, его систематизации и т.д.

В 1986 г. я возобновил обучение в ЛДА, совмещая его с приходским служением. В 1987 г. меня вызвал Владыка Антоний, уточнил тему моей кандидатской работы и благословил написать доклад по истории Ставропольской епархии к празднованию 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. Благословение Владыки значительно ускорило мою работу, я мог совершенно спокойно работать и в ГАСКе, и в краевой научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова (где в 1986 г. произошло мое знакомство с сотрудником отдела редкой книги Антониной Викторовной Ашихминой, с которой мы сотрудничаем и по сей день). Более того, я получил возможность вернуться к работе в Публичной библиотеке г. Ленинграда, на что получил благословение Владыки. Мне нужны были все выпуски Кавказских (Ставропольских) Епархиальных Ведомостей, особенно первый, за 1873 год (его в Ставрополе не было).

И вот я в Публичке. Заказал «Кавказские Епархиальные Ведомости», но дали их мне не сразу. Молодые сотрудницы были удивлены такому запросу, высказывали недовольство, говоря, что у нас страна атеистическая, верующих быть не может, откуда ты взялся и т.д., и т.п. Предлагали сделать запрос на другую литературу. Я не поддавался, сел за стол, раскрыл и подписал только что приобретенную в Гостином Дворе общую тетрадь (она сохранилась), настойчиво ждал. И дождался. Этот миг я забыть не могу. Передо мной положили несколько великолепных фолиантов в кожаном переплете с тисненной золотом, идущей полукругом надписью «Кавказские Епархиальные Ведомости»! Вижу год – 1873! Сердце замерло! Впечатление было такое, что книгу только что привезли из типографии – от нее исходил запах свежей типографской краски. Золотом сиял экслибрис... Стало ясно, что мне посчастливилось быть первым исследователем, взявшим в руки бесценное издание. Я, конечно, не подозревал о его существовании, но Господь открыл мне эту тайну. Осторожно, с волнением приступил я к изучению содержимого журнала, делая при этом выписки в подписанную новозаведенную тетрадь. Журналов еще не касалась человеческая рука, и я очень осторожно, с волнением отделял один лист тонкой великолепной бумаги от другого и вчитывался в четкий, ясный текст. Это был Императорский комплект, предназначенный для Императорской библиотеки. Государь император был рядом...

Здесь хотелось бы добавить, какое продолжение эта история получила спустя почти 30 лет. В феврале 2017 г. я в составе паломнической группы во главе с Владыкой посетил Святую Землю. Там Господь посетил меня болезнью, пришлось принимать антибиотик, но по возвращении домой я неожиданно почувствовал прилив сил – в немощи моей сила Божия совершилась. Одновременно пришло непреодолимое желание продолжить научную работу, и я обратился к Владыке Митрополиту с прошением благословить поездку в Санкт-Петербург для возобновления работы в Национальной библиотеке с целью обретения того самого, Императорского, комплекта Ставропольских Епархиальных Ведомостей к празднованию 175-летия епархии. Владыка сразу же

благословил поездку. 7 марта 2017 г. я вместе с матушкой переступил порог Российской Национальной библиотеки (РНБ). Сильно волнуясь, обратился к дежурной с вопросом, можно ли записаться в число читателей. Оказалось, мне записываться не надо, так как в базе данных содержатся сведения обо мне. Мне выписали читательский билет как кандидату богословия. Получила читательский билет и матушка. Получая читательский билет, я испытал чувство духовного восторга, радости и перекрестился благодаря Господа со слезами на глазах. И сразу же мы проследовали в Журнальный фонд, где я без обиняков рассказал сотрудницам о памятном посещении библиотеки и спросил о том замечательном комплекте. Было видно, сотрудницы пришли в замешательство, не ожидали увидеть живого свидетеля их тайны, запинаясь, стали говорить, что этого комплекта нет, забрала Москва и т.д. Я понял, что не увижу чудных книг, однако сказал о предстоящем юбилее епархии и желании иметь полный комплект Епархиальных Ведомостей. Они посоветовали обратиться к исполняющей обязанности директора РНБ Е.В. Тихоновой. Понимая, что к руководителю надо идти с соответствующим письмом от Владыки, я отложил визит к Елене Валерьевне до следующего раза. И вот 30 марта 2017 г., в четверг 5-й седмицы Великого поста, в 10.45 я в ее кабинете. Состоялась содержательная беседа, я вручил письмо Владыки, в котором была просьба передать епархии Императорский комплект или же создать электронную версию. Узнав, что в октябре 2018 г. намечены торжества, посвященные 175-летию Ставропольской епархии, Елена Валерьевна заверила, что к сентябрю 2018 г. электронная версия Ставропольских Епархиальных Ведомостей будет создана. Что и было сделано.

Выписки, сделанные в Публичной библиотеке в 1987 г., и легли в основу моего доклада, с которым я выступил на торжественном собрании 22 июля 1988 г. в Ставропольской краевой филармонии (к сожалению, ни одного экземпляра не сохранилось – все розданы). Доклад вызвал у слушателей ошеломляющее впечатление. По окончании собрания ко мне подходили священники – маститые, убежденные седи-нами – и, удивленно переглядываясь, шепотом спрашивали: «Отец Па-

вел, а это правда? Так и было?! У нас была история до 1917 года? А ты не боишься, что тебя посадят?», – и т.п. Просили текст и трогали меня руками – не привидение ли...

Вскоре произошли эпохальные изменения в жизни епархии: Архиепископ Антоний 4 декабря 1989 г. преставился, на Ставропольскую кафедру был назначен Митрополит Гедеон (Докукин), выпускник Ставропольской духовной семинарии. Первое мое знакомство с ним состоялось во время всенощного бдения 14 февраля 1990 г., когда Владыка объявил, что я буду его секретарем. Слышавшие говорили: «На полгода, мол», а вышло на 14 лет! Епархия была огромной – от Элисты до Баку, и послушание секретаря забирало и время, и силы. Однако сверх всех нагрузок Владыка еще благословил мне готовить доклады на важных мероприятиях: в 1991 г. – 145-летие СДС и (в ноябре) о Владыке Феофилакте в связи с обретением и перенесением его мощей, в 1992 г. – 25 лет Архиерейского служения митрополита Гедеона, в 1993 г. – 150 лет Ставропольской епархии, в 1996 г. – 150 лет СДС и т.д. Одним словом, работа над кандидатской не прекращалась, хотя и не была интенсивной и постоянной.

Теперь я понимаю, что Владыка Гедеон, загружая меня, что называется «по полной», хотел, чтобы моя работа имела и отпечаток современности.

**6 декабря 2019 года, пятница,
св. блгв. кн. Александра Невского,
9.00, г. Ставрополь, дом, кабинет.**

Прот. П. Самойленко .

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена начальному этапу истории Ставропольской (Кавказской) епархии Русской Православной Церкви, отметившей в 1993 г. свой 150-летний юбилей.

Границы этого периода лежат в тесной связи с событиями гражданской истории России. Естественно, что за точку отсчета принимается год образования епархии – 1843¹. На протяжении последующих 75 лет мы видим постоянно развитие, хотя и происходящее не без сложностей разного порядка.

Последствия октябрьского переворота 1917 г. докатились до благословенного Юга России лишь в 1918 г., но были не менее, а отчасти и более разрушительны, чем в центре, поскольку зажиточный казачий православный Юг изначально не принял ни Февраля, ни Октября, что привело к ожесточенной борьбе. В 1918 г. завершается мирный период церковного строительства на Кавказе. Последующие 25 лет (1918–1943) были здесь, как и везде в России, годами суровых испытаний для Русской Православной Церкви.

Следующий этап возрождения церковной жизни в Ставропольской епархии связан с именем выдающегося архиерея – Митрополита Антония (Романовского, †1962).

¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1209. Протокол Кавказской духовной Консистории за 1844 год. См. также «Настольную книгу священно-церковнослужителя» С.В. Булгакова (т. 2, с. 1413).

Время хрущевских гонений и последующие годы (1959–1989) были во многом, по сложности положения Церкви в государстве и обществе, схожи с ситуацией 1920–1930-х гг., хотя, конечно, случаи открытых репрессий в этот период единичны.

Современный этап в развитии Ставропольской епархии связан с деятельностью Высокопреосвященнейшего Митрополита Гedeона (Докукина). Это время (с 1990 года) по своему динамизму сопоставимо с начальным периодом развития епархии.

Изучение истории Ставропольской епархии, и шире – православия на Кавказе в XIX–XX вв., помогает нам лучше видеть причины современных сложностей, искать пути их разрешения. В отличие от большинства других епархий Русской Православной Церкви Ставропольская епархия получила свое устройство лишь в прошлом веке. В то же время она объединяет территорию, где издавна бытовало христианство, где вера Христова была проповедана еще святым апостолом Андреем Первозванным и позднее равноапостольными Мефодием и Кириллом.

Первые десятилетия своего существования епархия жила в обстановке непрекращающихся военных действий. Православные христиане жили в окружении иноверных народов. К тому же Кавказ в XVIII–XIX вв. привлекал старообрядцев и сектантов относительной свободой, связанной с неустроенностью пограничного края. Эти серьезные обстоятельства вызывали к жизни особые требования к клиру Ставропольской епархии, накладывая на все отрасли епархиальной жизни неизгладимый отпечаток.

В конце XX в. территория Ставропольской епархии (а это Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия–Алания, Республика Ингушетия) представляла собой огнедышащий регион, в отдельных местах которого православные христиане зачастую являлись религиозным и национальным меньшинством.

При написании работы автор прежде всего обращался к документам, находящимся в хранилищах Государственного архива

Ставропольского края (фонды консистории, семинарии, миссионерского комитета и некоторые другие)².

Неоценимым подспорьем для исследователя церковной старины на Кавказе являются издававшиеся с 1873 по 1918 г. «Ставропольские епархиальные ведомости» (до 1885 г. – «Кавказские епархиальные ведомости»³). «Ведомости» на всем протяжении существования уделяли много места исторической теме, публикуя как исследования, так и первоисточники, архивные материалы, что помогает современному исследователю восполнить лакуны, имеющиеся в государственных архивах.

Кроме указанных источников автор пользовался некоторыми мало-доступными исследованиями, принадлежащими перу церковных авторов XIX века, сохранившимися в Ставропольской фундаментальной научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова и библиотеке краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве⁴, а также весьма ценным трудом по древнейшему периоду истории христианства на территории Ставропольской епархии, принадлежащим перу Высокопреосвященнейшего митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона⁵.

² Не секрет, что в 1920–1960 гг. проводилось планомерное уничтожение дореволюционных архивов. Например, в Государственном архиве Ставропольского края (далее – ГАСК) в 1961–1965 гг. из сохранившихся к тому времени документов консисторского фонда было списано до 90% дел. И все же даже сохранившиеся архивные крупницы очень много дают исследователю. Остается только предполагать, к каким открытиям могло бы привести знакомство с документами в полном объеме.

³ Епархиальный миссионер в период управления Епархией Высокопреосвященнейшего Архиепископа Агафодора протоиерей Симеон Никольский – фигура весьма значительная в истории ставропольской епархии – среди многих своих трудов оставил благодарным потомкам и указатель статей неофициального отдела «Ставропольских епархиальных ведомостей», простое знакомство с которым показывает пристальный интерес наших предшественников к истории церковного строительства на Кавказе.

⁴ В качестве примера можно привести образцовый труд А. Васильева «Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской Духовной Семинарии», исследования как частного характера (как, например, «Историческое описание Иоанно-Мариинского монастыря» П. Воскресенского), так и обобщающий труд И. Покровского «Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования» и многих других.

⁵ Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва – Пятигорск, 1992.

Северный Кавказ является одной из древнейших территорий распространения веры Христовой. Об этом свидетельствуют не только некоторые памятники письменности⁶, но и многочисленные материальные памятники, относящиеся к первому тысячелетию по Рождестве Христовом, а также существование среди местных народов (ныне преимущественно мусульманских, как, например, кабардинцев) издревле христианских родов.

Развитие исторических событий привело к угасанию христианства на Северном Кавказе после XII–XIII вв. С XV в. Северный Кавказ оказался оторванным от христианских центров. В этот период отмечается угасание христианства, наступление язычества и ислама. Долгое время христиане, язычники и мусульмане сосуществовали друг с другом, что ставило в тупик европейских путешественников XVII–XVIII вв., которые не могли понять, какую религию исповедуют народы этого края.

Возрождение православия на Кавказе начинается со времен царя Иоанна IV Васильевича, когда, после взятия Астрахани, «русское казачество, стремившееся все к новым и новым окраинам, скоро поставило там свои передовые форпосты»⁷. Впрочем, не приходится говорить о каком-либо благоустроенном существовании русских переселенцев на Кавказе в XVII–XVIII вв. Вслед за войсками двигались и переселенцы, воздвигавшие православные храмы⁸.

В результате этого процесса в 1602 г. и была основана Астраханская епархия, в состав которой впоследствии вошла и Терская область.

По территории Астраханская епархия была огромна, она простиралась от Саратова на севере до Кизляра на юге⁹. Естественно, что при отсутствии безопасных и удобных путей сообщения связь Терского края с кафедрой была символична и, вероятно, не простиралась далее хиротонии Астраханским архиереем священнослужителей для

⁶ См. Памятники литературы древней Руси. XI – начало XII в. М., 1978. С. 25–27.

⁷ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. I. С. 11 и след.

⁸ Потто В.А. Два века терского казачества. Ставрополь, 1991. Т. I. Гл. 2.

⁹ Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1913. С. 430, 445.

казачьих поселений. Поэтому для проповеди Слова Божия среди осетин и других горцев была учреждена Духовная Моздокская комиссия, в 1771 г. переименованная в Осетинскую¹⁰.

Показательно распределение церквей в Астраханской и Ставропольской епархии к концу XVIII в. (на 12 декабря 1796 г.): в Астраханской губернии – 38, Саратовской губернии – 267, Моздокском викариатстве (территории, которой и будет суждено стать частью новой епархии спустя полвека, в таких городах, как Моздок, Кизляр, Георгиевск, Александров, Ставрополь) – 69¹¹.

Среди причин того, почему довольно обжитой к середине XIX столетия обширный край был неблагоустроен в церковном отношении, и обширность территории, и частые перемены в административном устройстве края, и, наконец, прифронтовой характер быта православного российского населения.

В конце XVIII – начале XIX в. на Кавказе оказалось множество переселенцев из России. Край быстро осваивался, появлялись новые поселения, образовывались новые приходы. Но административный аппарат работал неудовлетворительно, не во все приходы жалование из казны поступало в достаточном количестве, а в некоторые из них оно зачастую не поступало вовсе. Таким образом содержание духовенства практически целиком ложилось на плечи прихожан. Это вело к тому, что священник оказывался в зависимости от прихожан, что неизбежно отрицательно сказывалось на их отношениях.

До 1793 г. церкви будущей Ставропольской епархии относились к Астраханской и Ставропольской епархии; с 1793 по 1799 г. – к Моздокско-Маджарскому викариатству; с 1799 по 1829 г. – вновь к Астраханской епархии; в 1829 г. Черноморская и Кавказская области вошли в состав вновь учрежденной Новочеркасской епархии. Пер-

¹⁰ Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1913. С. 792 и след.

¹¹ Там же. С. 840.

вым епископом этой епархии был Преосвященный Афанасий, именовавшийся Архиепископом Новочеркасским и Георгиевским. Он обратил особое внимание на Кавказский край, где по отдаленности от центра административного управления епархией не было порядка в церковных делах.

В 1830 г. Кизлярское духовное правление по причине своей бездеятельности было упразднено. Вместо него было учреждено новое правление в Моздоке. Георгиевское духовное правление было перенесено в областной город Ставрополь¹². Членами его были назначены протоиерей Мерхалев, имя которого, к сожалению, история нам не сохранила, и священники Василий Рублев и Василий Тимофеев.

Ходатайство перед Государем Императором Николаем I и Святейшим Синодом об открытии Кавказской епархии было возбуждено в 1842 г. П.Х. Граббе – начальником Кавказской области, который в бытность свою на этом посту сделал много распоряжений по благоустройству города Ставрополя. Не хотел он оставить без внимания и религиозно-нравственную сторону развития города как главное основание его будущего благоденствия и процветания. Но это трудное дело не могло быть выполнено без архипастыря. Павел Христианович взял на себя ходатайство об учреждении в Ставрополе архиерейской кафедры и создании отдельной Кавказской епархии. Расчет его состоял в том, что граждане, воодушевленные архипастырским словом, непременно займутся постройкой церкви. И этот расчет, как показало будущее, во многом оправдался.

¹² Основан в 1777 г. как одна из крепостей Оборонительной линии, протянувшейся от Моздока до крепости свт. Димитрия (будущего города Ростов-на-Дону). Первоначально предполагалось назвать крепость № 8 «Московской», однако при основании она получила наименование «Ставропольской». Существуют две версии присвоения крепости и городу такого названия, впрочем, не противоречащие друг другу, а возможно, и дополняющие одна другую. Итак, по одной из версий, имя «Ставрополь», то есть «Город Креста» было присвоено новому поселению, после того как при строительстве крепости был найден древний каменный крест. По другой версии, крепость и возникший вокруг нее город называли так в память построенной Петром I во время Дербентского похода на Каспии крепости «Ставрополь», разрушенной персами.

4 апреля 1842 г. Государем Императором была наложена положительная резолюция на докладе Священного Синода об образовании на Кавказе отдельной епархии. Открытие ее состоялось 1 января 1843 г. Новой епархии был присвоен третий класс¹³, а степень – после Симбирской. «Открыта была епархия в Кавказской области и земле Войска Черноморского с той целью, чтобы через улучшение духовенства и возвышение благолепия церкви наиболее утвердить в этих землях православие и содействовать восстановлению его между горцами, где вера христианская некогда существовала, но зачахла под владычеством магометанства»¹⁴. Так писал в рапорте преемник П.Х. Граббе на посту начальника Кавказской области генерал-лейтенант Гурко.

Учрежденная в 1843 г. Ставропольская епархия последовательно именовалась: с момента учреждения – Кавказской и Черноморской; с 30 июля 1867 г. – Кавказской и Екатеринодарской; с 8 марта 1886 г. – Ставропольской и Екатеринодарской¹⁵; с 5 октября 1916 г. – Кавказской и Ставропольской; с 1922 г. – Ставропольской и Кубанской; с 1935 г. – Ставропольской и Донской, в 1943–1945 гг. – Ставропольской и Пятигорской¹⁶. В 1945–1994 гг. титул правящего архиерея был «Ставропольский и Бакинский», а с 1994 г. – «Ставропольский и Владикавказский»¹⁷.

¹³ Епархии в Синодальный период разделялись на три класса: к первому относились митрополии. Ко второму – епархии наиболее важные для государства, наиболее обширные и многолюдные; они отличались от епархий третьего класса так же, как простые губернии от генерал-губернаторств. К третьему классу относились епархии небольшие, не имевшие, по мнению Святейшего Синода, важного значения. Таким образом, присвоение Кавказской епархии третьего класса показывает недооценку значения епархии, сопоставимого с ее необъятными размерами.

¹⁴ Титов А.А. Преосвященный Иеремия. Биографический очерк. М., 1897.

¹⁵ Булгаков С.В. Настольная книга священно-церковнослужителя. М., 1993. Т. 2. С. 1413.

¹⁶ ГАСК. Ф. Р-5171. Оп. 1. Д. 1–144. Регистрационные дела религиозных обществ Русской Православной Церкви. Д. 145. Информационные доклады и сведения о деятельности религиозных объединений в Ставропольском крае. Д. 158. Регистрационное дело епископа [читай, архиепископа. – Прот. П.С.] Антония Романовского.

¹⁷ В целях облегчения изложения нами принято единообразное именование епархии в работе как Ставропольской.

В состав новоучрежденной епархии вошли вся Кавказская область и Черномория, ранее относившиеся к Новочеркасской епархии. Епископу было определено иметь резиденцию в городе Ставрополе и титуловаться Кавказским и Черноморским. На устройство новой архиерейской кафедры (при ней ризницы, канцелярии и т.д.) было отпущено 3000 рублей серебром. Предписано также «... на основании узаконений, к Ставропольскому архиерейскому дому определить надлежащее число служителей из крестьян и отнести по близости и удобности положенное количество земли с угодьями, мельницу и рыбные ловли; для помещения епископа с архиерейским штатом и Консисто-рии построить или приобрести приличный дом на счет казны, а до этого расположить их в съемных на счет казны домах»¹⁸. Кафедральный собор предполагалось устроить в Троицкой церкви. Штатное содержание Кавказской кафедры было определено по третьему классу, в размере 4839 рублей и 23 копейки серебром в год (через год эта сумма была увеличена на 1000 рублей)¹⁹. Высочайшим Указом от 1 января 1843 г. епископом Кавказским и Черноморским был назначен викарий Киевской митрополии епископ Чигиринский Иеремия (в миру Иродион Соловьев).

¹⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1209. Протокол Кавказской духовной консистории за 1844 год.

¹⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 290. О сумме Кафедрального собора, Консисто-рии и Архиерейского дома. Л. 2.

ЖИЗНЬ И ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАВРОПОЛЬСКИХ ПРЕОСВЯЩЕННЫХ

**Преосвященный Иеремия (Соловьев) (1843–1849) –
первый архипастырь Ставропольский²⁰**

Владыка Иеремия был строгий ревнитель православия, полный сил и энергии, не останавливающийся ни перед каким препятствием. Сын бедного причетника Орловской епархии Иродион Соловьев (так в миру звался Преосвященный Иеремия) родился 10 апреля 1799 г.²¹ В 1810 г. он поступил в Севское духовное училище, а затем в Орловскую духовную семинарию, которую окончил в 1819 г. В родной семье он усвоил много добрых обычаев, между прочим, любовь к церковности, которая выражалась в его набожности, благочестии, необыкновенном смирении и сознании немощей своих духовных сил. Эти

²⁰ Учитывая то обстоятельство, что о деятельности Преосвященного Иереи по обустройству вновь образованной епархии подробно рассказывается в разделах, посвященных духовному образованию, храмоздательству, истории монастырей, в этой главе главное внимание автор сосредоточил на жизнеописании первого Кавказского архиерея, помогающем понять как истоки его несомненных успехов, так и причины слишком раннего удаления со Ставропольской кафедры. Кто знает, как сложилась бы история Церкви Кавказской, если бы Владыка Иеремия благодатно управлял ею до кончины своей, осуществляя все задуманное им по благоустройству епархии. Но история не терпит сослагательного наклонения. Предваряя жизнеописание Преосвященного, представляется необходимым указать, что личность этого выдающегося архиерея привлекала внимание еще его современников, благодаря чему мы имели возможность пользоваться не только архивными документами, дающими лишь фрагментарное представление о епископе Иеремии, но и такими трудами, как «Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской, семинарии» А.И. Васильева и «Преосвященный Иеремия. Биографический очерк» А.А. Титова.

²¹ Энциклопедический словарь. Т. 13а. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1894. С. 643–644.

черты его нравственного характера остались в нем навсегда, с ними сошел он и в могилу.

Скромный, кроткий, непритязательный в отношении к себе и другим, с горячей истинно-христианскою любовью, спешивший на помощь другим, он отличался в то же время необыкновенной энергией и силой воли, не выносил равнодушия к православию и, не взирая на лица и обстановку, смело и беспощадно высказывал свое мнение, горячо отстаивая интересы православия. Будучи учеником, он обратил на себя внимание начальства, в лице ректоров семинарии – архимандритов Владимира и Гавриила (впоследствии Архиепископа Рязанского) и Орловского епископа Досифея, своею набожностью, благонаравием и смирением.

Задушевным и неизменным его другом был Иван Борисов, первый ученик в классе, впоследствии знаменитый Иннокентий, Архиепископ Херсонский и Таврический. Иродион Соловьев и Иван Борисов неразлучно просидели за одной партой в последнем богословском классе. Сознание немощей своих духовных сил было у Соловьева так велико, что, несмотря на более чем хорошие успехи, он думал отказаться от продолжения семинарского образования.

В последний год пребывания в семинарии Соловьев и Борисов много и долго размышляли и беседовали о дальнейшей своей судьбе. Борисов по сильной склонности и жажде к знанию думал поступить в Харьковский университет для продолжения своего образования. Соловьев же по своей благочестивой настроенности духовное звание предпочитал всем другим званиям и состояниям и думал поступить в священники. Держась таких взглядов относительно своего будущего, он сильно убеждал и Борисова не изменять своему званию, не отказываться от служения церкви и принять даже пострижение в монашество. Эти беседы не прошли бесследно в жизни обоих. И тот, и другой дали друг другу слово поступить в монашество²².

²² Васильев А.И. Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской, семинарии. Ставрополь, 1897. С. 9.

По окончании курса друзья расстались. Борисов поступил в Киевскую духовную академию, а Соловьев, предназначенный вместе с Борисовым к отправлению в академию, по недоверию к своим силам, а отчасти из желания помогать своим бедным родителям уклонился от нее. Друзья встретились через пять лет, но уже при другой обстановке. Борисов прожил четыре года в академии, в Киеве. По окончании курса наук в 1823 г. он был назначен инспектором и профессором богословских наук в Петербургскую семинарию, а через год бакалавром в Петербургскую академию. В год окончания курса он исполнил обет, данный другу еще в семинарии, принял пострижение в монашество с именем Иннокентия. Соловьев же по окончании семинарского курса четыре года прослужил в должности инспектора и учителя греческого языка в Севском духовном училище. Эти четыре года прошли, собственно, в подготовке к монашеству.

Влечение к иночеству, к которому он по основным чертам своего характера был склонен и прежде, усилилось во время училищной службы под руководством ректора Севского училища иеромонаха Иакова (впоследствии епископа Саратовского и Нижегородского). Соловьев очень далек был от честолюбивых помыслов, готовясь к поступлению в монашество. Лично для себя не видел в иночестве карьеры, готовился по своей аскетической настроенности к совершенному уединению и полному отрешению от мира и церковно-общественной деятельности. Искренне и глубоко он был убежден в спасительности монашества как высокого подвига нравственной жизни. Других взглядов на дело, в применении к своей личности иноческого служения, он не понимал и не разделял.

О чистоте и искренности его стремлений и побуждений свидетельствует обстановка, при которой он поступил в монастырь. Прежде чем принять пострижение в монашество, он решил пройти предварительно все степени послушания, испытать свои силы и достойно подготовиться к служению Богу и ближним в звании инока.

Прошло четыре года училищной службы. Орловский епископ Гавриил, хорошо знавший Соловьева, когда был ректором семинарии, сам

предложил ему место священника. Соловьев сначала с благодарностью принял место, но его охватило духовное раздумье. Колебания его, впрочем, были непродолжительны. Отказавшись от места, он обратился к епископу с просьбой назначить его послушником в Площанскую пустынь, но Преосвященный определил его в Брянский Печерский монастырь²³.

С этого времени и началась его нелегкая трудовая жизнь в положении послушника. Пешком, с кожаной котомкой за плечами, с палкой в руках совершил он в весеннюю распутицу двухсотверстный путь до назначенного ему Брянского монастыря, где встретили его подозрительно: не было примера, чтобы инспектор и учитель училища начал поступление в монашество с низших степеней послушания. Приставлен он был первоначально к должности чернорабочего на дворе и при кухне. Через четыре месяца он был назначен к вакансии пономаря в ранней Литургии; в этом звании думал он остаться навсегда. Но промысл Божий дал его жизни и деятельности другое направление.

В то время когда Соловьев упражнялся в подвигах послушания, неожиданно для епархиального начальства пришло распоряжение Святейшего Синода о немедленном отправлении послушника Соловьева на казенный счет в Петербургскую духовную академию. И Соловьев снова очутился на школьной скамье. Распоряжение это было делом его друга Борисова, в то время бакалавра академии. Только привычка к послушанию и беспрекословному исполнению всех велений начальства заставила Соловьева явиться в Петербург и остаться в академии²⁴.

Невольное пребывание в академии скрашивалось сердечной дружбой и привязанностью Борисова. Зная хорошо духовные дарования и душевные качества Соловьева, Борисов не мог допустить, чтобы они остались без применения к делу на более широком поприще в об-

²³ Там же. С. 9.

²⁴ «Он [Преосвященный иногда писал о себе в третьем лице. – Прот. П. С.] против воли своей, единственно из повиновения старцу определен в число студентов Санкт-Петербургской духовной академии» (Автобиография Преосвященного Иереи, первого епископа Кавказского // Кавказские епархиальные ведомости, 1885. С. 17).

ласти церковно-общественной жизни. Поэтому он и привлек его в академию, где Иродион Соловьев принял монашеский постриг (получив при пострижении имя Иеремии, в честь святого пророка Божия). Пострижение совершено было в академической церкви 21 ноября 1824 г. Ревельским епископом Григорием (впоследствии митрополитом Петербургским).

Иеремия пробыл в академии только три года. Это трехлетнее пребывание не убило в нем прежней мысли остаться в монастыре, в уединении. При окончании курса он заявил начальству о своем намерении поступить в монастырь и просил, чтобы его не удостоивали никакой академической степени. Просьба строгого инока была исполнена, но в монастырь ему не скоро пришлось поступить. Вскоре по окончании курса в 1827 г. он был рукоположен во иеромонаха²⁵ и назначен законоучителем 2-го кадетского корпуса. В 1829 г. перемещен бакалавром в академию.

В 1830 г. состоялось назначение Иннокентия Борисова ректором Киевской духовной академии. Предстояла тяжелая, нежелательная для обоих друзей разлука, так как, по словам Иеремии, «оба они (то есть Иннокентий и Иеремия) надобны были для поддержки в этом мудреном мире». Но митрополит Серафим, которому хорошо была известна жизнь двух друзей, пришел к мысли, что «Иеремия будет скучать без него», то есть Иннокентия, и решил снова соединить их. На следующий день он предложил комиссии духовных училищ назначить Иеремию инспектором в Киевскую академию²⁶. Друзья возблагодарили Бога за неожиданное воссоединение и отправились в Киев, куда давно и всей душой стремился Иеремия. С назначением на должность инспектора академии последовало и возведение его в сан архимандрита.

В 1834 г. архимандрит Иеремия был перемещен ректором Киевской семинарии и настоятелем Киево-Выдубецкого монастыря. В

²⁵ Архиепископом Рязанским Филаретом (Амфитеатровым) – впоследствии митрополитом Киевским, совершившим и архиерейскую хиротонию Владыки Иеремии.

²⁶ Титов А.А. Преосвященный Иеремия. Биографический очерк. М., 1897. С. 8–9.

1839 г. освободилась должность ректора Киевской духовной академии: Иннокентий – друг Иеремии – возведен был в сан Епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии. Иеремия занял его место. Исполнилось слово Спасителя – всяк смиряя себя, вознесется (Лк. 18, 14). Сколько Иеремия ни уничижал себя, все напрасно. Он добровольно принял на себя тяжелые чернорабочие обязанности монастырского послушания – его против воли посылают в высшее учебное заведение; добровольно отказывается от ученой степени, чтобы лишиться права получать высшие должности, – его против воли назначают на такую должность, которая дается только имеющим высшую степень.

В 1841 г. Преосвященный Иннокентий был переведен в Вологодскую епархию, а Иеремия по обычаю занял его место. Он был назначен викарием Киевской митрополии с возведением в сан Епископа Чигиринского. Разлука была тяжелая, но неизбежная. Не надолго после остался в Киеве и Иеремия. Через два года он был возведен в звание Епископа Кавказского и Черноморского.

К киевскому периоду деятельности Преосвященного Иеремии относится и пострижение им (15 февраля 1841 г.), а затем рукоположение (в сан иеродиакона – 6 апреля, в сан иеромонаха – 1 июля) будущего святителя Феофана Затворника. «Замечательно, – пишет один из жизнеописателей святителя Феофана, – что такой подвижник, как Преосвященный Феофан, пострижен в монашество и рукоположен в две первые степени священства таким же истинно богомудрым мужем, как Преосвященный Иеремия! Так в жизни духовной один ярко горящий светильник горением Божественного Света возжигает другие новые светильники, да во время свое поставлены будут на свещнице и светят всем, «иже в храмине суть»²⁷.

В Харькове по пути в Ставрополь произошла встреча Иеремии со своим другом детства Иннокентием, который радовался духовной

²⁷ Кондратов А. По святым обителям и богоспасаемым градам // Душеполезное чтение, 1895. Ч. 3.

радостью за своего друга Иеремию²⁸. Заветная, задушевная мечта Иннокентия дать деятельности Иеремии направление, соответствующее его духовным дарованиям и силам, осуществилась. В ревности и способностях своего друга к труду для славы Божией он никогда не сомневался; не сомневался и в благих результатах этого труда и, как показали последствия архипастырской деятельности первого Кавказского епископа, не ошибся в своих ожиданиях и надеждах относительно его.

Заботы первого архипастыря Кавказского о новой епархии начались еще в Киеве. Понимая, что едет на неустроенное место, Епископ Иеремия освятил 8 марта 1843 г. 100 антиминсов, сделал запас облачений, ставленнических грамот, присяг, получил святое миро. Все это нужно было везти с собой. Но оставался нерешенным и еще один вопрос, беспокоивший Преосвященного. Он считал совершенно необходимым устройство домового архиерейской церкви, тем более что пока было совершенно неизвестно, как далеко будет отстоять его жилище от кафедрального города.

После многих размышлений решено было устроить походный иконостас наподобие военных. «Почти в две недели разумным масте-

²⁸ «В Харьков прибыли 27 марта в 5 часов пополудни. Преосвященный Иннокентий, принимая в дружеские объятия ужежданного гостя, говорил: «Что умедлил ты, Владыко? А я и город наш надеялись, что во всерадостный день Благовещения мы или соборно, или порознь оба в разных церквях будем священнодействовать». / ... / 3 апреля, в Лазарево воскресенье, отбыл из Харькова, напутствованный молитвою и благожеланиями друга архипастыря» (Автобиография Преосвященного Иеремии, первого Епископа Кавказского // Кавказские епархиальные ведомости, 1885. С. 23–24). Примечателен и следующий факт, приводимый в «Автобиографии ...». В селе Ново-Егорлыкском (первом населенном пункте Кавказской епархии на пути следования Преосвященного к Кафедральному граду Ставрополю) настоятель местной церкви протоиерей Трофим Орлов поднес Епископу Иеремию карту епархии. «Возрев на нее, Преосвященный изрек в духе: «Призри в небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, толь часто озобаемый ...». Каковую первую молитву свою Кавказскую и написал впоследствии на карте» (Автобиография Преосвященного Иеремии, первого Епископа Кавказского // Кавказские епархиальные ведомости, 1885. С. 25).

ром Иоанном Боханом, киевским гражданином, устроен и тот Святой Престол, и тот Святой Жертвенник (из кипариса оба), на коих приносятся теперь при доме архиерея кавказского Бескровная Жертва о благоденствии и спасении Кавказа, и иконостас на холсте. По имени града епаршеского домовая церковь сооружена и освящена во имя Честного и Животворящего Креста Господня. Церковь и прочая святыня благополучно доставлены в Ставрополь в Великий Четверток Страстной Седмицы»²⁹.

Подробно о трудах Преосвященного Иереи по устройению Ставропольской Епархии говорится в разделах, посвященных духовной школе, храмоздательству. Если же говорить кратко, то время правления епископа Иереи (1843–1849 гг.) было временем оживления церковной жизни на Северном Кавказе. Появились новые интересы; заговорили о необходимости постройки новых храмов, создании духовно-просветительских учреждений, борьбе с расколом и сектантством, проповеди православия среди горских народов. Общество приняло деятельное участие во многих начинаниях Преосвященного. Никогда еще в Ставрополе не проявлялась благотворительность в таких размерах, как во время управления епархией епископа Иереи.

При владыке Иереи кроме Крестовоздвиженской были выстроены Андреевская, Успенская, Варваринская церкви; в предместье Ставрополя была основана женская община (будущий Иоанно-Мариинский монастырь). Кроме того были устроены домовые церкви при мужской гимназии, военном госпитале, тюремном замке. При нем на месте старой домово́й Спасской церкви, подаренной городу купцом Волобуевым, начали возводить Спасо-Преображенский храм. Наконец, в годы его правления был воздвигнут величественный Кафедральный Казанский собор. Многие из этих построек были сделаны за счет

²⁹ Автобиография Преосвященного Иереи, первого епископа Кавказского // Кавказские епархиальные ведомости, 1885. С. 20.

многочисленных пожертвований и при самом активном участии самого Преосвященного.

Неоценимы труды Епископа Иеремии по устройству Ставропольской духовной семинарии. «Основание духовной семинарии, – говорил епископ Иеремия, – я считаю не менее важным делом для Церкви, как и покорение Кавказа для государства»³⁰.

Начальник Кавказской области генерал-лейтенант Владимир Осипович Гурко так отзывался о владыке Иеремии в 1845 г. в своем отношении на имя обер-прокурора Святейшего Синода графа Протасова: «Преосвященный Иеремия есть пастырь, достойный всякой похвалы. При строгом образе жизни он соединяет в себе истинную кротость, любовь к ближнему, глубокую набожность и пламенное усердие к вере. В его управлении почти не слышно жалоб, которые доходили прежде до областного начальства на лиц духовного ведомства. По его убеждению и содействию исправлены, устроены или окончены постройкой многие церковные здания, особенно каменный собор в Ставрополе (Кафедральный). Примером дел своих, равно как всегдашним расположением к добру и благотворению, он приобрел к себе общую привязанность и уважение»³¹.

Характерно, что среди многих дел Преосвященного Иеремии, как, если так можно выразиться, первооткрывателя Кафедры, есть и открытие колокольного завода. Завод этот в строгом смысле слова не был епархиальным, то есть принадлежал не епархии, а купцу Н.А. Курилкину. В своем прошении на имя Епископа Иеремии он

³⁰ *Иеремия (Соловьев), епископ*. 24 письма на Кавказ. Рукопись (из собрания Л.Н. Польского), лист 10. Это же высказывание приводит и А.И. Васильев в своем труде, посвященном Ставропольской духовной семинарии. По его свидетельству буквально так Преосвященный Иеремия сказал в разговоре с генерал-лейтенантом Гурко, свидетелем которого был правитель канцелярии начальника области Мартынов, который и пересказал разговор Васильеву.

³¹ Кавказские епархиальные ведомости. 1879. С. 966.

писал: «Известился я, что многие церкви, высочайше вверенной Вашему Преосвященству Епархии, имеют ощутительный недостаток в колоколах, вероятно, по неимению близ Кавказской области колокольных заводов / ... / »³². Далее шли конкретные деловые предложения, нашедшие поддержку Преосвященного. В итоге же до 1917 г. данный завод снабжал отличными колоколами весь Кавказ.

Говоря о трудах Преосвященного Иеремии, нельзя не коснуться и причины его устранения со Ставропольской кафедры, которой он отдал столько сил, и заботливую память о которой сохранил до конца жизни. Устранение первого Епископа Ставропольского находится в тесной связи с этими трудами, его ревностным стремлением к правильному устройению церковной жизни в Кавказском крае.

Вполне естественное для православного епископа стремление к преодолению и искоренению в своей епархии пагубного старообрядческого раскола вошло в противоречие с государственной политикой и привело фактически к разрушению вновь образованной епархии, когда в 1845 г. приходы казачьих станиц были изъяты из состава Кавказской епархии и переданы в ведение обер-священника Кавказского отдельного корпуса, что не сообразовалось ни с правильным порядком церковной жизни на Кавказе, ни с каноническими установлениями (пресвитер, по сути, стал исполнять епископские обязанности)³³.

В 1849 г. Преосвященный Иеремия был переведен на Полтавскую, а вскоре после этого Нижегородскую кафедру, где оказался поневоле участником «дивеевской смуты», и стал жертвой наветов распорядившегося в Дивееве иеромонаха Иоасафа (Тихонова), по-

³² ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 63. Об устройстве колокольного завода. Л. 1.

³³ Подробно этот конфликт описан в книге Высокопреосвященнейшего Гedeона, Митрополита Ставропольского и Владикавказского «История христианства на Северном Кавказе».

сле чего Преосвященный подал прошение об увольнении на покой³⁴ (эти события описываются в летописи Серафимо-Дивеевского монастыря, составленной священномучеником Серафимом (Чичаговым)³⁵.

³⁴ На покое Владыка Иеремия жил в Печерском Нижегородском монастыре, где его посетил известный духовный писатель граф М.В. Толстой. Вот как он описывает встречу со старцем-епископом: «/.../ Там представил меня ему знакомый нижегородский помещик И.А. Лыкошин, предварив меня, что преосвященный Иеремия тяготится продолжительными посещениями, и мы условились пробыть у него несколько минут. Но когда старец узнал из разговора, что «Рассказы из истории Русской Церкви» и другие статьи в «Душеполезном чтении» писаны мною, он обрадовался моему посещению /.../ После узнали мы, что утром того самого дня, когда сидели мы в келье архиерея-отшельника, у него было украдено все его богатство: золотые часы, подзорная труба, стоявшая на окне, из которого открывался прекрасный вид на нижегородскую ярмарку, и кошелек с пятнадцатью полуимпериалами. Окружающие его смутились этою покражею, но аскет остался совершенно спокоен и сказал им: «Часы указывали мне время, а мне пора думать о вечности. В трубу смотрел я на суету мирскую, а мне должно смотреть внутрь себя. Деньги были приготовлены на мое погребение; теперь, когда у меня нет ничего, похоронят меня и даром. Зачем же беспокоиться об этих вещах?» (Толстой М.В. Хранилище моей памяти. М., 1995. С. 21–22).

³⁵ Серафим (Чичагов), архимандрит. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. М., 1903. С. 599–615.

Священномученик Серафим (Чичагов, 1856–1937) прославлен в лике святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 18–23 февраля 1997 г. Принадлежал к старинному дворянскому роду, был офицером, принял сан, затем (по кончине супруги) монашество. Приложил немало старания к прославлению Преподобного Серафима Саровского, возобновлению почитания святой благоверной княгини Анны Кашинской. В 1928–1933 гг. Митрополит Ленинградский. Расстрелян в 1937 г.

**Епископ Иоанникий (Образцов) (1849–1857)³⁶ –
продолжатель трудов Преосвященного Иеремии**

Труды Епископа Иеремии по устроению церковной жизни на Кавказе продолжил Епископ Иоанникий, занимавший до назначения в Ставрополь Оренбургскую кафедру. Высочайший указ о назначении Преосвященного Иоанникия датируется 20 ноября 1849 г.³⁷ Последствия отделения от епархии казачьих приходов неблагоприятно сказывались на деятельности Владыки. Владыке Иоанникию вслед за преосвященным Иеремией также пришлось столкнуться с происками старообрядцев.

В этой борьбе за чистоту православия Преосвященному Иоанникию в переговорах с гражданской властью отчасти сопутствовал успех. Так, он добился от Кавказского наместника распоряжения не принимать на жительство в г. Ейске и некоторых других местах Черномории людей без свидетельства об их православном исповедании.

Со смертью атамана Линейного казачьего войска Степана Николаева все надежды нового епископа на возвращение Терского казачества в лоно Православной Церкви оказались обращены на командующего войсками Кавказской линии Николая Завадовского. Но и тот оказался бессильным в решении этого больного вопроса, хотя и способствовал открытию новых приходов в отвоеванных у закубанских шапсугов землях, вскоре вошедших в ведение Кубанского казачьего войска, образованного из Черноморского и шести бригад Кавказского линейного войска.

На территории Епархии благодаря старанию Преосвященного Иоанникия открывались новые приходские и домовые церкви, в пер-

³⁶ Поражает скудость сведений о Преосвященном Иоанникии. Так, до сих пор не установлен год его рождения. Известно, что Санкт-Петербургскую духовную академию он окончил в 1817 г. (значит, в то время ему было около 25 лет). В 1819 г. пострижен в монашество, в 1825 г. возведен в сан архимандрита, в 1832 г. хиротонисан во Епископа Вятского, в 1835 г. перемещен на Оренбургскую кафедру, а в 1849 – на Ставропольскую. В 1857 г. состоялось увольнение его на покой. Последующие годы жизни (скончался 18 апреля 1880 г.) Преосвященный Иоанникий провел в Нежинском Благовещенском монастыре Черниговской епархии (Кавказские епархиальные ведомости. 1880. № 10, отдел неофициальный. С. 355).

³⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 717. Общий реестр входящих бумаг. Л. 38.

вую очередь при училищах, гимназиях, госпиталях, тюрьмах. Первая такая домовая церковь в честь святого пророка Божия Иеремии была оборудована на втором этаже Ставропольского духовного училища.

Кстати, одним из последних дел епископа Иеремии в Ставрополе было открытие первого на Северном Кавказе среднего женского учебного заведения – училища Святой Александры. Оно состоялось 12 октября 1849 г. в доме комиссионера Серова на Николаевском проспекте Ставрополя. Целью училища, как было записано в его уставе, было «воспитание набожных девиц, хороших матерей семейств, скромных и попечительных хозяек»³⁸. Новый Кавказский архиерей епископ Иоанникий сразу поднял вопрос об устройстве при училище Святой Александры домового Елизаветинской церкви, которая и была вскоре открыта на первом этаже здания³⁹.

В 1850 г. Епископ Иоанникий вновь поднял вопрос о строительстве в Ставрополе нового архиерейского подворья в Воробьевском предместье. К северу от предместья начинался огромный и дремучий лес с многочисленными родниками, рождавшими речку Ташлу. Владыка сумел убедить начальника Кавказской линии генерала Завадовского передать весь участок леса от Флоренского переезда на запад в ведение Кавказской епархии. С того времени лес этот стал именоваться Архиерейской лесной дачей. Епископ Иоанникий стал первым, кто начал превращать запущенный лес в ухоженный лесопарк. По-над Ташлой был устроен большой пруд, для чего долину речки перегородили высокой плотиной⁴⁰. Владыка Иоанникий, как и последующие епископы, оставался жить в старом архиерейском подворье, лишь летом перебираясь в этот зеленый уголок города.

Много сил и внимания Владыка обращал на дальнейшее становление Иоанно-Мариинской женской общины, добивался преобразования общины в женский монастырь, что, однако, произошло лишь в 1860 г.

³⁸ Ставропольские губернские ведомости. 1851.

³⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 10. Д. 736. О дозволении выстроить при заведении Св. Александры в г. Ставрополе церкви во имя св. Елисаветы. Л. 5.

⁴⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 8. Д. 249. Об отмежевании Архиерейскому дому лесной дачи. Л. 2–2 об.

при святителе Игнатии Брянчанинове. Одновременно Преосвященный Иоанникий обратился к местному купечеству за помощью по устройству к привою новой дороги и пришедшего в ветхость моста через Ташлу.

В 1853 г. от Епископа Иеремии на имя его преемника в Ставрополе в дар Иоанно-Мариинскому монастырю были доставлены «...прекрасные образцы иконописи, чтобы положить начало иконописной мастерской в этой обители»⁴¹. Вскоре созданная здесь иконописная мастерская, средства для работы которой были выделены Епископом Иоанникием, стала главным поставщиком икон для церквей и храмов Кавказской и Черноморской епархии. Мастерская получала заказы на эскизы и изготовление киотов, устройство иконостасов. С годами помимо живописцев мастерская начала готовить золотошвей, которые изготавливали здесь пояса, поручи, воздухи, плащаницы, а также тканые и вышитые гладью иконы, отделявая их синелью, серебром и золотом. Одна из таких икон в память пребывания в Ставрополе будущего императора Александра II была направлена в Санкт-Петербург в дар Царствующему Дому.

Пребывание цесаревича Александра в Ставрополе способствовало дальнейшему росту авторитета Епископа, будущий государь наглядно увидел особенности церковной жизни на Кавказе, боли и беды молодой епархии.

Высочайшее посещение состоялось 29 октября 1850 г. Цесаревич остановился в доме командующего, около которого собралась многотысячная толпа народа. «До самой глубокой ночи дом этот был окружен почти всем населением Ставрополя; тысячи глаз были прикованы к окнам этого дома и, увидев образ гостя, выражали свой восторг потрясающим криком «Ура»...»⁴².

На следующий день на площади у дома командующего состоялся смотр войск. После парада наследник престола и все присутствующие в сопровождении тысяч людей направились к Кафедральному собору. Здесь наследник «... у западных дверей собора был встречен Преосвященным

⁴¹ Воскресенский П., священник. Исторический очерк Иоанно-Мариинского женского монастыря в г. Ставрополе. Ставрополь, 1898. С. 44.

⁴² Ставропольские губернские ведомости. 1850. 1 ноября. С. 1.

Иоанникием, епископом Кавказским и Черноморским, и сонмом духовенства с крестом и святою водою»⁴³. После великолепной службы в соборе, где во всем своем архипастырском блеске предстал глава Кавказской епархии Преосвященный Иоанникий, будущий император со свитой посчитал долгом зайти в Суворовскую часовню. Здесь находилась главная святыня города – древний каменный крест. С Соборной горы цесаревич в сопровождении епископа Иоанникия, генерала Завадовского и прочих высоких духовных и светских чинов по только что устроенной величественной каменной лестнице спустились вниз к Большой улице. С того времени парадная лестница в народе долго именовалась Императорской.

Владыка Иоанникий прилагал немалые усилия к дальнейшему росту и благолепию всей Кавказской и Черноморской епархии. В Пятигорске и Железноводске, селах Покойном и Петровском, прочих больших и малых приходах возводились и величественные, и более скромные храмы Божии⁴⁴. Епископ Иоанникий прекрасно выполнил проекты, задуманные еще Владыкой Иеремией, однако ему не доставало энергии и горения последнего. Преосвященный Иоанникий был прилежным последователем первого Кавказского архипастыря, но не более. Сказанным мы нисколько не хотим умалить труды Епископа Иоанникия на Ставропольской кафедре. И в его правление строились храмы, развивалась Иоанно-Мариинская община, о преобразовании которой во второклассный монастырь Преосвященный ходатайствовал в столицу, однако молодая неустроенная епархия нуждалась в более энергичном и деятельном архиерее.

В октябре 1857 г. Преосвященный Иоанникий по его прошению был уволен на покой⁴⁵, и, как уже говорилось, на последующие 23 года местом его пребывания стал Благовещенский монастырь в Нежине.

⁴³ Ставропольские губернские ведомости. 1850. 1 ноября. С. 1.

⁴⁴ См., например, ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 619. «О построении в Пятигорске Покровской церкви» и другие.

⁴⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 14. Д. 13. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего синода Преосвященному Иоанникию, епископу Кавказскому и Черноморскому и кавалеру.

**Святитель Игнатий Брянчанинов (1857–1861)⁴⁶ –
ревнитель чистоты православия на Кавказе**

Жизнь и труды святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского, сияют в летописях церкви ярким светом благодатного избранничества. Будучи выдающимся ученым, подвижником, архипастырем, миротворцем, он известен всему цивилизованному миру как один из наиболее авторитетных руководителей на путях, ведущих человеческую душу к Богу и вечной жизни.

Святитель Игнатий (в миру Димитрий Александрович Брянчанинов) родился 5 февраля 1807 г. в селе Покровском Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Отец святителя Александр Семенович принадлежал к старинной дворянской фамилии Брянчаниновых. Родоначалником ее был боярин Михаил Бренко, оруженосец великого князя Московского Димитрия Иоанновича Донского. Летописи сообщают, что Михаил Бренко был тем самым воином, который в одежде великого князя и под княжеским знаменем геройски погиб в битве с татарами на Куликовом поле. Александр Семенович Брянчанинов в семье сохранял добрые старинные обычаи. Он был верным сыном Православной Церкви и усердным прихожанином выстроенного им в селе Покровском храма. Мать епископа Игнатия была образованная интеллигентная женщина. Выйдя весьма рано замуж, она всецело посвятила свою жизнь семье.

Все дети Брянчаниновых получили прекрасное домашнее воспитание и образование. Учителя и наставники Димитрия удивлялись его блестящим и разносторонним способностям, обнаружившимся уже в самом раннем возрасте. Когда юноше исполнилось 15 лет, отец отвез его в далекий Петербург и отдал в Военно-инженерное училище. На-

⁴⁶ Общий обширный очерк жития святителя дан в таких работах, как труд Высокопреосвященнейшего Архиепископа Ставропольского и Бакинского Михаила (Чуба) «Епископ Игнатий Брянчанинов» (ЖМП, 1967, № 5–6) и магистерская диссертация игумена Марка (Лозинского) «Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам Епископа Игнатия Брянчанинова».

меченная родителями будущность совершенно не соответствовала настроям Димитрия. Он уже тогда заявил отцу, что хочет «поступить в монахи», но отец отмахнулся от этого неожиданного и неприятного для него желания сына как от неуместной шутки.

Прекрасная подготовка и исключительные способности молодого Брянчанинова сказались уже во время вступительных экзаменов в училище: он был принят первым по конкурсу (из 130 экзаменовавшихся на 30 вакансий) и сразу же определен во второй класс. Имя талантливого юноши сделалось известным в царском дворце. Во все время своего пребывания в училище Димитрий Александрович продолжал удивлять своих наставников блестящими успехами в науках и первым по списку окончил полный курс наук в 1826 г.

Происхождение, воспитание и родственные связи открыли перед ним двери самых аристократических домов столицы. В годы учения Димитрий Александрович был желанным гостем во многих великосветских домах. Он считался одним из лучших чтецов-декламаторов в доме президента Академии художеств А.Н. Оленина (его литературные вечера посещали в числе других А.С. Пушкин, И.А. Крылов, К.Н. Батюшков, Н.И. Гнедич). Уже в это время обнаружились незаурядные поэтические дарования Д.А. Брянчанинова, которые впоследствии нашли свое выражение в его аскетических произведениях и сообщили многим из них особый лирический колорит. Литературная форма многих его произведений свидетельствует о том, что их автор учился словесности в эпоху Карамзина и Жуковского и впоследствии выражал свои мысли, пользуясь их языком.

В 1827 г., с поступления послушником в Оптину пустынь, началась монашеская жизнь будущего святителя. В 1831 г. Вологодский епископ Стефан, видя пламенную ревность послушника Димитрия Брянчанинова, решил исполнить желание его сердца. 28 июня он совершил постриг Димитрия в монашество в кафедральном Воскресенском соборе и нарек его Игнатием в честь священномученика Игнатия Богоносца. 4 июля того же года монах Игнатий был рукоположен епископом Стефаном в иеродиакона, а 25 июля в иеромонаха.

28 января 1833 г. иеромонах Игнатий был возведен в сан игумена. В это время о его деятельности стало известно в Петербурге. В конце 1833 г. он был вызван в столицу, и ему поручили в управление Троице-Сергиеву пустынь с возведением в сан архимандрита.

Троице-Сергиева пустынь расположена на берегу Финского залива близ Петербурга. Ко времени назначения в нее архимандрита Игнатия она пришла в сильное запустение. Храм и кельи пришли в крайнюю ветхость. Немногочисленная братия (15 человек) не отличалась строгостью поведения. Двадцатисемилетнему архимандриту пришлось перестраивать все заново: храмы, корпуса; заводить сельское хозяйство.

Обитель обустривалась и благоукрашалась. Богослужение, совершавшееся здесь, сделалось образцовым. Монастырские напевы были предметом особого попечения архимандрита Игнатия. Он заботился о сохранении старинных церковных мелодий и их гармонизации. Известный церковный композитор протоиерей Петр Турчанинов, проживавший с 1836 по 1841 г. в Стрельне, рядом с Троице-Сергиевой пустынью, проводил по просьбе отца Игнатия занятия с монастырским хором и написал для него несколько лучших своих произведений. М.И. Глинка, с увлечением изучавший в последние годы своей жизни древние церковные мелодии, также написал для этого хора несколько песнопений⁴⁷.

Имя архимандрита Игнатия знали во всех слоях общества. Весьма со многими духовными и светскими лицами отец Игнатий переписывался. Так, Н.В. Гоголь в одном из своих писем с большим уважением отзывался об отце Игнатии. Известный адмирал Нахимов – герой Крымской войны – с благоговением принял икону святителя Митро-

⁴⁷ В продолжительных беседах о духе и характере православно-церковного русского пения архимандрит Игнатий передал М.И. Глинке свои духовно-опытные воззрения по этому предмету. Глинка, сознавая истинность наблюдений и замечаний отца Игнатия, просил его изложить эти мысли на бумаге, что последний и исполнил, написав статью, озаглавленную им «Христианский пастырь и христианин-художник», в которой изложил все, что предварительно передал устно Глинке (см. Богословские труды, сб. 32. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1996. С. 278–281).

фана Воронежского, присланную ему в Севастополь архимандритом Игнатием.

Имея в виду прежде всего духовные потребности своих знакомых, а также религиозные интересы всех ищущих ответа на запросы духа, отец Игнатий все чаще и чаще брался за перо, чтобы более раскрыть свой духовный опыт. Именно в это время были написаны многие из лучших его аскетических произведений.

Господу было угодно, чтобы Его избраннык послужил Святой Церкви еще и в епископском сане, управляя одной из новых и самых своеобразных епархий России. Это была Кавказская и Черноморская епархия с кафедрой в Ставрополе, основанная в 1843 г.

Архиерејство пришло к отцу Игнатию неожиданно. Он был потрясен совершившимся избранием, но принял его за послушание, как принимал все предыдущие назначения. Епископская хиротония архимандрита Игнатия состоялась в Петербурге в Казанском соборе 27 октября 1857 г. Попрощавшись с братией Троице-Сергиевой пустыни, приведенной его трудами в цветущее состояние, Владыка Игнатий отправился в далекий путь на Кавказ. Путь этот пролегал через Москву, Курск и Харьков (железнодорожное сообщение было тогда только между Петербургом и Москвой, дальше надо было ехать на лошадях).

В Ставрополь Владыка прибыл 4 января 1858 г. и в канун праздника Богоявления совершил здесь свое первое служение. «Мир граду сему, – говорил он, обращаясь с первой проповедью своей к встретившей его пастве. – Произношу это приветствие, возлюбленные братия, по завещанию Господа моего, пришедши с посохом пастыря в богоспасаемый град Ставрополь, да проповедую в сем граде и в окрестных городах и весях, яко приближися Царствие Небесное»⁴⁸.

Вот как описывал святитель свои первые впечатления от пребывания в Ставрополе сестре Елизавете Александровне: «/ ... / я через час

⁴⁸ Игнатий Брянчанинов, святитель. Сочинения. Т. 4. Санкт-Петербург, 1886 (репринт: М., 1993). С. 5.

по приезде [4 января 1858 г. – Прот. П. С.] начал слушать Всенощное. 5-го служил обедню; 6-го также выходил на водоосвящение; 7-го также служу по причине табельного дня. Принят я очень радушно; место так понравилось, что красивее его я не видел; ключевые воды превосходные, каких я давно-давно не пивал. Город на огромной горе, и весь в садах»⁴⁹.

Ошибкой было бы представлять себе, что пребывание Епископа Игнатия Брянчанинова на Ставропольской кафедре было безоблачным. Преосвященного встретили обычные епархиальные проблемы (а ведь и они не могли хотя бы отчасти не поставить его в затруднительное положение, ибо это была первая его кафедра), осложненные еще и тем, что несколько месяцев епархия вдовствовала. Пришлось даже воспользоваться собственными, довольно ограниченными средствами, чтобы оплатить накопившиеся долги⁵⁰.

На Кавказской кафедре святитель Игнатий Брянчанинов пробыл с начала 1858 до осени 1861 г. (во время епископства Владыки Игнатия здесь же, в Ставрополе, находился его любимый брат Петр Александрович; он был здесь с 1852 по 1855 г. вице-губернатором, а с 1855 по 1862 г. – губернатором⁵¹). Владыка Игнатий был третьим по порядку епископом Кавказским и Черноморским. Внешние условия религиозной жизни в этой недавно учрежденной огромной епархии чрезвычайно отличались от того, с чем ему приходилось иметь дело до назначения на Кавказ. Продолжалась Кавказская война, благодатная земля обагралась людской кровью, отовсюду слышались плач, стон и слезы. Многонациональный и разнородный состав местного населения был причиной воз-

⁴⁹ Собрание писем святителя Игнатия, епископа Кавказского. М. – СПб., 1995. С. 667.

⁵⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 16. Д. 364. О пожертвовании Епископом Игнатием трехсот рублей серебром на канцелярию Кавказской духовной консистории из личных сумм.

⁵¹ В письме брату в Ставрополь из Петербурга 19 декабря 1857 г. святитель писал: «Усердно желаю, чтобы ты остался в Ставрополе и чтобы нам Бог благословил потрудиться вместе для пользы христианства и человечества, иначе для пользы Церкви Православной и тесно связанной с нею пользы Отечества. Всесвятая воля Божия да совершается над нами и да дарует нам грешным спасение!».

никновения множества таких вопросов церковно-административного характера, подобные которым даже в мыслях не представлялись архиереям, управлявшим благоустроенными епархиями в центре государства.

Несмотря на все трудности, Владыка ревностно приступил к исполнению своих архипастырских обязанностей. Важнейшую свою архипастырскую задачу он видел в апостольском служении пастве. На архиерейской кафедре он был руководителем душ человеческих на путях, ведущих к Небесному Царству. Владыка Игнатий ревностно заботился и об устройении богослужения, и о нормальных взаимоотношениях духовенства и мирян. С какими проблемами приходилось сталкиваться святителю на Ставропольской кафедре, видно из следующей резолюции.

«До сведения моего дошло, что некоторые из священнослужителей и после сделанного мною запрещения позволяют себе исправлять христианские требы в приходах, не принадлежащих им, а особенно венчать браки. А потому предлагаю Консистории предписать указом через Кафедрального протоиерея Попова и Градского Благочинного Пospelова вновь подтвердить духовенству всячески остерегаться своевольных действий, а тем более употреблять из видов корысти такие меры, как-то: внушать частным лицам по мимо своих приходских священников утруждать архиерея как это некто из священников и делает. Но если кто из прихожан по обстоятельствам пожелает сочетаться браком в посторонней церкви, то таковые желания удовлетворить дозволяется, но брак во всяком случае должен быть совершен приходским священником»⁵².

Преосвященный Игнатий совершал объезды епархии, пределами которой были берега Черного, Азовского и Каспийского морей, снежные вершины Главного Кавказского хребта и дальние сухие степи. Владыка Игнатий был доступен для всех, кто обращался к нему. Осо-

⁵² ГАСК. Ф. 135. Оп. 16. Д. 304. Циркулярное письмо Преосвященного Игнатия в Кавказскую Духовную Консисторию.

бенным его вниманием пользовалось епархиальное духовенство. Святитель заботился об улучшении быта духовенства, повышении его образовательного уровня, лучших взаимоотношениях, приличествующих духовному сану. Благодаря этой заботе епархиальные дела вскоре были приведены в благополучное состояние⁵³.

Вступив в январе 1858 г. в управление епархией, епископ Игнатий решил в ближайшее лето объехать всю ее кавказскую часть, соединив обзор церквей и причтов с лечением на Водах. 15 мая святитель выехал из города. В пути его сопровождал сильный казачий конвой. Шла Кавказская война, и «не было места на всем Предкавказье, где не угрожал бы путнику или плен, или шашка, или меткая пуля черкесская. И поэтому он непременно должен был иметь и память о смерти, и готовность встретить ее по-христиански»⁵⁴. Епископ в дороге постоянно держал при себе дароносицу для, может быть, последнего Причастия.

Приходы Кавказской епархии были разбросаны, подобно островам в море, по области линейных казаков, чье духовенство было отделено от Кавказской епархии и правящего Епископа, подчиняясь только обер-священнику Отдельного Кавказского корпуса, находившемуся в Тифлисе. Путь архиерея пролегал по цветущей степи через станицы Марьевскую и Сергиевскую, селения Высоцкое, Журавское и Китаевское до Новоселицкого. Далее через Чернолесское, Маслов-Кут и Нины, вдоль реки Кумы до Воронцовского (ныне Зеленокумск). В конце мая через Новозаведенное епископ добрался до Георгиевска⁵⁵.

Посещая епархиальные города и веси, Владыка осматривал местные храмы, знакомился с духовенством и его нуждами, совершал богослуже-

⁵³ Даже в десятистрочной биографической справке Полного православного богословского энциклопедического словаря (Т. 1, столбец 926) особо указывается на успешность действий Епископа Игнатия на Ставропольской кафедре.

⁵⁴ Иеремия (Соловьев), епископ. 24 письма на Кавказ. Рукопись (из собрания Л.Н. Польского).

⁵⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 16. Д. 1031. Маршрут путешествия Епископа Игнатия по епархии.

ния, произнося написанное им «Поучение к простому народу при посещении епархии»⁵⁶. По необходимости он должен был проезжать и через казачьи станицы, где благодаря полученному от Синода разрешению посещал храмы и беседовал с линейным духовенством и станичниками.

2 июня, отслужив архиерейским чином Божественную Литургию в Свято-Никольском соборе Георгиевска, Владыка Игнатий, сопровождаемый Георгиевским благочинным протоиереем В. Поповым, выехал в Пятигорск. На въезде в город он был торжественно встречен городничим Мевесом. Архиерея приветствовали новый управляющий Кавказских Минеральных Вод барон А.К. Унгерн-Штернберг, дирекция Кавказских Минеральных Вод, духовенство, представители уездного и окружного правления и предводитель дворянства. Пятигорский городской голова А. Найтаки от граждан города поднес архиерею на серебряном блюде хлеб-соль. В переполненной верующими Скорбященской церкви Преосвященный Игнатий совершил архиерейское богослужение и благословил всех присутствующих.

3 июня Владыка Игнатий посетил Пятигорский военный госпиталь 3-го класса, длинные и приземистые казармы которого находились на месте нынешнего военного санатория. Его встречали главный доктор Евграф Иванович Красногладов, его помощник И.Е. Дроздов и смотритель майор Пожидаев. Епископ оглядел госпиталь, рассчитан-

⁵⁶ Игнатий Брянчанинов, святитель. Сочинения. Т. 4. Санкт-Петербург, 1886 (репринт: М., 1993). С. 372–383. «Возлюбленные братия, – обращался святитель к прихожанам. – Неизреченное милосердие Божие поставило меня недостойного вашим пастырем; оно сподобило меня посетить вас, соединить с вашими молитвами мои убогие молитвы и, наконец, беседовать с вами. О чем же нам, братия, побеседовать? – Побеседуем о нашем спасении». Боль и беда Ставропольской епархии, нестроения, вызываемые действиями старообрядцев, сказались и в этом поучении. В нем особо подчеркивается: «Кто хочет спастись, тот должен принадлежать Единой Святой Православной Церкви, быть ее верным сыном, во всем покоряться ее установлениям. Если кто не повинуется Церкви, если кто отделился от Церкви, если кто раскольник, то, сколько бы он ни клал поклонов, сколько бы ни постился, сколько бы ни молился, ему не спастись. Господь сравнил неповинующегося Церкви с идолопоклонником / ... / Раскольник и еретик чужды смирения, как чужд смирения диавол, а потому они чужды спасения, как чужд его диавол» (с. 373).

ный на 600 коек, посетил тесную домовую церковь и благословил всех раненых и больных на выздоровление. В сезон 1858 г. на Водах было 584 посетителя. Среди них было очень много офицеров, прибывших на лечение из боевых кавказских частей. Чувствовалось близкое и обжигающее дыхание войны.

Владыка осматривал ближайшие церкви, беседовал с местным духовенством, занимался текущими епархиальными делами и вел активную переписку. Свои впечатления Епископ Игнатий заносил в личный дневник. Он не оставлял здесь и духовно-литературных трудов, продолжая исправлять и дополнять свои «Аскетические опыты» и писать «Аскетические проповеди».

Владыка осмотрел строительство величественного Спасского собора в Пятигорске, начатое еще в 1847 г. по проекту зодчего А.Я. Андреева, преподававшего Димитрию Брянчанинову архитектуру в инженерном училище. Неопытность подрядчиков привела к появлению опасности обрушения почти завершенного храма. Владыка был чрезвычайно огорчен, что епархиальное начальство не имело влияния на построение храма, что и привело к столь плачевному результату.

В субботу 7 июня епископ произнес в Скорбященской церкви проповедь «Условие усвоения Христу»⁵⁷, начав ее словами «Не требуют здравые врачи, но болящие...». «Смирение и рождающееся из него покаяние, – продолжал епископ, – единственное условие, при котором приемлется Христос! Смирение и покаяние – единственная цена, которою покупается познание Христа! Смирение и покаяние – единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему! Смирение и покаяние – единственная жертва, которой взыскует и которую приемлет Бог от падшего человечества. Зараженных гордостным, ошибочным мнением о себе, признающих покаяние излишним для себя, исключаящих себя из числа грешников, отвергает Господь. Они не могут быть христианами»⁵⁸

⁵⁷ Там же. С. 182.

⁵⁸ Там же. С. 184.

После богослужения Владыка Игнатий предложил расширить Скорбященскую церковь и построить деревянный купол, чтобы избежать летней духоты. По указаниям святителя, имевшего опыт строительства церквей, Невинским был составлен проект перестройки церкви, одобренный архитектором Г.А. Ткаченко. Перестройка началась осенью, а в декабре двухпридельный обширный храм, увенчанный большим куполом, был закончен и освящен. Так, благодаря усилиям епископа Игнатия в городе появился еще один образцовый православный храм.

Находясь в Пятигорске, епископ Игнатий посетил казачью церковь в станице Горячеводской, перенесенную сюда из Георгиевской станицы. Совершив богослужение в станичном храме, он не единожды бывал в этой станичной церкви, внимательно изучал ее архивы. Отрадно заметить, что в Горячеводской станице вообще не было раскольников, сказывалась близость православного Пятигорска. В этот же месяц Владыка Игнатий посетил и Железноводскую Никольскую станичную церковь.

30 июня, сразу же после Петрова дня, Епископ переехал в Ессентукскую станицу для лечения щелочными водами. В 1858 г. станица была штаб-квартирой 7-й бригады Кавказского Линейного казачьего войска и имела 300 домов офицеров и казаков. Епископ посетил станичную православную Никольскую церковь и отслужил в ней Литургию. Архиерей много беседовал с линейным начальством и духовенством, с простыми станичниками. Во время этих бесед оказалось, что не только начальники Линейного войска, но и простые казаки не удовлетворены существующим устройством церковной жизни на Линии и желают иметь архиерейское окормление⁵⁹.

Посетив Кисловодск, Владыка дважды выступил при обилии слушателей в местной церкви с поучениями «О милосердии и правосудии» и «О спасении души». Он также не преминул посетить и казачью

⁵⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 18. Д. 285. Отчет Епископа Игнатия. Л. 19–19 об.

церковь в Кисловодской станице. 5 августа Владыка совершил поездку в Георгиевск, откуда вернулся в Пятигорск.

Здесь Владыка совершил освящение только что открытого озера Провал. Субботним утром 23 августа в Скорбященской церкви собрались представители гражданской и военной власти с чадами и домочадцами, знатные горожане и именитые посетители Вод, при огромном стечении простого народа. По окончании Божественной Литургии начался крестный ход, возглавленный архиереем. Процессия неспешно двигалась с пением по Елизаветинскому спуску к Михайловской галерее и далее, по новой колесной дороге к Провалу. Склоны Машука вдоль дороги были густо усеяны народом. По окончании молебна архиерей с духовенством в сопровождении местного начальства прошел тоннелем к подземному озеру и освятил его воды. После окропления стен святой водой в нише против входа в Грот был установлен принесенный образ Скорбящей Божией Матери (след от нее и ныне хранит Провал).

20 сентября 1858 г. с запросом к Преосвященному Игнатию обратился князь Барятинский. Поводом к запросу послужили планы военных властей о разделении Кавказского края на две области – Западную (Кубанскую) и Восточную (Терскую). Такие перемены в административном устройстве края не могли не затронуть и церковную жизнь на Кавказе. Касясь заданного вопроса о том, где в случае осуществления планов должен был быть расположен центр Кавказской епархии, Епископ Игнатий особое внимание уделяет разъяснению основ канонического устройства церкви, имея в виду печальное разделение епархии, произошедшее в 1845 г. «Епископ составляет собой начало Церковной иерархии, – писал Епископ Игнатий, – он преемник Апостолов, представитель на земле Господа. Он рукополагает пресвитера и диакона, он освящает храм или существеннейшую часть храма – антиминс, он освящает Святое миро. Этого тысячи собравшихся воедино пресвитеров совершить не могут. / ... / В церковном смысле священники – суть орудия епископа: эти орудия действуют

дотоле, доколе ими действует епископ; когда он перестает действовать ими, тогда они лишаются всей своей силы, ибо силы их и действительность не свои, а заимствованные»⁶⁰.

Интересно и рассуждение святителя о положении церковных учреждений в Кафедральном граде Ставрополе: «... В избрании для них места, в самых проектах не видно никакой системы. Все они разбросаны по разным частям и оконечностям немощного города; сообщение между ними крайне затруднительно в течение осени, зимы и весны; между тем лица, им принадлежащие, должны больше ходить пешком. Устроители и строители должны всегда непременно иметь в виду не только построение и учреждение чего-либо, но и доставление удобств, доставление средств к содержанию и ремонту учреждений и зданий. С этой целью разумные предки наши по большей части соединяли в одном месте и Кафедральный собор, и Архиерейский дом, и Консисторию, и Семинарию...»⁶¹. Эти мысли святителя буквально воплотились в трудах его преемников.

Летом 1859 г. Преосвященный Игнатий совершил обозрение приходов в черноморской (кубанской) части епархии. Во время поездок по епархии Владыка всюду по-отечески беседовал с паствой, наставляя ее в истинах христианской веры. Помимо регулярных проповедей он составил упоминавшееся поучение «О спасении», распространявшееся по приходам. Забота о проповедании Слова Божия была всегда главнейшей для святителя Игнатия, не отступал он от этого правила и на Кавказе.

Заботами святителя основанная первым Епископом Кавказским Иеремией Иоанно-Мариинская община была в 1859 г. преобразована

⁶⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 16. Д. 719. Вопрос начальника Кавказской линии и ответ преосвященного Игнатия о Кавказской кафедре по отношению ее к Кавказскому линейному казачьему войску.

⁶¹ Там же. Л. 4.

в монастырь⁶². В этой же обители в 1861 г. Преосвященный Игнатий заложил новый Покровский храм.

Владыка вообще придавал большое значение строительству в епархии храмов Божиих. Когда жители села Ново-Григорьевского выразили желание соорудить в своем селе новый каменный храм, Владыка вместе с губернским архитектором П. Воскресенским сам составил проект храма, ставшего украшением епархии. Горячий интерес и поддержку у Преосвященного Игнатия вызвала идея постройки в Моздоке храма в честь находящейся в этом городе и глубоко почитаемой на Кавказе чудотворной Иверской иконы Божией Матери. Эта кавказская святыня хранилась в ветхой Успенской церкви. В 1860 г. Владыка Игнатий выдал храмоздательную грамоту на строительство нового храма в Моздоке. По благословению святителя за два года (1859–1860) была сооружена по проекту П. Воскресенского уникальная колокольня Ставропольского Кафедрального собора Казанской иконы Божией Матери. На протяжении многих десятилетий кафедральная звонница служила одной из достопримечательностей Кавказа⁶³. Любопытно, что крест на колокольне при сильных ставропольских ветрах вращался, издавая звук, на который спешили застигнутые бураном в степи путники.

Время пребывания святителя Игнатия на Ставропольской кафедре совпало со многими важными событиями в жизни Кавказа. В авгу-

⁶² «Дщери Небесного Отца, – обратился святитель к инокиням в слове на открытие обители, – приветствую вас с дарованием иноческих прав и наименования обители вашей! Приветствую вас с открывшимся для вас поприщем иноческих подвигов и наград небесных! Вместе с этим приветствую вас с поприщем многоразличных и многообразных скорбей: поприще иночества – поприще скорбей, а причина небесных воздаяний – скорби земные» (Сочинения, т. 4, с. 371).

⁶³ Казанский кафедральный собор был закрыт и разрушен в 1930-е гг. Звонницу же разрушили (взрывные работы велись, по свидетельству жителей Ставрополя, более недели) весной 1943 г. по приказу тогдашнего первого секретаря крайкома ВКП (б) М.А. Суслова под надуманным предлогом, что она служит ориентиром для вражеской авиации (к тому времени линия фронта уже значительно отодвинулась от Ставрополя и немцы продолжали отступать).

сте 1859 г. был пленен имам Шамиль. В 1860 г. Кавказская линия была разделена на Кубанскую и Терскую области. В 1861 г. началось заселение закубанского края. Все это оказывало влияние на жизнь епархии, ставило новые вопросы, но тяжкая болезнь не покидала епископа Игнатия. Летом 1861 г. он подал прошение уволить его на покой в известный ему уже Николо-Бабаевский монастырь. Просьба святителя была удовлетворена, и 13 октября этого же года он вместе с несколькими преданными учениками переехал в названную обитель.

Трудное дело управления епархией епископ Игнатий Брянчинова совершил достойно. Недолго – менее четырех лет – управляя Преосвященный Игнатий Кавказской епархией. За это время он посетил многие приходы своей обширной епархии, привел в порядок органы епархиального управления, добился повышения окладов духовенству епархии, ввел торжественное богослужение, устроил прекрасный архиерейский хор, построил архиерейский дом, перевел семинарию в новые лучшие здания и внимательно следил за ее внутренней жизнью. Кроме того он неустанно проповедовал. В отношении к духовенству и прихожанам Владыка Игнатий был истинным миротворцем: строгий к себе, он был снисходителен к немощам ближних.

Епископ Игнатий канонизован Поместным Собором Русской Православной Церкви (Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988 г.) за святость жизни, которая раскрывается в его творениях, написанных в духе подлинного православного святоотеческого предания. Они продолжают и ныне действенно оказывать свое благотворное влияние на всех ищущих пути христианского спасения.

Святитель Феофилакт (Губин) (1862–1872) – объединитель епархии

Период, когда епархией управлял Преосвященный Феофилакт (Губин), стал во многом поворотным для ее истории. Это был период завершения первоначального обустройства всех церковных институтов на Северном Кавказе. Архипастырская деятельность Преосвященного Феофилакta оставила в жизни епархии заметный след благодаря не только относительно длительному пребыванию на кафедре, но и выдающимся качествам, которыми обладал местночтимый на Кавказе святитель.

Корни успешных результатов деятельности святителя Феофилакta мы усматриваем прежде всего в благочестивых семейных обычаях рода Губиных. Преосвященный Феофилакт родился в марте 1818 г. в семье диакона села Маковец Тарусского уезда Калужской губернии и при Святом Крещении был наречен Феодором. Воспитывался Феодор Губин в строгом религиозном духе: отец его был постником, человеком аскетического образа жизни. По воспоминаниям Преосвященного Феофилакta, отец, несмотря на семейность и жизнь в миру, редко вкушал мясо, не пил вина, а более всего любил проводить время в хозяйственных трудах или в чтении житий святых. Благочестие было отличительной чертой всей семьи. Родной дядя Феодора принял впоследствии монашество и стал архимандритом. Старшая сестра (крестная мать и нянька Феодора) тоже стала монахиней⁶⁴.

⁶⁴ Здесь и далее мы пользуемся неоценимым источником – Воспоминаниями о Епископе Феофилакте (Кавказские епархиальные ведомости, 1873), принадлежащими перу протоиерея Василия Розалиева, опиравшегося прежде всего на устные беседы с Архипастырем Кавказским. Особую ценность свидетельствам прот. В. Розалиева придает то обстоятельство, что он был однокашником Преосвященного Феофилакta по академии. Вот как он описывает тот период: «Вся предварительная жизнь его до монашества была действительным приготовлением к монашеству. И до иночества он был среди нас иной человек – сосредоточен, всегда воздержан и до того богомолен, что не только не опускал обязательных служб церковных в воскресные и праздничные дни, но и почти ежедневно посещал вечерние службы, особенно же при мощах Преподобного Сергия» (С. 504).

Детство Феодора было далеко не радостным. Оно прошло в тяжелом труде и немалой нужде. «Нас не нежили родители наши, – вспоминал позже Владыка Феофилакт. – В семинарском товариществе у нас было немного счастливых, которые под праздники Рождества Христова, особенно же Святой Пасхи и на летние каникулы могли бы рассчитывать на присылаемые за ними кем-либо одноконные тележки из дома. Эта роскошь была уделом немногих. Палку в руки, краюху за пазуху – и в путь на своих ногах. Так обыкновенно хаживал и я, и до времени все было благополучно и выгодно: и находишься, и не отрываешь от работы лошадь и работника.

Вот на двадцатом году моей жизни, когда я уже был на богословском классе, захотелось мне побывать дома на Св. Пасху, чтобы провести этот праздник в родной семье и отвести душу, как говорили тогда, кусочком получше. Не думая долго, по обыкновению отправился я в путь и на этот раз пешком же. Был апрель, освобожденная от снега земля стала оттаивать, растворяться, дорога была грязная, ходьба трудная, от движения там и сям пробивался у меня на теле пот. Вот подхожу к небольшой реке. В обыкновенное время река едва заметно струится по руслу, но на ту пору половодья она разыгралась, вышла из берегов, а между тем моста и переправы на ней не было. Думаю: что делать? Сбросил с себя одежду верхнюю и нижнюю, завязал ее в узел и в этом положении, поддерживая узел одной рукой над головой, пустился прямо вплавь через реку. Переплыл благополучно, но дальше что! Пока на другом берегу одевался и обувался, я почувствовал тогда же сильную дрожь в теле, от которой не мог освободиться на всем дальнейшем пути до родительского дома»⁶⁵.

Этот дорожный эпизод сыграл роковую роль в жизни юноши-семинариста, вызвав у него заболевание туберкулезом легких. Развитию этой болезни способствовали материальные лишения и напряженные занятия в стенах семинарии. В 1838 г. Феодор Губин окончил по

⁶⁵ Розалиев В., прот. Воспоминания о в Бозе почившем Преосвященном Феофилакте, бывшем Епископе Кавказском и Екатеринодарском // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 1. С. 28.

первому разряду Калужскую духовную семинарию. В этом же году он стал студентом Московской духовной академии. 8 марта 1842 г. осуществилось желание Феодора, он принял монашеский постриг с именем Феофилакта исповедника, святителя Никомидийского. Окончив духовную академию, инок Феофилакт в течение 18 лет трудился на духовно-учебном поприще, занимая должности инспектора и ректора многих духовных семинарий России⁶⁶.

1 декабря 1862 г. Владыка Феофилакт был назначен на самостоятельную Кавказскую кафедру, которая после ее оставления святителем Игнатием Брянчаниновым в течение полутора лет вдовствовала, и 10 февраля 1863 г. прибыл в Кафедральный город Ставрополь. По приезде на Кавказ Владыка Феофилакт часто говорил: «Измерил я из кон-

⁶⁶ Его деятельность не осталась незамеченной высшим духовным начальством. 15 марта 1842 г. инок Феофилакт был рукоположен в иеродиакона, а 28 июня в иеромонаха. 22 ноября 1843 г. иеромонах Феофилакт был возведен в степень магистра богословия, а 27 июля 1844 г. на иеромонаха Феофилакta был возложен магистерский крест. С 1 августа по 11 ноября 1844 г. он исполнял должность ректора Петрозаводских духовных училищ. С 10 апреля того же года по Высочайшему Указу он был утвержден членом Петрозаводского тюремного губернского комитета. 3 мая 1850 г. отец Феофилакт был назначен ректором Калужской семинарии, профессором богословских наук с определением в настоятели Лихвинского Покровского монастыря. 14 мая 1850 г. иеромонах Феофилакт возведен в сан архимандрита. 25 июля 1850 г. архимандрит Феофилакт получил назначение благочинного мужских монастырей Калужской епархии, а на следующий день был включен в члены Калужской духовной консистории. С 1 августа 1852 г. он исполняет послушание благочинного Калужского Казанского девичьего монастыря, а через полтора месяца, 15 сентября 1852 г., избран в директоры Калужского губернского попечительного о тюрьмах комитета. 17 апреля 1854 г. архимандрит Феофилакт в воздаяние усердной службы Всемилостивейше сопричислен к ордену Святой Анны 3-й степени. 15 марта 1855 г. он получил назначение цензора проповедей, произносимых священниками Калуги. С 1 декабря 1857 г. архимандрит Феофилакт – ректор Волынской духовной семинарии, профессор богословских наук. 14 апреля 1858 г. был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, а 22 сентября 1860 г. назначен епископом Старорусским, викарием Новгородской епархии. Хиротонисан в епископа 2 октября 1860 г. в Санкт-Петербурге в Исаакиевском соборе. 9 декабря епископ Феофилакт был утвержден вице-президентом Новгородского попечительного о тюрьмах комитета. В этих своих трудах он достаточно преуспел, и 8 сентября 1862 г. был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени (ГАСК. Ф. 135. Оп. 22. Д. 131. Послужной список Епископа Феофилакta).

ца в конец всю Россию, теперь некуда ехать дальше могилы»⁶⁷. Вступив в управление епархией, Владыка Феофилакт первым делом занялся рассмотрением множества накопившихся в ожидании решения дел.

Новый архиерей изумлял всех своим поразительным трудолюбием. Всякое дело, всякое прошение как по епархиальному, так и по духовно-учебному ведомству прочитывал он с полнейшим вниманием и разрешал, как того требовали справедливость и польза дела. Служившим при нем людям относиться к делу без должной ответственности было немыслимо. Оттого, наверное, уровень работы епархиальных учреждений – судебных, административных и духовно-учебного ведомства – поднялся при нем весьма значительно: епархиальное судебное учреждение не знало ни одного обжалованного решения, которое в высшем духовном судилище не было бы признано разрешенным справедливо. По своему деятельному и живому характеру Владыка Феофилакт ни минуты не мог сидеть без дела. К тому же нерешенных и нерассмотренных бумаг скопилось так много, что он неоднократно просил Святейший Синод учредить для их разбора особую местную комиссию⁶⁸. Разрешения не последовало, и вся тяжесть этой работы легла на плечи Владыки Феофилакta.

Преосвященный Феофилакт был поглощен мыслью о благоустройстве Богом вверенной ему Кавказской епархии. Зачастую случалось, проснется ночью, вспомнит о каком-либо важном деле, зажигает свечу, чтобы карандашом записать на бумаге пришедшие мысли. И наутро для чиновников консистории уже готовы новые распоряжения архипастыря. Особенно волновали его нерешенные дела, касающиеся священников. Владыка часто с сокрушением говорил: «Как же не поспешить! Ведь это не причетники, а священники. Они кормила, свет, соль своего прихода. Может быть, кормило то давно уже требует поправки, соль выдохлась и теряет свои свойства, а свет тускнеет, а мы ничего

⁶⁷ Розалиев В., *прот.* Слово над гробом Преосвященного Феофилакta, епископа Кавказского и Екатеринодарского // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 15. С. 504.

⁶⁸ См. ГАСК. Ф. 135. Оп. 28. Д. 137. Со сведениями о епархии за 1870 г.

не делаем для предотвращения вреда и пресечения соблазна»⁶⁹. Объезжая епархию, Владыка проводил, если не хватало времени дневного, то и ночные беседы с духовенством окрестных приходов. Несмотря на глубокую усталость, он удивительно вдохновенно говорил о высоком призвании пастыря, его трудах, нуждах и скорбях. «Растрогается сам, растрогает и доведет до слез своих собеседников, – вспоминал один из участников таких встреч. – Могуче и тепло было его слово!»⁷⁰.

На все просьбы побережь слабое, пораженное тяжким недугом здоровье и не доводить себя до полного изнеможения следовал всегда один и тот же ответ: «Нет, други, не так! Не таков я. Пока не во гробе, не выпущу своего жезла из рук»⁷¹.

Преосвященный Феофилакт отличался редкой правдивостью, полным беспристрастием, внимательностью. Всякому он готов был сказать правду. К ближним, нуждающимся в помощи, он был милостив и сострадателен, тайно благодетельствовал осиротелым семействам. В личной жизни Владыка был строгим постником, воздержником, молитвенником, и за строгий, аскетический образ жизни был очень почитаем пастырем кавказской.

Другой характерной чертой его архиерейского служения следует считать особое внимание к святыням края. Несмотря на формальную молодость епархии, Северный Кавказ имел к середине XIX в. богатую христианскую историю, запечатленную не только в летописях, не только в сохранившихся храмах и древних христианских кладбищах, но также и в существовании святынь, хотя и немногочисленных по историческим обстоятельствам, ибо на протяжении нескольких веков до прихода на Кавказ России христианство было здесь искореняемо.

⁶⁹ Розалиев В., *прот.* Воспоминания о в Бозе почившем Преосвященном Феофилакте, бывшем Епископе Кавказском и Екатеринодарском // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 2. С. 68.

⁷⁰ Там же. С. 67.

⁷¹ Розалиев В., *прот.* Воспоминания о в Бозе почившем Преосвященном Феофилакте, бывшем епископе Кавказском и Екатеринодарском // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 3. С. 91.

Одной из таких святынь был (и сегодня существующий) чудотворный Моздокский образ Матери Божией. Икона эта, список с Иверского образа, была подарена христианам-осетинам грузинской царицей Тамарой. Многие чудотворения совершались при молитвенном обращении к Матери Божией перед образом Ее Моздокским, но рассказы о них распространялись лишь изустно, и, как писал в рапорте Преосвященному настоятель Моздокской Успенской церкви протоиерей Феодор Орлов, «Большая часть сих чудотворений остаются безгласными и уносятся благодетельствованными в глубине благодарного сердца»⁷².

Один человек, лично испытавший на себе милость Приснодевы, открыл обстоятельства происшедшего епископу Феофилакту. Преосвященный же благословил это лицо (купца Филиппа Фирсова) записать событие, а затем за собственные деньги издал тысячу экземпляров получившейся брошюры⁷³. Кроме того архипастырь Кавказский приложил все усилия к строительству в Моздоке новой великолепной каменной Успенской церкви.

Вообще, о строительстве храмов Владыка проявлял особую заботу. При нем был построен самый большой в Кавказской епархии Казанский собор в селе Новогригорьевском. В Иоанно-Мариинском монастыре были построены теплый зимний храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы (освящен Преосвященным Феофилактом 10 октября 1863 г.⁷⁴), колокольня, каменная ограда.

Первое пострижение в мантию инокинь этой обители совершил также Преосвященный Феофилакт⁷⁵. В 1868 г. он писал игуменье монастыря, советуя упорядочить занятия иконописью в обители. Исполняя совет Преосвященного, игуменья Серафима решила просить извест-

⁷² ГАСК. Ф. 135. Оп. 25. Д. 273. О чудотворной иконе Иверской Божией Матери. Л. 2 об.

⁷³ Там же. Л. 15–22.

⁷⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 24. Д. 642. Клировые ведомости о церквях г. Ставрополя за 1866 год. Л. 13 об.

⁷⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 22. Д. 633. Формулярный список насельниц Иоанно-Мариинского монастыря. Л. 2.

ного в то время в Ставропольской губернии художника-иконописца Миронова об уроках для сестер обители. Через два года опыты в этом искусстве достигли такого совершенства, что произведения кисти инокинь были признаны достойными занять место в храмах Иоанно-Мариинской обители. Лучшие из икон были преподнесены кавказскими святителями в дар лицам царствующего дома. Особенной известностью как художница пользовалась монахиня Евграфа.

Очень много времени отнимали у Владыки вопросы улучшения материального быта епархиального духовенства и поддержания духовно-учебных заведений на должном уровне. Преосвященный Феофилакт был строгим и взыскательным архиереем. Он не терпел нерадивого отношения к своим обязанностям со стороны членов духовной консистории, служа сам для них примером редкостного трудолюбия.

Заботами Владыки Феофилакта был построен второй этаж над флигелем духовного училища, возведены в Ставрополе два храма: Елизаветинский при Ставропольской женской гимназии Святой Александры и двухэтажный Софиевский. Предметом постоянной заботы Владыки была Екатерино-Лебяжья пустынь, куда по представлению его были назначаемы энергичные настоятели⁷⁶.

Хотя немалая часть воспитанников Кавказской духовной семинарии и отвлекалась на военную и гражданскую службу в Кавказском крае, все же при Преосвященном Феофилакте епархия пополнилась большим числом образованных священников.

Не удалось ему лишь осуществить по недостатку средств замысел, выдвинутый первоначально еще Преосвященным Игнатием, – об открытии в Ставрополе епархиального женского училища. Это удалось сделать только в 1875 г. его преемнику епископу Герману.

Состоявшееся 30 июля 1867 г. соизволение Государя Императора Александра II о подчинении духовенства Кавказского линейного казачьего войска Кавказской епархии имело для нее важные положитель-

⁷⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 25. Д. 675. Журнал присутствия Кавказской духовной консистории. Л. 17.

ные последствия. Указ Святейшего Синода по этому вопросу прибыл в Ставрополь 14 сентября 1867 г. «Слава и благодарение Богу, положившему конец войне кавказской и затем даровавшему возможность положить конец и разделению духовенства кавказского, так много порождавшему затруднений и недостатков!»⁷⁷ – удовлетворенно писал об этом важнейшем событии владыка Феофилакт.

Как уже упоминалось, в 1845 г. от епархии было отчислено в ведомство обер-священника Кавказского отдельного корпуса 87 церквей казачьих станиц. Накануне воссоединения в епархии числилось 167 церквей, из которых 67 подчинялись непосредственно Екатеринодарскому духовному правлению и окормляли черноморское казачество.

Теперь же к епархии оказались присоединенными сразу 220 церквей. Эта последняя цифра дает представление о бурном росте церковного строительства на Северном Кавказе в связи с начавшимся интенсивным заселением Закубанского края и возникновением новых станиц и сел. С 1858 г. стали создаваться новые станицы по реке Уруп, в том числе Исправная, Передовая, Сторожевая, Зеленчукская, Кардоникская, Преградная и др. В 1852 г. в верховьях реки Кубани возникли станицы Усть-Джегутинская и Верхне-Николаевская (ныне Красногорская). В 1860-х гг. между реками Кубанью и Урупом появилось несколько крестьянских сел: Богословское, Ольгинское, Казьминское, Ивановское, Успенское.

Появление новых поселений выдвигало задачи по созданию церковных причтов, строительству и оборудованию церквей. Военные власти тоже принимали в этом участие, заботясь, чтобы в каждой новой станице непременно был священник, который кроме совершения треб следил бы за упрочнением нравственности среди жителей и наблюдал за устройством молитвенного дома.

По предложению генерала Н.И. Евдокимова духовенству Закубанского края выплачивалось пособие, а затем в течение трех лет выдавалось офицерское жалованье. Принцип назначения духовенства в эти

⁷⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп. 28. Д. 174. С представлением монастырских ведомостей. Л. 8.

станции был иным, нежели в 1790-х гг. в Черномории, где священники выбирались самими казаками из числа желающих из других епархий, лиц, окончивших курс в духовных семинариях, а также по жребию или назначению духовного начальства.

Но многие священники, прибывшие из Владимирской, Калужской, Костромской и Тверской епархий, не выдержав тяжелых условий жизни, непривычного климата, военных опасностей, стали возвращаться обратно в Россию. В одной из станиц ехавший с конвоем из 15 казаков священник был захвачен горцами в плен, и жителям станицы с большим трудом удалось выкупить своего батюшку.

Любопытно, что иногда само военное начальство было очень заинтересовано в обеспечении новых станиц духовенством. Командир 26-го казачьего полка Пистолькорс просил священников станиц, приписанных к его полку, во время воскресных служб внушать прихожанам христианско-нравственные правила жизни, делать келейные наставления тем из них, кто слишком явно предается распутству, и в особенности стараться вразумлять женщин, от которых больше всего зависит нравственный уровень населения. Пистолькорс писал: «Причетники под наблюдением священников и при прямой их помощи могли бы немедленно приступить к учению молодежи грамоте»⁷⁸.

Интересен приказ Пистолькорса, где он в 1864 г. замечал, что в Великий пост жители очень скудно питались – одним жидким крупяным супом без овощей, что могло повлечь заболевания цингой. Казаки отвечали ему, что они строго исполняют религиозный обряд – и не только говядину, но и рыбу не будут употреблять в пищу. «Некоторые, в особенности черноморские переселенцы, – указывалось в приказе Пистолькорса, – так строги в своих убеждениях, что решаются все это время не варить теплой пищи, а питаться одним хлебом»⁷⁹. Опасаясь, что такое воздержание может иметь губительное влияние на здоровье населения, и сочувствуя такому строгому соблюдению поста казаками 26-го

⁷⁸ Короленко П.П. Закубанский край // Военный сборник. СПб., 1893. № 3.

⁷⁹ Там же, № 4.

полка, Пистолькорс по военным соображениям вынужден был просить священников, если им дозволит это их убеждение и долг, внушить казакам на станичном сборе, что скоромная пища может быть употребляема ими, по крайней мере, во время болезни. Приказы Пистолькорса – один из немногих документов, рисующих жизнь и быт духовенства в новых станицах Закубанского края. Покидая в 1864 г. полк, он с удовлетворением в приказе отмечал: «Во всех почти станицах устроены молитвенные дома и колокольни. Звон их раздается в самых отдаленных ущельях, где несколько месяцев тому назад слышны были лишь наши выстрелы. Со священниками вашими мы заключили условия, которые обеспечили бы их от нужды и дали им возможность, не отвлекаясь мирскими помыслами, совершенно даром исполнять все духовные требы. В России только что поднят вопрос об улучшении быта духовенства, а вы уже его разрешили, опередив своих соотечественников»⁸⁰.

Но так было далеко не везде. Некоторые из вновь возникших станиц не имели священников. Население, губительно страдавшее от болезней, умирало без исповеди и причастия, умерших погребали без отпевания, а родившиеся младенцы оставались некрещеными.

Недостаточно быстро шло строительство церквей, хотя на каждую станицу для этой цели отпускалось войском и казной 10000 рублей, да еще 850 рублей на приобретение церковной утвари и богослужебных книг. Более активно строились временные молитвенные дома.

Постоянная нужда в духовенстве среди Кавказского линейного казачьего войска приводила при пополнении его за счет других епархий к тому, что в ряды кавказского духовенства попало немало испорченных в нравственном отношении людей. Незадолго до воссоединения церквей линейных казачьих станиц с Кавказской епархией в канцелярии обер-священника накопились дела об удалении 24 священников из Кубанского войска за порочное поведение. Вопиющий пример приводится в исследовании кубанского историка П. Короленко: в одной из станиц в 1867 г. офицеры пьянствовали со священником, напоили его

⁸⁰ Короленко П.П. Закубанский край // Военный сборник. СПб., 1893. № 9.

до бесчувствия и носили по улицам на мертвецких носилках, говоря всем встречным, что их духовный пастырь внезапно скончался и они его сами отпевают похоронными молитвами⁸¹.

Присоединение к епархии церквей Кавказского линейного духовенства завершилось в 1868 г. Обозревая вновь присоединенные приходы, Преосвященный Феофилакт заметил среди духовенства много уклонений от правил благочерования и церковного порядка. Многие священники, особенно в глухих горных станицах, оказались малоопытными не только в пастырской деятельности, но даже и в совершении богослужения и отправлении обычных треб. Лишенные опытных руководителей в лице благочинных, они отвыкли даже от церковности. Для владыки Феофилакта из первых поездок по епархии стало очевидно, что управление воссоединенным духовенством всего Северного Кавказа возложило на его плечи очень тяжкое бремя. Для того чтобы направить церковную жизнь епархии на правильный путь, он сам в здании духовной семинарии стал вести назидательные беседы с ее преподавателями и воспитанниками, городским духовенством и посещавшими кафедральный город по служебным делам станичными и сельскими священниками. Темой таких бесед служило обычно разъяснение высокой миссии пастырского служения. В этих поучениях большое внимание уделялось исповеди как могущественному средству воспитания паствы в строго нравственном православном духе.

С присоединением церквей Кавказского линейного духовенства невероятно усложнилось и управление епархией. Одна лишь переписка с военными и гражданскими властями стала поглощать массу времени у Преосвященного Феофилакта. Возникла настоятельная необходимость в учреждении в епархии викариатства.

Эта мысль, за которую ратовал еще Преосвященный Иеремия, первый епископ Кавказский и Черноморский, получила наконец осу-

⁸¹ Короленко П.П. Переселение казаков на Кубань // Кубанский сборник, 1911. т. XVI.

пеществление в 1870 г., когда состоялось открытие Моздокского викариатства, существовавшего с 1793 по 1799 г. в Астраханской епархии⁸².

Достойным преемником знаменитого Гаия, епископа Моздокского и Маджарского, стал теперь ректор Кавказской духовной семинарии, архимандрит Исаакий⁸³. За 12 лет службы в семинарии он основательно ознакомился с епархиальными делами, что очень помогло ему в новом служении епископа.

Живя в городе Ставрополе при приписанной к архиерейскому дому Андреевской церкви, Преосвященный Исаакий (впоследствии епископ Томский и Семипалатинский) оказался прекрасным помощником владыки Феофилакта в управлении обширнейшей епархией, насчитывавшей уже 400 церквей.

Одних благочиний в ней числилось 33, против 18 в 1864 г. В епархию также входили Черноморская Екатерино-Лебяжья Николаевская пустынь, Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь, Черноморская Марие-Магдалинская женская пустынь, Иоанно-Мариинский женский монастырь.

Преосвященному Феофилакту пришлось пойти на вынужденный и тягостный шаг – удалить из епархии группу духовенства неблаговидного поведения, приехавшую на Кавказ из России. По недостатку священников духовная консистория публиковала вызовы иноепархиального духовенства, обещая диаконам рукоположение во священники и предоставление священнической должности. В охотниках недостатка не было, но каждый такой выходец из России приносил на Северный Кавказ богослужебные порядки своей прежней епархии. В результате в одной лишь Кавказской епархии процветало тогда необычайное

⁸² Второй период существования Моздокского викариатства был чуть более продолжителен, но 17 августа 1885 года оно было ликвидировано в связи с образованием Владикавказской епархии и отчислением Моздока в состав новообразованной епархии (см. Об упразднении кафедры епископа Моздокского // Кавказские епархиальные ведомости, 1885, с. 809).

⁸³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 29. Д. 11. Об учреждении викариатства в Кавказской епархии и о бытии епископом Моздокским, викарием Кавказской Епархии ректору Кавказской семинарии архимандриту Исаакию. Л. 1.

разнообразие в порядке совершения богослужения. Преосвященный Феофилакт очень огорчался этим и прилагал все усилия к тому, чтобы внести в это дело руководящее, объединяющее начало. Владыка Феофилакт вел непримиримую борьбу с такими пороками в духовной среде, как пьянство, стяжательство, кляузничество.

Ревностно относясь к делу духовного просвещения, Преосвященный Феофилакт много усилий приложил к учреждению при храмах епархии библиотек. Дело это было новое и непривычное. Поэтому владыке, как свидетельствуют архивные документы, приходилось применять довольно жесткие меры для вразумления отцов благочинных, что, как видно из тех же документов, привело к должному результату. В короткое время каждый храм Кавказской епархии обладал библиотекой, включавшей в себя до нескольких десятков наименований книг и журналов, в особенности же издания духовных академий⁸⁴.

12 декабря 1866 г. епископ Феофилакт в ознаменование примерной архипастьырской деятельности, засвидетельствованной Его Императорским Высочеством Великим князем Михаилом Николаевичем, Наместником Кавказским, всемилостивейше сопричислен к ордену Святой Анны 1-й степени.

Непомерные труды на Кавказской кафедре ускорили развитие болезни, поразившей его еще в юности. С осени 1871 г. он все более слабел физически, стал испытывать затруднения в совершении Божественной Литургии, и если служил, то большей частью в Крестовой архиерейской церкви раннюю Литургию. На праздник Сретения Господня Владыка отслужил последнюю Божественную Литургию. «Пора умирать, – говорил он близким людям, – так давно я уже болен, да и в роду моем дольше моих лет никто не жил»⁸⁵. Перед наступлением Светлого дня Пасхи Владыка с горечью произнес: «Страшно даже подумать, что в такой праздник архиерей будет не на своей кафедре в Крестовой

⁸⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 24. Д. 293. Об учреждении библиотек при храмах. Л. 1, 3 об., 7–8.

⁸⁵ Розалиев В., прот. Воспоминания о в Бозе почившем Преосвященном Феофилakte, бывшем Епископе Кавказском и Екатеринодарском // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 3. С. 89.

церкви, а на одре болезни...»⁸⁶. Но, несмотря на крайний упадок сил, Преосвященный Феофилакт строго соблюдал пост, совершал келейное молитвенное правило и вплоть до самого последнего часа проявлял заботу о состоянии епархиальных дел. В день смерти, когда он уже не мог встать с постели, Владыка распорядился через келейника пришедшему к нему секретарю духовной консистории: «Пусть оставит бумаги, может быть, улучу минуту посмотреть»⁸⁷. Последними словами святителя Феофилакta после соборования были: «Пришел для меня, други и братия, предел, его же не преидешь, настал и час проститься с вами. По совести могу сказать, что всех вас я любил искренно за честное житие и труды, хотя и сознаюсь, что не всегда одинаков был с вами. Но и сего последнего можно было бы избежать, не будь я таким болезненным. Простите меня, кого из вас чем обидел, и молитесь за меня»⁸⁸.

11 мая 1872 г., в субботу второй седмицы по Пасхе, в 6 часов вечера Преосвященный Феофилакт отошел ко Господу. 12-кратный мерный колокольный звон всех городских церквей возвестил о кончине Преосвященного епископа Кавказского и Екатеринодарского Феофилакta. 13 мая тело почившего архипастыря было перенесено под красный звон знаменитого кафедрального колокола и под пение торжественного пасхального канона и стихир из архиерейского дома в Казанский кафедральный собор.

15 мая Преосвященный Исаакий, викарий Кавказской епархии в сослужении сорока священников совершил Божественную Литургию и погребение почившего Кавказского святителя. Погребен был Владыка под сводами подвального этажа Казанского кафедрального собора. По поводу его погребения Преосвященный Иеремия, первый епископ Кавказский, писал в Ставрополь настоятельнице Иоанно-Мариинского монастыря игуменьи Серафиме, что Владыка Феофилакт, будучи чет-

⁸⁶ Розалиев В., прот. Воспоминания о в Бозе почившем Преосвященном Феофилакте, бывшем Епископе Кавказском и Екатеринодарском // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 3. С. 90.

⁸⁷ Там же. С. 91.

⁸⁸ Там же. С. 92.

вертым епископом на Кавказской кафедре, первым сложил на ней свои честные останки и, таким образом, даже после смерти пребывает неразлучно со своей паствой⁸⁹.

Кончина архипастыря Кавказского сопровождалась чудесным знамением: до дня его погребения на Кавказе стояла страшная засуха, но как только было совершено погребение, надвинулись тучи и прошел обильный дождь. Православные жители города Ставрополя дивились сему, определив в этом знамении явное свидетельство того, что почивший архипастырь обрел благодать у Господа.

«Не пререкаю душам верующих, – говорил в надгробном слове протоиерей В. Розалиев, – потому что в глубине моей совести несомненно знаю, что мы похоронили в нем не только великого труженика на поприще высокого звания, но и полнейшего девственника... Мы и ныне, ввиду того что прошло перед нашими глазами, можем смело и громко сказать, что Преосвященный Феофилакт не уронил дела Божия на Кавказе, и вполне убеждены, что беспристрастная история и будущее потомство отведут ему видное место в ряду кавказских иерархов. Это был воистину светильник горящий и светящий, свет которого светился пред человеки, на всех степенях, на каких оставил его Промысел Вышний для свечения и горения; это был архипастырь, неусыпные труды, добрые дела и высокие качества которого видела вся паства, и многие из среды ее, подражая ему, прославили тем и будут прославлять Отца нашего, иже на небесех»⁹⁰.

Преемник Преосвященного Феофилакта, епископ Герман, при вступлении 27 июля 1872 г. на Ставропольскую кафедру, спустился в усыпальницу Кафедрального собора, чтобы поклониться Преосвященному Феофилакту. В памяти своей паствы он остался подвижником, неутомимым тружеником на ниве Христовой.

⁸⁹ Цит. по: Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва – Пятигорск, 1992. С. 137.

⁹⁰ Розалиев В., прот. Воспоминания о в Бозе почившем Преосвященном Феофилакте, бывшем епископе Кавказском и Екатеринодарском // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 9. С. 291. № 15. С. 501.

В 1917 году, в дни грозных потрясений, могила Владыки Феофилакта стала местом массового паломничества.

Узнав об этом, Высокопреосвященнейший Агафодор направил настоятелю Кафедрального собора протоиерею Александру Яковенкову запрос, в котором, в частности, говорилось: «Предлагаю Вам сообщить мне / ... /, давно ли и по какому случаю начиналось это религиозное движение к месту упокоения иерарха и вследствие каких обстоятельств. И если действительно были явлены чудесные знамения по молитве при гробе почившего епископа, то не имеется ли при соборе записей: кому именно, когда и в каких случаях эти знамения были явлены. Дела Божия открывать и проповедати славно есть. Молчати же дела Божия преславная – велия души тщета есть»⁹¹. В тот же день соборный настоятель обратился за сведениями к священнику Валентину Тихову, совершавшему панихиды на месте упокоения Преосвященного Феофилакта, а затем направил свой рапорт Высокопреосвященнейшему Агафодору и просил благословения на получение в консистории шнурованной книги для внесения в нее свидетельств о получении помощи по предстательству в Бозе почившего епископа Феофилакта⁹².

9 апреля 1918 г. Архиепископ Агафодор наложил следующую резолюцию на рапорт протоиерея Александра Яковенкова: «Переписку эту консистория немедленно рассмотрит. Если найдет нужным, вызовет в присутствие консистории священника Валентина Тихова и сделает ему нужные указания, ввиду заявления о. Тихова выдать книгу о. протоиерею собора для записи им заявлений о получении помощи по предстательству в Бозе почившего епископа Феофилакта»⁹³.

Книга эта по вполне понятным причинам (достаточно прочесть книгу «Бесы русской революции» И. Сургучева⁹⁴, известного писате-

⁹¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 77. Д. 219. О молениях народа у гроба Кавказского Епископа Феофилакта. Л. 1–2.

⁹² Там же. Л. 9–10.

⁹³ Там же. Л. 9.

⁹⁴ Сургучев И. Бесы русской революции. Париж, 1937 (репринт: Ставрополь, 1987.)

ля, выпускника Ставропольской духовной семинарии) не была заведена, но факты, приведенные в рапорте священника Валентина Тихова, достойны самого серьезного внимания.

Вот что он, в частности, писал: «Во исполнение Вашего предложения от 4 апреля сего года долг имею почтительнейше доложить Вашему Высокопреподобию следующее:

К гробнице почивающего под Кафедральным собором святителя Феофилакта стали притекать богомольцы с весны 1917 г. Первыми пожелавшими помолиться при гробе епископа были монахини местного Иоанно-Мариинского женского монастыря, среди которых были мне известные монахини Херувима и Рафаила... Служил им панихиду по епископу Феофилакту я. На мой вопрос: по какой причине они служат панихиду над могилой святителя, они ответили, что у них пошли в монастыре разные нестроения, в особенности из-за игуменьи, поэтому они и пришли сюда помолиться у гроба святителя, так как слышали, что молитва при гробе этого Владыки успокаивает мятущиеся сердца и, вообще, действует умиротворяющим образом при возникновении всякого рода споров, ссор и несогласий.

Монахини Иоанно-Мариинского монастыря еще не один раз служили такие панихиды на могиле епископа Феофилакта; их споры и нестроения в монастыре улеглись, закончившись избранием новой игуменьи Нины, которая прилась всем монахиням по сердцу. Чтобы проверить это, я 7 апреля отправился в местный женский монастырь и там отобрал письменное показание лишь от монахини Рафаилы; что же касается монахини Херувимы, то таковой я не мог допросить за ее временным отсутствием из монастыря. Показания монахини Рафаилы вполне подтверждают факты, изложенные мною выше.

В мае месяце 1917 года ко мне заехала из Екатеринодара жена диакона Молчанова – бывшего моего псаломщика в ст. Рождественской, и в страшном горе поведала нам (мне и моей жене) печальное известие о смерти ее старшего сына Василия – офицера, убиенного в Персии. Известие это она получила по телеграфу от старшей сестры милосер-

дия того госпиталя, где якобы умер ее сын Василий. Желая утешить плачущую мать, мы с женой посоветовали Молчановой отслужить панихиду по святителю Феофилакту на его могиле. Возможно по примеру насельниц местного женского монастыря ее горе также уврачуется – и она получит утешение.

Диаконица исполнила наш совет; после панихиды успокоилась и поехала в этот же день обратно домой в Екатеринодар. Но тут ей почему-то сильно пожелалось заехать к своему свату в станицу Малеванную Кубанской области; и какова же была ее беспримерная радость, когда она там увидела своего сына живым, хотя и сильно больным. Это внезапное появление ее сына, которого она считала уже умершим, ничем иным нельзя объяснить, как только результатом молитвенного ходатайства за него почившего святителя Феофилакта, на гробнице которого так усердно молилась родная мать о сыне. Показания от Молчановой за дальностью расстояния и прекращением почтовых сообщений с Екатеринодаром я не мог отобрать.

Летом прошлого года вдова потомственного почетного гражданина Ольга Никитична Меснянкина, проживающая в собственном доме по Мещанской улице, видела во сне в полном архиерейском облачении, с митрой на голове неизвестного ей святителя, в одной руке он держал свой посох, а в правой руке святой крест, которым и благословил Меснянкину молча, причем последняя поцеловала крест и проснулась. Рассказавши этот сон бывшей у нее в этот день монахине местного монастыря Рафаиле, она, Меснянкина, по ее совету служила в этот день панихиду на могиле епископа Феофилакта, и затем, когда та же монахиня принесла ей портрет епископа, признала в явившемся ей святителе святителя Феофилакта.

Жена титулярного советника Ольга Николаевна Фоменко, жившая по 1-й Ясеновской улице, 45, также свидетельствует, что после служения панихид по епископу Феофилакту она получала неоднократно облегчение в скорби.

Жена чиновника Мария Иосифовна Богатырева, живущая в собственном доме по 1-й Подгорной улице, 42, показывала, что она получила исцеление больной руки, когда стала мазать ее елеем из лампы, горящей над гробницей святителя Феофилакта»⁹⁵.

Приведем свидетельство самой Марии Иосифовны Богатыревой:

«Перед Крещением Господним в сем году (1918) я подколола себе руку, и вся рука разболелась так, что я не могла ею владеть: носила ее на перевязке и в шубу никогда не вдевала. Я обращалась к врачу Коноплеву, затем к Перекропову, но пользы от лекарств не получила. Доктор Перекропов сказал, что болезнь моя затяжная и не может поддаться скорому лечению. На первой неделе Великого поста я говела, и когда в четверг, 8 марта, служилась панихида над могилой епископа Феофилакта, я прикасалась больной рукой во время служения панихиды к гробнице святителя, а также взяла масло из лампы, которая находится в усыпальнице над гробницей Преосвященного. Докторские лекарства я оставила употреблять, так как все это было на Масленицу, а теперь, с 8 марта, стала мазать свою больную руку маслом, взятым из лампы святителя. И вдруг моя рука стала постепенно выздоравливать. В настоящее время я почти выздоровела рукой: могу ею перекреститься... Могу даже ею брать легкие предметы. Свое выздоровление приписываю небесной помощи, посланной мне, грешной, по молитвам святителя Феофилакта.

Свое показание я могу подтвердить и под присягой»⁹⁶.

В годы лихолетья, когда был варварски уничтожен Казанский кафедральный собор, осквернена была и могила епископа Феофилакта. На месте собора разбили цветочные клумбы, и долгое время земля хранила то, что осталось от собора и усыпальницы Владыки.

⁹⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 77. Д. 219. О молениях народа у гроба Кавказского Епископа Феофилакта. Л. 3–6.

⁹⁶ Там же. Л. 7–8.

В 1990 г. при Ставропольском горсовете был образован комитет по созданию заповедной зоны на Крепостной горе. Летом 1991 г. на месте Казанского кафедрального собора начались раскопки, во время которых в южной части склона была обнаружена гробница с останками святителя Феофилакта. Епархиальный совет под председательством Митрополита Гедеона, заслушав сообщение Владыки Митрополита и подробный доклад краеведа В. Гребенникова, определил перенести честные останки епископа Феофилакта торжественно крестным ходом от Соборной горы в Кафедральный собор святого апостола Андрея Первозванного и установить гробницу с мощами Святителя на видном месте для почитания и поклонения, что и было совершено 17 ноября 1991 г. Впервые после 70-летия безбожия и атеизма по городу Ставрополю прошел торжественный крестный ход от Соборной горы к Кафедральному собору Святого апостола Андрея Первозванного.

Перед началом крестного хода с мощами святителя Феофилакта Высокопреосвященнейший Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский, в сослужении множества духовенства совершил заупокойную панихиду на месте обретения останков Святителя Божия. Затем Высокопреосвященнейший Гедеон возглавил крестный ход и останки святителя были принесены в Кафедральный собор. В тот же день была, видимо, явлена Божия милость и благоволение: с утра было очень пасмурно и холодно, но как только Владыка Митрополит произнес начальный возглас панихиды, тучи мгновенно рассеялись, засияло солнце и сделалось тепло. Честные останки святителя Феофилакта были установлены у Никольского придела Кафедрального собора. Над ними помещена икона святителя Феофилакта Никомидийского – небесного покровителя епископа Феофилакта. Икона передана в город Ставрополь представителем Патриарха Иерусалимского Диодора архимандритом Феофилактом.

В 1994 г. епархиальная комиссия по благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита Гedeона освидетельствовала останки и констатировала, что от мощей исходит легкий благоуханный запах и они пребывают нетленными. Комиссия представила на имя митрополита соответствующий акт. К акту были приложены письменные свидетельства прихожан Кафедрального собора о чудесных исцелениях, произошедших у мощей святителя Феофилакта. Так, Чулкова Ольга Викторовна, проживающая в Ставрополе, сообщает о чудесном исцелении сильно обожженной руки после прикладывания ее к гробнице святителя, а также об исцелении поломанной в нескольких местах руки ее сына⁹⁷.

В год перенесения мощей были направлены документы в Синодальную комиссию для канонизации святителя. У нас же, на Кавказе, он давно почитаем, и его молитвенное предстательство, как устроителя Божиего мира, нам, живущим на беспокойном и огнедышащем Кавказе, весьма необходимо. Мы верим и знаем, что молитвенное предстательство и помощь святителя Феофилакта народам Кавказа, кавказскому духовенству, милой его сердцу Ставропольской духовной семинарии не прекращались и не оскудевали со дня его блаженной кончины и никогда не прекратятся.

⁹⁷ Архив Ставропольского епархиального управления.

Преосвященный Герман (Осецкий) (1872–1885) и развитие епархиальных институтов

По кончине святителя Феофилакта на Кавказскую кафедру был назначен Преосвященный Герман (Осецкий), викарий Харьковской епархии, которому предстояло строить Кавказскую церковь почти четырнадцать лет.

Пятый по счету архипастырь Кавказский происходил из семьи священника Ярославской епархии Козьмы Бриллиантова. В 1847 г. он окончил Ярославскую духовную семинарию, а в 1851-м – Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью магистра богословия⁹⁸.

Первое его знакомство с Кавказской епархией состоялось в 1857 г., когда последовало назначение его на пост ректора Кавказской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита⁹⁹. В Ставрополе архимандрит Герман потрудился тогда всего два года. Однако даже в такой небольшой срок он успел составить себе представление о положении дел в епархии, проходя служение под благодатным руководством святителя Игнатия Брянчанинова.

О кавказских впечатлениях Преосвященного Германа в пору его ректорства можно судить по отчету проводившего ревизию семинарии по поручению обер-прокурора, статского советника С.В. Керского, который писал: «По основным чертам своего нравственного склада воспитанники Кавказской семинарии резко отличаются от того оригинального типа, который характеризует воспитанников семинарий центральных губерний России. Разница между теми и другими происходит, главным образом, от трех факторов, влияющих на духовное развитие кавказского воспитанника: это теплый южный климат, военная среда, в которой он возвращается с юных

⁹⁸ Преосвященный Епископ Герман // Ставропольские епархиальные ведомости, 1896. С. 48.

⁹⁹ Там же. С. 48–49.

лет, и положение его родной семьи. Климатом объясняется его живой и подвижный темперамент. Из военной среды он перенимает внешние манеры и заимствует понятия о правилах и требованиях общественной жизни. В родной семье образуются его симпатии. В воспитанниках Кавказской семинарии нет того горького, разъедающего чувства недовольства и озлобления, какое обыкновенно вырабатывает тип бурсака; напротив, в них преобладает довольство настоящим и спокойный взгляд на будущее. Никаких следов антиправославного направления в них нет, нет и грубых пороков, или же последние слишком редки и исключительны. Чувство чести – главный мотив их нравственных действий. Оно оберегает их от грубых пороков и исправляет их от лени»¹⁰⁰.

В 1859 г. архимандрит Герман был перемещен на должность ректора в Самарскую духовную семинарию; в 1862 г. назначен членом Цензурного комитета в Санкт-Петербурге, а в следующем году – наместником Александро-Невской Лавры. 8 января 1866 г. архимандрит Герман был хиротонисан во Епископа Сумского, викария Харьковской епархии. Отсюда состоялся его перевод в Ставрополь в 1872 г.

Епископ Герман управлял кавказской паствой продолжительное время (больше его возглавлял кафедру только Высокопреосвященнейший Агафодор). Время это ознаменовано интенсивным развитием и упорядочением церковной жизни на Кавказе. Естественно, этому способствовал деятельный нрав Владыки, но не в меньшей степени и такие условия, как прекращение войны, объединение всех приходов в крае под управлением одного епископа, насыщение епархии образованным местным духовенством.

С 1873 г. стали проходить Епархиальные съезды духовенства Кавказской епархии¹⁰¹, рассматривавшие все серьезные вопросы епархиаль-

¹⁰⁰ Цит. по: Пятидесятилетие Ставропольской Духовной Семинарии. Ставрополь, 1896. С. 35–36.

¹⁰¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 30. Д. 237. О деятельности съездов духовенства. Л. 2–7.

ной жизни, а также жизни и деятельности семинарии¹⁰². Съезд 1880 г. постановил: «Просить Его Преосвященство, Преосвященнейшего Германа ходатайствовать пред высшим начальством о закрытии кафедр калмыцкого и татарского языков при Кавказской семинарии, ассигнованную же епархией на сии кафедры сумму полностью обратить на усиление средств Ставропольского Свято-Андреевского братства, так как братство, главным образом, и преследует цели миссионерские»¹⁰³.

1 октября 1875 г. состоялось открытие Кавказского епархиального женского училища. В 1885–1887 гг. для него было выстроено собственное прекрасное здание, которое обошлось епархии в 299 тысяч рублей.

Еще раньше, в 1883 г., была завершена постройка собственного здания Ставропольской духовной семинарии. В память этого события епархиальный съезд духовенства 18 октября 1883 г. постановил ежегодно 13 ноября (в день открытия семинарии) совершать в семинарском храме торжественное богослужение с панихидой по императоре Александре II, при ком разрешена была постройка семинарского здания, а также учредить при семинарии на личные средства духовенства стипендию имени покойного императора и устроить в семинарском храме икону святого благоверного великого князя Александра Невского с неугасимую лампадою, что и было исполнено.

10 января 1881 г. Указом Святейшего Синода № 71 прекращено было преподавание в семинарии калмыцкого и татарского языков. Освободившаяся сумма – 400 рублей в год, – направлена была на усиление средств братства святого апостола Андрея Первозванного. Съезд 1880 г. принял решение и об увеличении суммы, отпускаемой на со-

¹⁰² Так, например, съезд в октябре 1880 г. принял решение о необходимости учреждения в семинарии кафедры раскола. Одновременно признали излишними кафедры татарского и калмыцкого языков, которые за тридцать лет существования не образовали ни одного воспитанника с достаточным запасом сведений о сих языках, а вследствие сего не дали Епархии ни одного миссионера.

¹⁰³ Журнал епархиального съезда // Кавказские епархиальные ведомости, 1880. С. 693.

держание семинарской больницы. Правление семинарии обратилось к духовенству с просьбой об отпуске средств на приобретение материалов для переплетной мастерской. Съезд решил: на означенный предмет вносить от каждого причта ежегодно по шести копеек.

Семинария была одной из главных, но, конечно же, не единственной заботой Преосвященного Германа. Он воплотил в жизнь замыслы своего предшественника, начав издание «Кавказских епархиальных ведомостей»¹⁰⁴.

30 ноября 1873 г. по благословению Преосвященного Германа состоялось открытие Свято-Андреевского братства, оказавшего впоследствии огромную пользу в развитии миссионерского дела и религиозно-нравственного воспитания народа¹⁰⁵.

Огромное внимание уделял Преосвященный делу проповеди христианства среди населявших Ставропольскую губернию калмыков-буддистов.

В 1885 г. Преосвященный Герман отбыл на Синодальную череду в Санкт-Петербург. Таким образом, разделение епархии произошло в его отсутствие. В 1886 г. согласно прошению Владыка был уволен от управления Ставропольской епархией и назначен управляющим Донским ставропигиальным монастырем в Москве и присутствующим в Святейшем Синоде. Скончался в 1896 г.¹⁰⁶

¹⁰⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 30. Д. 1146. От редакции Кавказских епархиальных ведомостей. Л. 1, 1 об.

¹⁰⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 31. Д. 245. Об учреждении общества при Ставропольской Андреевской церкви.

¹⁰⁶ Преосвященный Епископ Герман // Ставропольские епархиальные ведомости, 1896. С. 49–50.

Епископ Владимир (Петров) (1886–1889) – Владыка-миссионер

В 1885 г. Кавказская епархия была разделена на Ставропольскую (с титулом правящего архиерея «Ставропольский и Екатеринодарский»), Владикавказскую и Сухумскую. К моменту деления Кавказская епархия насчитывала свыше 600 церквей при населении в полтора миллиона человек. После деления в Ставропольской епархии (на территории Ставропольской губернии и Кубанской области) осталось 406 церквей и 1,2 миллиона жителей¹⁰⁷.

Первым Епископом Ставропольским стал Преосвященный Владимир¹⁰⁸ (1886–1889). Несмотря на кратковременность своего пребывания на Ставропольской и Екатеринодарской епархии, он внес значительный вклад в дело изучения истории своей епархии. Предпринятые экспедиции позволили открыть и изучить много

¹⁰⁷ Михайлов Н.Т., священник. Справочная книжка по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910. С. 47.

¹⁰⁸ Преосвященный Владимир (в миру Иоанн Стефанович Петров) родился в 1828 г. в станице Федосеевской в семье донского казака. Семья была строго религиозной. Родитель Преосвященного впоследствии принял священный сан, священство принял и один из братьев Владыки Владимира, а другой брат, приняв монашество, стал помощником Преосвященного в миссионерских трудах. Путь духовного возрастания будущего Епископа Ставропольского и Екатеринодарского был традиционен. Новочеркасское духовное училище, Воронежская духовная семинария, Киевская духовная академия (обучаясь на 4-м курсе академии, Иоанн Петров принял монашество с именем Владимир; постриг совершался в пещере преподобного Феодосия Печерского). Вскоре после окончания Академии иеромонах Владимир, магистр богословия направляется инспектором в Иркутскую, а затем вновь открытую Томскую духовную семинарию. Проходя служение в Сибири, иеромонах Владимир познакомился с деятельностью Алтайской и Забайкальской миссий. Встречаясь с миссионерами, он узнал «их занятия, скорби, утешения», и с тех пор на всю жизнь привязался к миссионерскому служению. В 1865 г. Святейший Синод назначил архимандрита Владимира, бывшего в то время инспектором Санкт-Петербургской духовной академии, начальником Алтайской миссии, где он трудился до 1880 г., когда состоялась его епископская хиротония.

христианских памятников на Кавказе. Так им были описаны остатки древнейших христианских храмов в районе реки Зеленчук¹⁰⁹.

Владыка Владимир заложил правильную основу миссионерского дела на Кавказе, основав Владимирское братство, которое позже, будучи преобразованным в Андреево-Владимирское, стало одним из самых авторитетных миссионерских обществ на Северном Кавказе.

Преосвященный Владимир прибыл в Ставрополь, имея богатейший опыт, приобретенный в алтайской миссии и в управлении Томской епархией.

По привычке, приобретенной на Алтае, Владыка постоянно совершал поездки по епархии. Одним из результатов поездки Преосвященного Владимира в Карачай было открытие в 1889 г. Александро-Афонского Зеленчукского монастыря, нового центра христианского просвещения в горах Кавказа. Этому предшествовало возбуждение Владыкой ходатайства перед Святейшим Синодом об учреждении при древних Зеленчукских храмах мужской общежительной пустыни с богадельней для престарелых воинов и иконописной школой.

Епископ занимался также миссией среди калмыков приписанного к Ставропольской губернии Больше-Дербетовского улуса. Свято-Андреевское братство уже предпринимало попытки в этом направлении, получая поддержку от Преосвященного Германа, но за пятнадцать лет к православию присоединилось лишь два калмыка-ламаиста. Обозревая епархию в 1887 г., Преосвященный Владимир посетил Больше-Дербетовский улус. Проповедь Владыки-миссионера принесла свои плоды: два года спустя Епископ Владимир совершил крещение 50 калмыков. В годы его правления был создан Княж-Михайловский миссионерский стан для ведения систематической проповеди среди кочевых калмыков и туркмен.

На время, когда Ставропольской епархией управлял Преосвященный Владимир (Петров), пришлось празднование 900-летия

¹⁰⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 45. Д. 148. О поездке Преосвященного Владимира для обозрения церквей епархии.

Крещения Руси. Еще в 1887 г. на епархиальном съезде духовенства Епископ предложил почтить память Крестителя Руси, святого равноапостольного князя Владимира устройением храма в его честь. Предложение архиерея нашло поддержку, и по епархии начался сбор пожертвований. За счет собранных средств буквально в течение нескольких месяцев при Андреевском архиерейском подворье был возведен храм в честь святого равноапостольного князя Владимира с колокольной над ним. Главную особенность нового храма составляло убранство, повторявшее известные образцы древнерусской иконописи¹¹⁰.

В дни торжественного юбилея состоялись освящение Свято-Владимирского храма, а также открытие Свято-Владимирского благотворительного братства, которое при основании своем сразу же открыло приют для бездомных детей.

В 1889 г. епископ Владимир (Петров) получил назначение на Нижегородскую кафедру. В Нижнем Новгороде Преосвященного Владимира, только что прибывшего из Ставрополя, встречал временно управляющий епархией Преосвященный Агафодор, Епископ Балахнинский, которому предстояло занять Кавказскую кафедру четыре года спустя. В первом слове, обращенном к нижегородской пастве, Преосвященный Владимир рассказал о своей тесной духовной связи с Преосвященным Иеремией (Соловьевым, первым Епископом Кавказским, занимавшим Нижегородскую кафедру в 1850-е гг.). От Епископа Иеремии Владыка Владимир получил напутствие, отправляясь в Алтайскую миссию, его советами пользовался затем, устраивая православную миссию в этом диком краю.

Нижегородской епархией Преосвященный Владимир управлял два с половиной года, оставив по себе, так же как и на Кавказе, и в Сибири, добрую память. В голодный 1891 год он добился от Святейшего Синода выделения ссуды в 15 тысяч рублей для духовенства епархии.

¹¹⁰ Ставропольские епархиальные ведомости, 1888, № 24.

Не забывал он и своих крестников-калмыков, оставленных им в Ставропольской епархии, помогая и словом утешения, и пожертвованием. В 1892 г. он был перемещен на Казанскую кафедру в сане архиепископа, где и скончался 2 сентября 1897 г. на 69-м году жизни¹¹¹.

«Жизнь людская, – писал Владыка Владимир в одном характерном для него письме, – это океан слез и вздыханий. Но над сим мрачным океаном сияет ясный луч любви Христовой, силою Креста Животворящего согревающий и творчески уготовляющий для будущей жизни мир светлых радостей нерушимых. Сия любовь Христа всех людей зовет к себе, к вечным радостям, ибо Сам Христос есть весь сладость желаннейшая, весь радость неизглаголанная, весь утешение всецелое, весь упокоение неизреченное. Но чтобы удостоиться вечных радостей, надо послушно нести на земле крест свой, то есть бремя обязанностей и скорбей, возложенных на каждого Промыслом, ибо без креста нет Христа. А крестом приходит радость всему миру и всякому в частности человеку»¹¹².

¹¹¹ Ястребов И. Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир, Архиепископ Казанский и Свияжский. Казань, 1898..

¹¹² Краткий очерк жизни Высокопреосвященнейшего Владимира и описание его кончины и погребения // Православный собеседник, 1898.

Епископ Евгений (Шерешило)¹¹³ (1889–1893)

При вступлении владыки Евгения в управление епархией в ней насчитывалось около 200 ютившихся в сторожках церковноприходских школ, в которых учились 6000 детей. Через несколько лет школ уже было 327, а число учащихся в них достигло 13000. За это время в приходах возникло 100 новых школьных зданий.

Человек живого и острого ума и всестороннего образования, Преосвященный Евгений с большим блеском проявил свои дарования в управлении епархией. В первое свое обозрение Кубанской области в 1890 г. он интересовался состоянием старейших в епархии монастырей Екатерино-Лебяжьей пустыни и Марие-Магдалинской обители. Затем он предпринял поездку к верховьям Кубани, осмотрев древнехристианские храмы на Большом Зеленчуке и на горе Шоана. Этот последний храм был передан в ведение Александро-Афонского монастыря и также подлежал реставрации. Однако отсутствие средств еще долго не позволяло монастырю восстановить эти христианские святыни. Во время поездки Преосвященный Евгений заинтересовался остатками русских крепостей в станице Исправной и Хумаринском ауле. Он посетил расположенные у Мышиной тропы угольные копи Утякова, побывал в казачьем лагере вблизи станицы Баталпашинской, осмотрев место, где русский генерал Герман в 1790 г. разбил турецкую армию Батал-пашы¹¹⁴. Всюду в пути Преосвященный Евгений беседовал с прихожанами, осматривал церкви и школы при них, горячо интересовался ходом миссионерской борьбы

¹¹³ Л.Н. Польский употребляет форму «Шерешилов», но во всех известных нам документах фамилия Преосвященного пишется именно как «Шерешило». Сын диакона, родом из Чернигова, в раннем детстве лишился отца, одно время, мальчиком в Киеве, вел жизнь уличного нищего. Затем благодаря заботе своего дальнего родственника – профессора Киевской духовной академии – жизнь его выправилась. В 1853 г. он окончил академию и в том же году принял монашеский постриг с наречением имени Евгений (крещен Преосвященный был как Николай). 17 лет провел на поприще духовного просвещения. В 1870 г. хиротонисан во епископа Брестского, викария Литовской епархии. С 1877 г. – Епископ Минский и Бобруйский. В 1880–1889 гг. – на Астраханской кафедре. После кратковременного пребывания на Ставропольской кафедре направлен в Могилев, где тяжело заболел. Скончался в Киеве, по пути в Крым на лечение, 22 марта 1896 г.

¹¹⁴ *Потто В.А.* Два века Терского казачества. Ставрополь, 1991. Т. 2. С. 190.

с сектантами. В том же году он выезжал в Князе-Михайловский миссионерский стан, где подробно ознакомился с его работой и жизнью крещеных калмыков.

С первых шагов своей деятельности в Ставропольской епархии Владыка Евгений горячо занялся делами объединившегося при нем в одно целое в 1892 г. Андреевско-Владимирского братства. Его заботами были впервые организованы воскресные народные чтения и устроена первая народная читальня. Входя во все мельчайшие нужды братства, он на свои средства устроил при нем центральный книжный склад, который, не извлекая прибыли, по издательским ценам отпускал книги духовного содержания и школьные принадлежности. Во многих пунктах епархии братство учредило свои отделения и книжные лавки. Впервые введенные Преосвященным Владимиром в Ставрополе внебогослужебные праздничные собеседования получили широкое распространение в епархии. Скоро не стало такого прихода, где бы они не велись. Одновременно в епархии было открыто 50 новых священнических вакансий для того, чтобы священники смогли по очереди отправлять службу на хуторах, где из-за отдаленности их населения от храма создавалась благоприятная почва для развития сектантства. Тогда же был окончательно отстроен новый архиерейский дом и сооружено на купленном имении Алафузова новое здание епархиального свечного завода с церковью, школой на 60 детей и летней архиерейской дачей¹¹⁵.

Обозревая епархию во время архиерейских поездок, посещая монашескую обитель в ущелье реки Зеленчук, Владыка Евгений с удовольствием убеждался, сколь велики успехи православия на Кавказе¹¹⁶.

В 1893 г. Кавказской епархии исполнилось 50 лет. В эту знаменательную дату Ставропольская епархия могла с удовлетворением оглянуться на пройденный ею за полвека путь. В первый год ее существования на всей территории Северного Кавказа насчитывалась 191 церковь. Теперь,

¹¹⁵ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 911. О рассмотрении проектов церквей.

¹¹⁶ Ляпидевский С., священник. Венок на дорогую могилу в Бозе почившего Епископа Евгения. М., 1897. С. 20–21. (Издание подготовлено выпускником и преподавателем Ставропольской Духовной Семинарии).

при значительном уменьшении территории епархии, количество церквей утроилось. Окрепили и епархиальные духовно-учебные заведения, давшие краю несколько сот богословски образованных духовных пастырей. Епархия стала подлинным светочем христианства на Северном Кавказе. Любопытно, что в это же время снова возникал вопрос о создании единой Кавказской епархии, включая Ставропольскую и Владикавказскую епархии при двух викариатствах во Владикавказе и Екатеринодаре. Приезжавший в Ставрополь в этом юбилейном году Преосвященный Владимир (Петров) был столь приятно удивлен успехами епархии, особенно в деятельности Андреевско-Владимирского братства, что выразил свою благодарность Владыке Евгению глубоким земным поклоном прямо на улице в присутствии многочисленных свидетелей.

Преосвященный Евгений был преисполнен многих замыслов, направленных на благоустройство Ставропольской епархии. Он энергично взялся за расширение Андреевского храма, где даже предначертал для себя место упокоения. Однако неожиданный переход на новое место помешал осуществлению многих его благих намерений. «Вот уже никогда не думал ни о каких назначениях, наоборот, надеялся и кости сложить здесь»¹¹⁷, – с грустью сказал он, узнав о своем перемещении на Могилевскую кафедру. Несмотря на скорбь Преосвященного, никто не услышал от него ни слова протеста. «Почему и для чего меня переводят, – говорил Владыка Евгений в одной частной беседе, – не знаю, совершенно не знаю. Знаю только то, что это проявление высшей власти, и повинуюсь ему. Я – инок. Устав иноческий очень схож в существе с уставом воинским. И там, и здесь на первом месте полное безропотное послушание и точное исполнение приказаний настоятеля-командира. Не дело подчиненного судить да рядить: его обязанность возможно точнее исполнять»¹¹⁸.

Покидая Ставропольскую епархию в августе 1893 г., Преосвященный Евгений мог с полным правом заявить, что и он был участником создания великого храма Божия – Церкви Кавказской.

¹¹⁷ Д. У. [Успенский Димитрий, протоиерей]. Воспоминания о в Бозе почившем епископе Евгении // Ставропольские епархиальные ведомости. 1897. С. 1061.

¹¹⁸ Там же. С. 1062.

Архиепископ Агафодор (Преображенский) (1893–1919) и развитие епархии в годы его правления

В 1893 г. Преосвященного Евгения на Ставропольской кафедре сменил Преосвященный Агафодор (Преображенский). Его трудами Церковь Кавказская, чей фундамент был заложен Преосвященным Иеремией, и здание заботливо возводились последующими святителями ставропольскими, достигла зрелости.

Заступая на Ставропольскую кафедру, Преосвященный Агафодор сказал: «Здесь эту кафедру занимали преемственно мужи высокоученые и высокодобродетельные, которые были для вас не только светильниками горящими, но и светящими; я же немощен и не вижу в себе особенных достоинств. Исходя на подлежащий подвиг, здесь же, на сем святом месте, даю вам обет усердно и насколько позволят мне силы исполнять возложенные на меня пастырские обязанности»¹¹⁹.

Жизненный путь Владыки Агафодора во многом напоминает биографии многих его предшественников. Рождение в семье священника, ранняя кончина отца, бедность и лишения, решение посвятить себя на служение Богу, Церкви. Всю жизнь Владыка Агафодор сохранил трогательную память о родителях и сродниках своих¹²⁰.

До занятия Ставропольской кафедры новый Преосвященный несколько лет управлял Сухумской епархией, где, будучи уроженцем Центральной России, Владыка успел познакомиться с местной кавказской спецификой.

¹¹⁹ Речь, произнесенная Преосвященнейшим Агафодором при вступлении на Ставропольскую кафедру 19 августа 1893 г. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1893. С. 584.

¹²⁰ И поныне существуют уникальные свидетельства этой молитвенной памяти. В ризнице собора святого апостола Андрея Первозванного (в дореволюционный период это была Крестовая архиерейская церковь) сохранились Дарохранильница (с надписью «Церкви святого апостола Андрея Первозванного в г. Ставрополе от епископа Агафодора. 15 сентября 1897 г.») и Крест (с надписью «Помяни Господи епископа Агафодора, родителей его – чтеца Флегонта, Евдокию, и сродников – Анну, девиц Ольгу, Марию»).

Та четверть века, а если быть точным, 26 лет, что пробыл на Ставропольской кафедре Владыка Агафодор, были одними из самых сложных в дореволюционной России. Бурное промышленное и экономическое развитие сочетались с мутным валом безнравственности и лжедуховных исканий. Общая атмосфера распущенности требовала от архипастыря сугубой собранности и активности. И Владыка Агафодор, как показывают факты, был именно таким человеком, который требовался Ставропольской кафедре в то нелегкое время.

Период его управления был ознаменован бурным расцветом церковного строительства на Кубани и Ставрополье. Большинство сохранившихся до наших дней храмов были построены именно в это время.

Так, в Екатеринодаре в память о чудесном спасении царской семьи во время крушения поезда у станции Борки в 1888 г. было построено сразу два величественных храма-памятника: Свято-Екатерининский и Свято-Троицкий соборы, освящение которых было приурочено к 300-летию Дома Романовых, празднуемого всей Россией в 1913 г. Насколько широка была деятельность владыки Агафодора по укреплению вверенной ему епархии, можно судить по созидательному процессу. За первые 15 лет его архипастырского служения количество духовенства и церквей возросло в полтора раза (духовенства на 700 человек, а церквей на 190). На строительство новых храмов в пределах епархии было израсходовано свыше 13 млн рублей.

Сразу же по прибытии в Ставрополь Преосвященный Агафодор организовал при семинарии противораскольнические и противосектантские собеседования, имевшие одной из задач подготовку семинаристов к миссионерской деятельности. В 1894 г. при семинарии были открыты религиозно-нравственные чтения для местной интеллигенции. Вели чтения преподаватели семинарии в период Великого поста.

В 1907 г. Святейший Синод, учитывая трудности управления разросшейся епархией (150 тыс. км²), открыл на территории Кубани Ейское викариатство, возведя в сан епископа Ейского бывшего ректора

Астраханской духовной семинарии архимандрита Иоанна (Левицкого – впоследствии примкнувшего к обновленцам).

Практически каждый год Преосвященный совершал объезды Епархии, знакомясь с положением на приходах не по отчетам, а вочию.

В 1910 г. в епархии широко отмечался юбилей 50-летия служения Владыки Архиепископа в священном сане. Он ярко показал народную любовь к маститому архипастырю, много потрудившемуся на Кавказе, память о котором жива и поныне.

В 1919 г. Высокопреосвященный Агафодор скончался на 82-м году жизни¹²¹.

¹²¹ О погребении Владыки Агафодора мы имеем лишь скудные сведения, учитывая обстановку 1919 г. Тем не менее в нашем распоряжении есть письменное свидетельство современника и участника тех событий, известного ставропольского краеведа (ныне покойного) Л.Н. Польского, в ту пору ученика 3-го класса 2-й Ставропольской мужской гимназии. В письме краеведу Г.А. Беликову, посвященном описанию событий 1918–1919 гг. в Ставрополе, Леонид Николаевич, в частности, пишет: «/ ... / Снимок сделан возле колокольни [речь идет о Владимирской церкви архиерейского подворья. – *Прот. П. С.*], построенной в дни празднования 900-летия Крещения Руси. Сам храм находился в нижнем этаже, и в нем в мае 1919 года [это явная ошибка, по всем остальным свидетельствам кончина Владыки последовала в июле этого года. – *Прот. П. С.*] был погребен Архиепископ Агафодор, автор знаменитого учебника по Закону Божию».

РАЗВИТИЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Для всех преосвященных ставропольских, начиная с первого Кавказского архиерея – епископа Иеремии, вплоть до Высокопреосвященнейшего митрополита Гедеона характерно особое внимание к нуждам духовного образования. Так, например, когда произошла определенная нормализация отношений Церкви и государства в 1943 г., на вдовствующую кафедру заступил практически сразу же после лагеря архиепископ Антоний (Романовский), впоследствии митрополит. Ровно через сто лет произошло возрождение епархии, а в 1946 г. – тоже через сто лет после основания – была восстановлена и Ставропольская духовная семинария. Учившийся в ней в сороковые годы Высокопреосвященнейший Гедеон, Митрополит Ставропольский и Бакинский, ректор семинарии, вспоминал, что жили бедно, голодно, но возрожденная духовная школа буквально с первых лет достигла высокого уровня обучения и воспитания. Этому во многом способствовало то обстоятельство, что преподавательские кадры являли собой цвет духовных академий предреволюционной поры. Владыка митрополит Антоний, как мог, противостоял хрущевским гонениям, но в 1960 г. ликвидировали и Ставропольскую семинарию, формально объединив ее с Саратовской. Вновь реквизированы были помещения, инвентарь, снова разграблена собранная по крупицам в 1940–1950-е гг. библиотека. В 1990 г., с прибытием на Ставропольскую кафедру Высокопреосвященнейшего Владыки Гедеона, происходит третье рождение Ставропольской духовной семинарии, отметившей в 1996 г. 150-летие.

История духовной школы в Ставрополе не только неразрывно связана с историей епархии, но и является одной из значительных ее страниц, чем и объясняется особое внимание, уделенное этой теме.

Духовные училища

В XVIII в. духовных школ было немного, постановка обучения и воспитания в них была не на высоте. Прилежный исследователь истории духовных школ Ф. Белявский так пишет о причинах их медленного развития: «Главною причиною замедления было полное отсутствие средств и решительная оппозиция духовенства, отказывавшегося собирать деньги и продукты на содержание школ и отдавать в них своих детей. Школы наполнялись лишь путем насильственного отбирания и вербовки учеников ... за первые 50 лет существования духовные школы не успели принять характер специальных и в большинстве были лишены богословского элемента»¹²².

При Преосвященном Платоне (Любарском), архиепископе Астраханском и Ставропольском (1794–1805), возникли духовные училища в Кизляре и Моздоке. В Кизляре для училища отведен был особенный дом при церкви Божией Матери во имя иконы Ея Живоносный Источник, а учителем был назначен диакон этой церкви. В Моздоке добровольную школу открыл у себя в доме диакон Успенской церкви. Владыка Платон вменил в обязанность священникам в воскресные и праздничные дни, особенно в посты, учить своих прихожан кратким молитвам, читать в церкви и на домах «катехизические краткие и пространные книжицы и синодальные проповеди с ясным, снисходительным к понятию слушателей толкованием»¹²³. Ученым священникам вменено было в обязанность написать по три проповеди в год, представляя их архиерею на просмотр, и затем произносить с церковного амвона непременно наизусть. Для пособия духовенству в самообразовании и учении народа во многие церкви были высланы книги догматического, нравственного, полемического и церковно-исторического содержания.

¹²² Белявский Ф. О реформе духовной школы. Часть I. Краткий очерк прошлого средней духовной школы. СПб., 1907. С. 9.

¹²³ Нестор, Епископ Аксайский. Управление Платона (Любарского), архиепископа Астраханского и Кавказского, кавказскою паствою с 1800 по 1805 г. // Кавказские епархиальные ведомости, 1879. С. 124.

В 1803 г. Георгиевский благочинный С. Васильев изъявил желание основать училище для детей духовенства и прихожан в собственном доме и учить их с помощью соборных священнослужителей. Это были школы грамотности, готовившие учеников к семинарии¹²⁴. В 1800 г. Астраханская консистория предписала Кизлярскому и Моздокскому духовным правлениям: 1) выслать к 1 сентября всех священнослужительских детей возрастом от 10 до 15 лет в Астраханскую семинарию; 2) для сего благочинным собрать всех детей в Георгиевск, а Георгиевскому протопопу, наняв извозчиков на счет отцов, или с благонадежною оказией препроводить их на Астраханский тракт; 3) внушить отцам, чтобы они снабдили своих детей, отправляемых в Астрахань, всем нужным, как то: одеждою, обувью, деньгами для найма квартир и всем прочим, о чем и на будущее время подтвердить, чтобы дети их ни в чем не нуждались¹²⁵.

Это решительное распоряжение вызвано было постоянным уклонением кавказского духовенства от отправления детей в семинарию под предлогом дальности расстояния и трудности пути до Астрахани. И действительно, глухая, безводная астраханская степь, разбой калмыков по астраханской дороге представляли для путников с Кавказа немало опасностей и затруднений. Поэтому, даже после строгого предписания, отправлены были с Кавказа в Астраханскую семинарию всего шесть мальчиков. Духовенство шло на различные ухищрения, стараясь оставить детей дома. Им занижали возраст, выдавали мальчиков за сирот и т.п. Виновных родителей или опекунов штрафовали.

Так как в семинарию новых учеников было послано мало, то консистория предписала направить в Астрахань для учения тех детей, которые определены были на причетнические места и посвяще-

¹²⁴ Там же. С. 125.

¹²⁵ Там же. С. 126, а также: К истории Владикавказского, бывшего Моздокского духовного училища // Владикавказские епархиальные ведомости. 1907. С. 409.

ны в стихарь. А чтобы отцы благочинные и духовные правления не укрывали детей духовенства от направления в семинарию, с 1803 г. консистория сама составляла списки детей, достигших десятилетнего возраста, и по этим спискам вызывала их через духовные правления в семинарию.

В 1823 г. в Ставрополе (первоначально как приходское, со следующего года – уездное) и Екатеринодаре были открыты духовные училища, и к моменту образования самостоятельной Кавказской епархии (1843 г.) на всем Северном Кавказе было три духовных училища.

О Ставропольском духовном училище следует сказать несколько подробнее. В 1812 г. правление Московской духовной академии возбуждало вопрос об открытии духовного училища в Ставропольской губернии, так как на всем Северном Кавказе не было ни одного уездного духовного училища. Предполагалось открыть училище в Ставрополе или Георгиевске, бывших в ту пору важными пунктами Северного Кавказа.

1 октября 1823 года, как уже упоминалось выше, училище было открыто в доме, снятом специально для этой цели у вдовы священника Евдокии Тимофеевой. Обучение начали 113 детей. Первоначально было открыто лишь низшее отделение училища с двухгодичным сроком обучения, а в 1826 г. открылось и высшее отделение, также с двухгодичным курсом. В 1854 г. было ликвидировано разделение училища на уездное и приходское и образовано уездное духовное училище с тремя двухгодичными отделениями. В том же году при училище был открыт приготовительный класс, просуществовавший до 1869 г., в котором преподавались русский язык, церковнославянское чтение, Закон Божий, молитвы, арифметика, чистописание и пение.

В 1871 г. в связи с полным преобразованием училища на основах Устава 1867 г. вместо трех-, двухгодичных отделений учреждено было четыре класса с одногодичным курсом обучения в каждом. Открыт был и приготовительный класс. В училище преподавались чтение и письмо, краткая священная история и краткий катехизис, начальные действия

арифметики, церковное пение, русский и церковнославянский языки, греческий язык, Священное Писание Ветхого и Нового Завета. С 1854 г. введено было изъяснение воскресных и праздничных чтений из Евангелия и Апостола. С 1847 по 1850 г. в училище преподавались калмыцкий и татарский языки.

Но вернемся к ситуации начала XIX в. Образовательный уровень кавказского духовенства был крайне низок. Священники мало что могли преподавать своим пасомым, не говоря уже о том, что они совершенно не занимались миссионерской деятельностью в разноплеменном крае, куда во множестве стекались сектанты и раскольники разных толков. Для получения семинарского образования приходилось отправляться в Астрахань, Воронеж, Екатеринослав и даже Киев. Желающих было весьма мало. Положение складывалось крайне тяжелое.

Ставропольская духовная семинария

Чтобы не дать угаснуть православию на Кавказе, надо было заменить существовавшее духовенство более образованным. Из опыта прошлых лет было видно, что приглашение духовенства из других епархий не давало ожидаемого результата. Нужны были местные силы, которыми могла бы свободно располагать епархиальная власть и давать им надлежащее направление, а через них и всей церковной жизни Северного Кавказа.

Для того чтобы вызвать в духовенстве потребность к образованию, уничтожить в жизни его все препятствия к получению образования и создать из него способных и достойных служителей Слова Божия среди разнородного населения Северного Кавказа, нужно было открыть свою семинарию.

Преосвященный Иеремия с первых же дней вступления в управление епархией пришел к мысли, что без семинарии невозможно правильное осуществление всех задач церковно-епархиальной жизни, что, пока не будет в епархии своей семинарии, епархиальная власть не может считать себя полным хозяином своего дела и действовать вполне самостоятельно. Мысль эта сделалась господствующей в архипастырской деятельности Преосвященного Иереи, всецело заняла его внимание, не давала ему покоя и нравственного удовлетворения, пока не была осуществлена на деле.

1 января 1843 г. открыта была Кавказская епархия, 10 апреля, в Великую Субботу, прибыл Преосвященный в кафедральный город Ставрополь, а 17 декабря уже вошел с ходатайством в Святейший Правительствующий Синод об открытии в Ставрополе духовной семинарии¹²⁶.

В своих соображениях, высланных в Петербург 17 декабря 1843 г., Владыка наметил и ту задачу, какую, по его мысли, должна осуществить

¹²⁶ Материалы к истории Кавказской епархии // Кавказские епархиальные ведомости. 1880. С. 227.

в своей жизни будущая семинария. Задача эта сводилась главным образом к подготовке опытных и образованных проповедников Слова Божия не только среди православного населения края, среди сектантов и раскольников, бежавших сюда из центральных областей России, но и среди местного разноплеменного населения Кавказского края, обращение которого в православие считалось в то время делом неотложным и настоятельным.

Еще прежде подачи ходатайства в Святейший Синод, 12 декабря 1843 г. Преосвященный дал консистории предложение сделать надлежащее распоряжение о приобретении для будущей семинарии «пустопорожного места около кузниц бывшего городского кладбища как ближайшего к Архиерейскому дому и менее открытого для напора сильных ставропольских ветров»¹²⁷. 20 декабря того же года он уже просил главного начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Владимира Осиповича Гурко об отводе избранного им места под постройку семинарии.

Отправляя свое ходатайство в Петербург, Преосвященный Иеремия просил обер-прокурора Святейшего Синода графа Протасова о следующем¹²⁸:

1) открыть семинарию, если возможно, в сентябре 1844 г., дабы, как писал Владыка, избавить родителей детей, обучающихся в двух училищах Кавказской епархии – Ставропольском и Моздокском – и имеющих окончить курс в означенном году, от тяжелой необходимости отправлять их в отдаленную Астраханскую семинарию, с назначением к началу 1844/45 учебного года начальствующих и учащихся;

2) о разрешении ему приготовить для помещения семинарии один или два дома посредством найма их к 15 августа 1844 г., с присовокуплением, что таковые имеются им в виду;

¹²⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 557. Переписка о месте постройки семинарии и Архиерейского подворья 1846–1858 гг. Л. 6 об.

¹²⁸ Здесь и далее используется дело: ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 921. Об открытии Кавказской духовной семинарии.

3) о причислении проектируемой кавказской семинарии по окладам к числу второклассных семинарий, так как содержание ее в г. Ставрополе по дороговизне жизненных припасов, а главное – дров и воды, очень затруднительно;

4) об открытии при проектируемой семинарии кафедры черкесского языка для приготовления священников, которые в состоянии были бы вести беседы с черкесами и располагать их к христианству.

В заключение Преосвященный Иеремия выразил уверенность, что вновь открываемая Кавказская семинария на первый даже раз не будет малочисленной. К этой уверенности привели его следующие цифровые данные: в среднем отделении Астраханской семинарии состояло в 1843/44 учебном году не менее 20 воспитанников – детей кавказского духовенства, из которых может образоваться первый состав высшего отделения Кавказской семинарии; в низшем отделении – не менее 23 воспитанников, с переводом которых в среднее отделение может образоваться среднее отделение той же семинарии, и, наконец, в двух училищах Кавказской епархии обучались в высшем отделении в том же 1843/44 учебном году не менее 40 воспитанников, из которых может составиться низшее отделение семинарии. Сверх того являлась надежда на поступление в открываемую семинарию и тех выходцев из Кавказской епархии, которые обучались в разных классах Воронежской и Екатеринославской семинарий и в духовных училищах Донской епархии.

«В крайнем же случае, – писал Преосвященный Иеремия, – если почему-либо Святейший Синод не признает возможным открыть к началу 1844/45 учебного года Кавказскую семинарию в полном составе всех классов и тем оказать истинно великое благодеяние не токмо священно- и церковнослужителям Кавказской епархии устранением великих для них затруднений к образованию детей своих, но и всему краю усилением и дарованием новых способов к возвращению в недра матери Церкви разных отщепенцев (раскольников) и к распространению евангельского света среди разных народов Кавказа», то не найдет ли он возможным «учинить благо распоряжение» о постепенном откры-

тии семинарии, то есть открыть к началу будущего учебного года одно низшее отделение семинарии, с переводом в него учеников высшего отделения двух уездных духовных училищ – Ставропольского и Моздокского – и с назначением наставников в означенное отделение, а равно ректора с инспектором для управления духовно-училищной частью на Кавказе и для организации мер к дальнейшему развитию Кавказской семинарии»¹²⁹.

В этом ходатайстве Преосвященного ИереиИи намечены и задачи, осуществление которых возлагалось на вновь открываемую семинарию. Имелись в виду не одни общеобразовательные интересы в строго православном духе: особенности религиозной жизни русского населения в пределах Северного Кавказа, а равно и разноплеменность народов, населявших его, выдвигали на первый план миссионерские цели.

Требовались не только богословски образованные священники, способные к христианско-просветительской деятельности среди православных, раскольников и разных сектантов, но и знатоки местных наречий, религиозных верований, обычаев и других особенностей жизни горского населения Кавказского края. Семинария, по мысли епископа, должна была в связи с другими задачами осуществить и миссионерскую.

Преосвященный ИереиИи горячо и с любовью отнесся к делу, торопился с открытием семинарии, не хотел ждать и по складу своего характера не любил останавливаться перед препятствиями.

Но надеждам Преосвященного не скоро суждено было осуществиться. Прошел 1844 год, наступил 1845-й, а дело не двигалось вперед. Чтобы ускорить его, Преосвященный, скрываясь под именем неизвестного благотворителя, сделал из личных своих средств вклад в пользу будущей семинарии. В начале 1846 г. он сообщил обер-прокурору, что одним неизвестным благотворителем одновременно пожертвован в пользу будущей в Ставрополе семинарии капитал до десяти тысяч рублей на содержание с процентов с него семи стипендиатов – воспитан-

¹²⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 921. Об открытии Кавказской духовной семинарии. Л. 8.

ников из детей беднейшего духовенства Кавказской епархии с усвоением им фамилий – двум Антониева, двум Феодосьева, двум Димитриева и одному Смарагова. При этом Преосвященный выразил надежду, что граф Протасов не откажет в своем представительстве по вопросу о скорейшем открытии семинарии на Кавказе. В то же время Владыка Иеремия обратился и к содействию гражданских властей.

19 января 1845 г. начальник Кубанской области генерал-лейтенант Гурко писал обер-прокурору Святейшего Синода о настоятельной нужде учредить в Ставрополе духовную семинарию. «В 1843 году, – писал генерал Гурко графу Протасову, – открыта в Кавказской области и земле Войска Черноморского особая епархия с той целью, чтобы через улучшение духовенства и возвышения благолепия Церкви наиболее утвердить там православие и содействовать восстановлению оного между самими горцами, где вера христианская некогда существовала, но гаснет под владычеством магометанства. Для достижения столь благотворной цели необходимо учредить в Ставрополе семинарию. На ней должно лежать образование юношества и приготовление достойных пастырей и наставников, без которых Церковь обойтись не может. Преосвященный Кавказский и Черноморский вошел о сем в Св. Синод с представлением, но разрешения не получил. Благолепие Церкви требует также улучшения способов содержания Преосвященного, который, будучи главою епархии, лишен возможности содержать себя с приличным званию своему достоинством. Ничтожность средств его известна Вашему Сиятельству, и во внимание к затруднительному положению Преосвященного ему прибавлена в прошедшем году тысяча рублей серебром. Прибавка эта, однако, не может удовлетворять потребностей архиерейского сана, и нужды Кавказского епископа во многом до сих пор очевидны, хотя по смирению своему он ни на что не жалуется. Споспешествуя пользам Церкви, я покорнейше прошу Ваше Сиятельство об изъясненных нуждах доложить Святейшему Правительствующему Синоду на тот конец, не признает ли возможным ускорить разрешение совершенно необходимого открытия семинарии в Ставрополе, согласно пред-

ставлению епархиального начальства, а для улучшения положения епископа Кавказского увеличить ему отпуск суммы на содержание, если нельзя больше, то хотя еще на тысячу рублей серебром, по вниманию к дороговизне в Ставрополе на все жизненные потребности и потому, что там нет ни рыбных ловель, ни мельниц, которые могли быть отведены к Архиерейскому дому и приносить ему какой-либо доход; все способы его содержания только и могут заключаться в денежном отпуске от правительства»¹³⁰.

Но в то время когда дело об открытии семинарии подходило к благополучному разрешению, когда и гражданская власть явилась на помощь епархиальной, Преосвященного Иеремию неожиданно постигло сильное огорчение. В июле 1845 года были отчислены от Кавказской епархии все церкви линейного Казачьего войска (в количестве более 100). Их передали в ведение обер-священника отдельного Кавказского корпуса.

Семинария нужна была, по мысли Преосвященного, главным образом для подготовки образованного духовенства в станицы линейного Казачьего войска, среди которого процветал, между прочим, и раскол, процветали и другие, свойственные военному быту, грубые нравственные недостатки. К тому же с отделением от епархии церквей Казачьего линейного войска сократились более чем наполовину и денежные средства, в счет которых предполагалось открыть и содержать семинарию для удовлетворения духовных потребностей всего Северного Кавказа.

Надежды на открытие семинарии уменьшились, и Преосвященный Иеремия не так живо и уверенно стал относиться к делу, как прежде. В то же время ускорению открытия семинарии содействовали святитель Филарет, Митрополит Московский и Экзарх Грузии, впоследствии Митрополит Петербургский, Исидор. Последний обращался с просьбой о помощи в этом деле к Наместнику Кавказскому князю Михаилу Семеновичу Воронцову.

¹³⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 921. Об открытии Кавказской духовной семинарии. Л. 26.

В 1845 г. князь Воронцов посетил Ставрополь и встретился с Епископом Иеремией. Наместник поддержал намерение Кавказского архиерея открыть духовную семинарию, которую он называл духовным питомником, и обещал ему полное свое содействие. 8 декабря 1845 г. директор канцелярии Наместника Кавказского Сафонов обратился к Преосвященному Иеремии с просьбой поспешить сообщением ему своего мнения и соображений о возможности и средствах приведения в исполнение предложения об открытии в Ставрополе семинарии.

Преосвященный Иеремия отвечал 21 декабря того же года, что он затрудняется доставлением требуемых сведений, так как с отделением от его епархии всех церквей Казачьего линейного войска свечным доходам этих церквей дано иное назначение, а между тем в счет этих доходов предполагалось и открытие и содержание семинарии, что, хатайствуя об открытии семинарии, он имел в виду, главным образом, удовлетворение духовных потребностей Линейного войска, действительно нуждавшегося и нуждающегося в образованном духовенстве, тем более что число приходов увеличивалось и увеличивается не среди крестьянского населения Северного Кавказа, а среди военных поселений, постепенно возрастающих по мере военных успехов в разных пунктах, занятых горцами, и что, наконец, за малочисленностью церквей, оставшихся на его ответственности, он затрудняется не только в возможности открытия и содержания семинарии, но даже в возможности содержания уже существующих в Кавказской епархии низших духовных училищ – Ставропольского и Моздокского, особенно последнего, где контингент учащихся состоял по преимуществу из детей линейного Казачьего духовенства¹³¹.

Дав изложенный выше ответ Сафонову, Преосвященный в то же время счел нужным сообщить о нем, а равно и о том, что князь М.С. Воронцов признал необходимым по местным обстоятельствам учреждение в Ставрополе духовной семинарии, обер-прокурору Святейшего Синода для сведения.

¹³¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 921. Об открытии Кавказской духовной семинарии. Л. 153.

Пока шла эта переписка, последовало со стороны Святейшего Синода разрешение на учреждение при Ставропольском духовном училище казеннокоштного общежития для бедных детей духовенства Кавказской епархии. Это незначительное само по себе и не имевшее, по-видимому, никакого отношения к проектируемой семинарии событие подействовало тем не менее на Преосвященного Иеремию очень успокоительно. Он немедленно связал его с делом об открытии семинарии, прежняя уверенность в успехе начатого дела возвратилась к Преосвященному.

Получив через Сафонова скорбный отзыв Преосвященного, князь М.С. Воронцов немедленно обратился к обер-прокурору Святейшего Синода: «По точному смыслу Положения о Кавказском линейном казачьем войске, писал он графу Протасову, – и Наказа гражданского управления Донского войска церковные доходы сих войск должны быть употребляемы для доставления церквам достойных служителей, а духовенству – средств к приличному воспитанию детей. А как линейное Казачье войско составляет Кавказскую епархию и священники для церквей должны быть назначаемы (точнее, рукополагаемы по назначению обер-священника) от кавказского епархиального начальства, то и доходы церквей Казачьего линейного войска, и в особенности суммы свечные, должны быть употреблены на учреждение семинарии в Ставрополе и духовных училищ по разным местам области»¹³². На основании указанных соображений князь Воронцов просил содействия обер-прокурора Святейшего Синода к скорейшему учреждению в Ставрополе семинарии. Ходатайство гражданских властей и маститых архипастырей ускорило дело, и оно наконец увенчалось полным успехом.

22 февраля 1846 г., в тот день, когда владыка Иеремия, скрываясь под именем неизвестного благотворителя, сделал свою первую жертву на содержание первых воспитанников семинарии, граф Протасов отправил ему письмо следующего содержания:

¹³² ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 921. Об открытии Кавказской духовной семинарии. Л. 155–155 об.

«Обращаюсь к Вашему Преосвященству с покорнейшей просьбой войти, не отлагая времени, в надлежащие соображения о том, на каком положении признаете Вы нужным, судя по местным обстоятельствам, учредить предполагаемую семинарию в г. Ставрополе и, во-первых, определить, на какое число учеников она должна быть открыта, не опуская из вида и детей духовенства, служащего при церквях линейного Казачьего войска, для доставления им возможности воспитываться в заведении, ближайшем к их родине; во-вторых, приискать в Ставрополе готовое учебное здание для помещения семинарии со всеми ее принадлежностями, которое можно было бы купить или нанять, и сообщить точнейшие сведения как о цене найма или покупки, так и о сумме, которая потребна будет для приспособления здания к будущему его назначению; в-третьих, подвергнуть особому рассмотрению расписание учебных предметов, положенных вообще в семинарии, на тот конец, не представится ли нужным для вновь учрежденной семинарии сделать в оном какое-либо изменение, сообразно местным потребностям епархии, по множеству населяющих ее раскольников, также магометан и язычников, и не признано ли будет полезным в особенности отменить в ней преподавание некоторых языков из древних и новейших, как-то: греческого, еврейского и французского, и вместо того открыть кафедры языков, употребляемых соседственными иноверцами; в-четвертых, составить примерное расписание окладов на содержание воспитанников, на жалованье начальникам и наставникам, на содержание дома и прочие расходы, определяемые штатным положением для семинарий, сообразно с местными сведениями о ценах на жизненные потребности в г. Ставрополе, и затем, в-пятых, войти в сношение с начальством линейного Казачьего войска о том, в каком количестве, по мнению его, могла бы быть назначена сумма на устройство предполагаемой к открытию семинарии из церковных войсковых доходов. Подробные сведения по всем сим предметам, а равно и по другим, какие по местным соображениям признаете Вы необходимыми,

покорнейше прошу Вас сообщить мне в непродолжительном времени для дальнейших с моей стороны распоряжений»¹³³.

По получении этой благоприятнейшей бумаги, как назвал ее Владыка Иеремия, закипела работа по устройству семинарии. Начались переговоры с местными властями, учреждениями и домовладельцами, делались справки, соображения, проекты. Преосвященный Иеремия сам вступил в переговоры с домовладельцами, составил подробную и обстоятельную смету, точно определил оклады содержания служащих при семинарии лиц, сравнив их со служащими при местной областной гимназии, и воспитанников семинарии, назначив по 60 рублей в год на каждого; рассчитал сумму, необходимую по местным условиям края, для содержания дома и других учреждений будущей семинарии: библиотеки, больницы и правления. Оказалось, что на ежегодное содержание семинарии потребуется не менее 14864 рублей и на первоначальное обзаведение не менее 6902 рублей. От наказного атамана линейного Казачьего войска были затребованы сведения, какую сумму войско это может отчислять ежегодно на содержание семинарии для воспитания в ней детей казачьего духовенства. Затем приступили к найму домов под семинарию у статского советника Пышненко и у купца 1-й гильдии Гониловского¹³⁴.

Все работы по составлению ответа на письмо обер-прокурора Святейшего Синода закончены были в недельный срок: 7 марта 1846 г. был получен запрос, а ответ на него отправлен 14 марта. Ответы также были даны по пунктам:

а) По первому пункту. Семинария, по мнению Преосвященного, должна быть открыта не менее как на 300 воспитанников. В течение двух последних, 1844 и 1845, годов, – писал Преосвященный, – воз-

¹³³ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии.

¹³⁴ См. об этом: ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 921. Об открытии Кавказской духовной семинарии; ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии; а также: *Васильев А.И.* Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской, семинарии. Выпуск I. Ставрополь, 1897.

ники на Кавказе новые, довольно значительные поселения. Является надобность в открытии новых приходов как в Войске линейном, на реках Лабе и Сунже, так и в степных пространствах – по реке Буйволе, около Маныча и в других местах, сверх того предположено в будущем в 1847 г. поселить в области Кавказской еще не менее тридцати тысяч семейств по вызову из внутренних губерний. «Такое приумножение паствы Кавказския в большей или меньшей мере должно предполагать и следующие годы» и потому число 300 не может быть слишком значительным для новой семинарии.

б) По второму пункту. В Ставрополе, городе еще юном, нет ни одного дома, который вполне соответствовал бы по своим размерам потребностям и целям учебного заведения и который мог бы быть приобретен покупкою для семинарии, вследствие чего и местная гимназия, открытая еще в 1837 г., доселе помещается еще в двух наемных зданиях. Мною, – продолжает Преосвященный, – приисканы два дома: дом 1-й гильдии купца, городского головы Ивана Григорьевича Гониловского и дом статского советника Петра Корнилиевича Пышненко. Оба дома, насколько возможно, удобны и приличны для помещения духовно-учебного заведения: в них, во-первых, могут разместиться и начальствующие, и наставники, и классы, и казенные воспитанники, и больница; во-вторых, оба они расположены недалеко один от другого, стоят вблизи соборного храма и моего местопребывания и, наконец, в-третьих, оба домовладельца – люди благонадежные и почтенные. Пышненко отдает свой дом внаем на три года за 715 рублей серебром, а Гониловский на тот же срок за 1500 рублей в год. Оба они усердно просят уведомить их, насколько возможно, заблаговременно о решительном найме у них домов, дабы иметь возможность своевременно сделать необходимую по указанию ремонтную их. Первый сверх того обязался покрыть свои дома и флигель новым железом, последний – пристроит к дому каменную столовую для воспитанников. Плата, назначенная за наем указанных помещений, умеренна и не может считаться несоразмерною, в особенности по сравнению с платою, какая производится местною областною гимназиею за два дома меньшей вместимости.

в) По третьему пункту. В действующем в семинариях расписании учебных предметов нет надобности, по мнению Преосвященного Иереи, производить большие изменения в применении его к новой семинарии. «При открытии Кавказской семинарии следует иметь в виду и принимать близко к сердцу, – писал Владыка Иеремия, – не раскольников и сектантов, а иноверческие народы, в громадном количестве населяющие Северный Кавказ и нуждающиеся в просвещении христианским светом. К ним, а не к сектантам нужно прежде всего спешить на помощь. Число раскольников по отношению к общему числу послушных чад Кавказской церкви незначительно. В благословенном, малороссийского происхождения, Черноморском крае нет ни одного раскольника, в государственных селениях и городах Кавказской области менее двух тысяч душ. Раскол значителен только в среде Линейного войска. Но и в этой среде, при 130-тысячном населении, число раскольников не превышает 20500 душ обоего пола, как видно из официальных донесений наказного атамана к командиру кавказского корпуса. В числе этих двадцати тысяч обретаются и те несколько тысяч, которые совращены были в раскол уже по переселении их из России на Кавказ, по отсутствию надлежащего надзора за ухищренными действиями ревнителей раскола. Поэтому нет надобности вводить в круг учебных предметов в открываемой семинарии новых предметов с отменой преподавания одного из древних языков, тем более что, по мнению Преосвященного, достаточно одного изучения положенных по уставу богословских наук и церковной истории с археологией для успешной борьбы с сектантами и раскольниками. Недавно я сообщал Вашему Сиятельству, – писал далее Преосвященный, – что в городе Моздоке когда-то существовала и процветала осетинская школа и что в настоящее время имеется там два осетинских православных прихода, один трехштатный даже. «Приемля в соображение сии обстоятельства, а также в надеянии, что Господь Бог паки отверзет внутрь гор Кавказских с сей стороны (то есть из Ставрополя) ту спасительную дверь Благовестия Христова, которая за сорок лет тому назад из Моздока пространно и плодоносно была

туда отверста, я нахожу благопотребным учредить при Кавказской семинарии кафедры языков татарского, осетинского и калмыцкого и присоединить к ней осетинскую школу в ином, или том же виде, в каком она существовала в Моздоке. В Ставрополе пред лицом Архиепископа, заключил Преосвященный, детям осетинам далеко полезнее бы благовоспитываться, нежели в крепости Владикавказе, который отделен от своего епархиального грузинского преосвященного высотами и стремнинами Кавказа». Преосвященный Иеремия не настаивал при этом на совершенной отмене и новейших языков – французского и немецкого. Он желал бы оставить их в плане учебных предметов, но только необязательных для воспитанников, с предоставлением последним права изучать один из них по свободному избранию.

г) По четвертому пункту. «Применительно к числу казенных воспитанников училищного общежития Вашим, Сиятельнейший граф, ходатайством учрежденного в Ставрополе, и к предположенному общему числу учеников Кавказской семинарии (300), для бедных воспитанников и сирот я полагал бы, – предлагал Преосвященный, – назначить сто вакансий, в пределах какового числа и составлена смета. Примерное расписание годичных окладов: а) на жалованье начальникам и наставникам, б) на содержание ста воспитанников, с ассигнованием на каждого по 60 рублей в год, в) на содержание дома, г) библиотеки, больницы и прочего, а также приблизительное исчисление единовременной суммы, потребной на первоначальное обзаведение семинарии, прилагаются при сем особо».

д) И по пятому пункту, самому щекотливому, имевшему отношение к действиям наказного атамана Николаева. «Я не получил еще от генерал-лейтенанта Николаева, – пишет Преосвященный Иеремия, – ответа, но по получении не косня доставляю. И чуждость для него дела сего, собственно духовного и церковного, и то, что церкви станичные не имеют у себя никаких сумм, не позволяет надеяться на ответ, благоприятствующий ускорению открытия семинарии Кавказской.

Но, имея в виду безусловную и безотложную необходимость здесь рассадника духовного, а равно и то, что во все предшествовавшие годы,

до настоящего включительно, прибыльная свечная сумма всех приходов Казачьего линейного войска отправлялась епархиальным начальством в состав духовно-учебных капиталов в немалом количестве, от двух до трех тысяч серебром, наипаче же уповая на попечение начальства отеческое, я и вся паства моя осмеливаемся остаться в том убеждении, что каков бы ни был ожидаемый ответ Его Превосходительства, Кавказская духовная семинария Вашим, Сиятельному графу, ходатайством, с Божиею помощью и Его благословением вполне откроется с будущего учебного года, коим оканчиваются и начинаются курсы двух академий – Московской и Казанской»¹³⁵. На изложенном черновом отношении к обер-прокурору, собственноручно написанном, сделана в конце собственноручная же приписка Преосвященного: «Господи, благопоспеш! Аминь»¹³⁶.

Вскоре сведения от наказного атамана были получены, и Преосвященный Иеремия особым отношением сообщал обер-прокурору, что наказным атаманом назначено на содержание семинарии 1846 рублей в год из церковных войсковых сумм, в том числе и на содержание двух бедных воспитанников из семей казачьего духовенства. Присоединив к этому отношению другое, с просьбой об учреждении при Кавказской семинарии нескольких казеннокоштных вакансий для просвещенных Святым Крещением детей осетинских, калмыцких и черкесских, владыка на обороте черновых бумаг сделал надписи: «Отправлено: помощи, Боже!»¹³⁷.

Одновременно Епископ Иеремия обратился к Экзарху Грузии Митрополиту Исидору с просьбой сообщить ему свои соображения о возможной постановке учебной части в новой семинарии. 20 марта Владыка Исидор почтил Преосвященного Иеремию письмом следующего содержания:

¹³⁵ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии. Л. 24–28.

¹³⁶ Там же. Л. 28.

¹³⁷ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии. Л. 1 об.

«Вчера я послал Вашему Преосвященству с Александром Христиановичем Гессе весть о Ставропольской семинарии, а сегодня получил от Вас уведомление о том же. Кое-что, по моему мнению, нужное, хотя для Вас и не новое, я уже сказал в том письме. Теперь вижу, что по сему новому в Кавказской епархии делу действительно нужны и еще некоторые данные. На сей конец посылаю Вам: 1) копию правил о преобразовании учебного порядка в семинариях; 2) расписание учебных часов, во исполнение тех правил и 3) расписание жалованью начальникам и наставникам Тифлисской семинарии. Все это только для соображения. Некоторые местные обстоятельства наши не похожи на ваши. Пока занимайтесь составлением мнения по прочим статьям. По учебной, если что придет на мысль, сообщу Вам. Кажется, нужно положить в основание мнения исчисление народов, живущих в черте Кавказской епархии и соседственных со стороны Кавказа. Окажется, что у Вас есть калмыки, армяне, кумыки, кабардинцы, черкесы, ногайцы, грузины, осетины... Для калмыцкого языка класс нужен. Для армян не нужен, во-первых, потому, что они свой язык почти забыли и говорят у нас по-грузински и по-русски, а у Вас – по-русски и по-татарски, а во-вторых, потому, чтобы учреждением класса армянского языка не дать повода к толкам, противным государственной политике.

Целью изучения местных языков в семинарии являлась подготовка миссионеров для распространения христианства среди иноверцев; армяне же – христиане, хотя и другого исповедания. Для обращения их в православие требовались иные силы и знания.

Кумыки, кабардинцы, ногайцы, шапсуги, карачаевцы – все говорят татарским (главным образом, кумыки, ногайцы и карачаевцы как народности татарского происхождения, кабардинцы же и шапсуги как черкесские или адыгские народности владеют иным, отличным от татарского, языком) или турецко-татарским языком, следовательно, класс татарского языка необходимо нужен. Еще необходимо нужен класс медицины. По уважению разноплеменных горцев к медицине наши священники имели бы вход ко всем, если бы знали эту науку. Эта статья стоит особого внимания. Вам легко требовать этого клас-

са, потому что определением Святейшего Синода 1840 г. велено вводить в семинариях преподавание главных оснований медицины. Настаивайте на этом. Об осетинах можно сказать, что особого класса их языка не нужно (в этом пункте Преосвященный Иеремия разошелся с Экзархом), потому что для желающих учиться сему языку есть училище во Владикавказе и в соседстве с Вашею епархией их немного. Поелику Святейший Синод определением своим постановил дать ректорам всех семинарий помощников, то и в Ставропольской семинарии назначить помощника ректору с возложением на него преподавания, например, герменевтики, пастырского богословия и в обширнейшем виде археологии, с присовокуплением систематического изложения, разбора, опровержения мнений раскольников, живущих в Кавказской епархии, и правил, как духовные пастыри должны обращаться с ними.

Отменив языки греческий, еврейский, французский и немецкий, Вам удобно будет дать более часов на чтение творений Святых Отцов, исчисленных при учреждении Новоархангельской миссионерской семинарии (в отчете за 1844 г.), и на подробное преподавание правил для проповеди Слова Божия. Можно и, кажется, нужно включить мысль, чтобы дозволено было принять на казенный счет, по крайней мере, по пяти инородцев из природных калмыков и мусульманских племен, если найдутся желающие и сколько-нибудь знающие русский язык, дабы из них со временем образовать миссионеров. Образование сих десяти воспитанников под особым надзором ограничить обучением православной христианской религии и русскому языку, не присоединяя их до окончания курса к православной вере. Для калмыцкого языка избрать кого-либо из духовных калмыцких, не фанатика, знающего русский язык. Это не трудно, но всякий другой испортит дело. Из татар, даже из князей кабардинских, можно найти знающего русский язык учителя татарского языка. Его родственные связи и знакомства много значат. Посредственного учителя из природных надобно предпочесть русскому, знающему тот же язык. Не унижая инородцев и делая им возможное доверие, Вы будете иметь в них ревностных сотрудников

с тою выгодою, что к ним не могут иметь такого предубеждения, как к русскому»¹³⁸.

В вопросных пунктах, сообщенных консистории для сведения и соображений при освидетельствовании нанимаемых зданий, Преосвященный рекомендовал, в соответствие учебным и другим нуждам семинарии, обратить внимание на необходимость следующих помещений:

1) четырех классных комнат, трех для такого же количества отделений семинарии (в то время семинарии делились на три класса или отделения – низшее, среднее и высшее – с двухгодичным курсом в каждом), четвертой на случай, когда ученики разных классов должны собираться вместе для слушания и изучения некоторых предметов, как, например, местных языков, иконописания; 2) конференц-залы, или актовой; 3) залы для правления, с отделениями для канцелярии и архива; 4) залы для библиотеки; 5) столовой; 6) больничной; 7) спальных комнат на сто пансионеров; 8) помещений для 12 наставников или профессоров (ввиду ограниченности содержания служащих при семинарии лиц, Преосвященный предлагал дать им всем казенные квартиры); 9) помещения для ректора; 10) для инспектора; 11) кухни, кладовой, погреба. «Не можно ли, – спрашивал в заключение Преосвященный консисторию, – дело о найме домов для семинарии и дома для общежития училищного соединить, если одного для семинарии мало, а двух – много?»¹³⁹.

По отправке требуемых документов оставалось ждать разрешения императора на открытие семинарии. Ожидание это растянулось на четыре месяца; оно было для Преосвященного Иеремии томительным и даже скорбным. Чувство досады и горя, посетившее Владыку Иеремию в связи с отделением от епархии приходов линейного Казачьего войска, не оставляло его и в последующие годы жизни. Весьма откровенно выразил он свою печаль в ответном письме князю М.С. Ворон-

¹³⁸ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии. Л. 76–80.

¹³⁹ Там же. Л. 100–100 об.

цову, который поздравил епископа с награждением орденом Святого Равноапостольного князя Владимира:

«Не могу скрыть от себя и от Вашей Сиятельнейшей особы, что если я сколько-нибудь заслужил сие, то разве моей печалию о непорядочном, неблагоприятном для Православной нашей Церкви положении церковных дел в пастве кавказской. Эту печаль мою священнослужительскую никакое чествование не возьмет от моего сердца: ее понесу я и во гроб, пред судилище Христово»¹⁴⁰.

Преосвященный стал терять надежду на осуществление своего плана и свои тревожные мысли сообщил в письме от 26 июля 1846 г. начальнику области генерал-лейтенанту Завадовскому, прося его доложить об этом князю М.С. Воронцову. Но опасения были напрасны. 4 августа получено было подписанное императором Николаем I 20 июля 1846 г. разрешение на учреждение в Ставрополе духовной семинарии. Документом повелевалось:

1) Учредить в Кавказской епархии семинарию на основании училищного устава и других на сей предмет состоявшихся положений, открыв ее в г. Ставрополе с началом наступающего учебного года и на первый раз образовав одно низшее отделение ее, с назначением в состав оного учеников, удостоенных к переводу в семинарию из уездных училищ Моздокского и Ставропольского, а также и Астраханского, в коем до сего времени обучались воспитанники, принадлежащие по рождению Кавказской епархии;

2) вновь учреждаемой семинарии именоваться Кавказской и состоять в заведовании окружной Казанской духовной академии;

3) потребную на содержание семинарии сумму производить из духовно-учебных капиталов;

4) для помещения семинарии впредь до постройки нового здания нанять частные дома, с отнесением потребного на сие расхода на счет духовно-учебных капиталов;

¹⁴⁰ Там же. Л. 117.

5) на первоначальное обзаведение семинарии необходимыми принадлежностями отпустить из тех же капиталов 4387 рублей 45 копеек;

6) план учения в семинарии расположить таким образом, чтобы воспитанники, получая в оной образование на тех же главных началах, какие существуют в других семинариях, в то же время приобретали необходимые сведения, соответственные особенным потребностям епархии, и на сей конец ввести в означенной семинарии преподавание местных языков: осетинского, татарского и т.д.;

7) в число казеннокоштных учеников принимать способных благонадежных детей, просветившихся Святым Крещением, из осетин, черкесов и прочих инородцев, по усмотрению Епархиального Преосвященного, распространив меру сию и на низшие училища с тем, чтобы означенные дети по окончании семинарского курса поступали в священники, преимущественно в приходы, населенные их единоплеменниками.

Одновременно Святейший Синод поручал Владыке Иеремии:

1) Высочайше утвержденное положение об учреждении Кавказской семинарии в г. Ставрополе принять к неперемennomу исполнению;

2) для помещения семинарии нанять приисканные два дома в Ставрополе, принадлежащие статскому советнику Пышненко и почетному гражданину Гониловскому, платою за первый дом по семисот пятнадцати рублей, а за второй по тысяче пятисот рублей серебром в год из духовно-учебных капиталов и распорядиться заблаговременно приспособлением сих домов к потребностям семинарии;

3) приступить немедленно к надлежащим распоряжениям на счет обзаведения семинарии необходимыми вещами, за исключением книг, поручив сие дело особому комитету из благонадежных лиц училищного или епархиального ведомства и снабдив их надлежащими шнуровыми книгами для записки прихода и расхода денег с тем, чтобы по изготовлении ими всех вещей и по подлежащему оных освидетельствованию представлен был подробный отчет в издержанной сумме;

4) затем войти в соображение на счет постройки новых зданий для помещения семинарии на особо отведенном месте и о последующем представить установленным порядком с приложением планов;

5) согласно с предположением Вашего Преосвященства открыть во вновь учреждаемой семинарии кафедры для местных языков: осетинского, татарского и калмыцкого; преподавание же языков еврейского, немецкого и французского отложить впредь до усмотрения, а по истечении двух лет представить соображения свои о том, нужно ли будет ввести обучение сим языкам в семинарии;

6) предварительно открытия учения во вновь учреждаемой семинарии поручить семинарскому управлению, составить расписание часов для классных занятий на два первые года и представить оное на усмотрение Вашего Преосвященства. Что же касается до открытия среднего и высшего отделений семинарии, то предоставляются Вашему Преосвященству соображения по сему предмету представить заблаговременно пред окончанием двухгодичного курса, имея в виду открытие обоих отделений в одно время;

7) так как по местным соображениям Ваше Преосвященство признавали нужным в числе прочих предметов открыть в Кавказской семинарии класс иконописания, то для решения сего обстоятельства доставить предварительно сведение: имеется ли в виду на месте преподаватель для сего предмета и на каких условиях он мог бы быть определен;

8) по определении в Кавказскую семинарию ректора и инспектора (о чем вслед за сим получите, Ваше Преосвященство, особое уведомление) и по открытии за тем семинарского правления поручить ему немедленно вступить в полное управление низшими училищами Кавказской епархии на точном основании училищного устава и вследствие того войти в сношение с астраханским семинарским правлением о передаче дел, касающихся до тех училищ;

9) сиротскую сумму, выручаемую в Кавказской епархии от продажи венчиков и разрешительных молитв и поступавшую доселе в распоряжение Астраханского семинарского правления, обращать впредь

в Кавказское семинарское правление для употребления согласно с существующими правилами, на содержание бедных учеников в низших училищах¹⁴¹.

На бумаге, пришедшей из Санкт-Петербурга, Преосвященный Иеремия начертал: «Получено августа четвертого в день памяти святых семи отроков, иже во Ефесе, в Воскресение Господне, в 12 часов по полуночи, а начато дело 1843 года декабря 17 в день памяти святых трех отроков Анании, Азарии и Мисаила воздержников»¹⁴². В память об этом событии Епископ Иеремия пожертвовал в семинарскую библиотеку икону святого пророка Божия Илии. А 6 августа последовала резолюция Владыки:

1) О сем истинно радостном и благодатном для града нашего, для епархии нашей и для всего края событии благодарственное молебствие Господу Богу совершим в следующий день Воскресный с коленопреклонением;

2) оповестить о нем всех духовных в епархии с тем, чтобы дети их, удостоенные перевода из Ставропольского и Моздокского училищ в семинарию, к первым числам сентября прибыли не в Астрахань, а в епархиальный город Ставрополь, и чтобы повсеместно в епархии Кавказской совершено было благодарственное Господу Богу молебствие с коленопреклонением, в следующий по получении указа недельный день;

3) по недостатку служебных лиц для особого комитета, приготовительные к открытию Кавказской духовной семинарии действия возлагаем на консисторию, по тому же столу и в том же по времени порядке, в коих производились доселе дела по учебной части¹⁴³.

Сделав соответствующие распоряжения, Преосвященный Иеремия поспешил прежде всего поделиться радостью своей с Наместни-

¹⁴¹ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии. Л. 253–255 об.

¹⁴² Там же. Л. 253.

¹⁴³ Цит по: *Васильев А.И.* Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской, семинарии. Выпуск I. Ставрополь, 1897.

ком Кавказским князем Воронцовым. 9 августа он написал ему письмо с известием об открытии в Ставрополе семинарии и с выражением ему своей глубокой благодарности за живое участие в ее открытии. Наступал первый учебный год Кавказской (Ставропольской) духовной семинарии. Времени до сентября оставалось немного, но Владыка Иеремия не желал откладывать дела, а хотел открыть семинарию, если не 1 сентября, то не позже 1 октября. Чтобы открыть семинарию в сентябре, требовалось прежде всего собрать к 1 сентября в Ставрополь воспитанников Ставропольского и Моздокского духовных училищ, удостоенных перевода в семинарию. Осуществить это было непросто. В наше время, с налаженными коммуникациями, легко приводить в действие то или иное распоряжение Епархиального начальства. В то время только на переписку уходили месяцы. 9 августа были разосланы благочинным указы с извещением об открытии в Ставрополе семинарии и с предписанием дать знать духовенству об отправлении детей его не в Астрахань, а в Ставрополь. Многие родители с 15 августа уже отправляли чад своих в Астрахань. Немыслимо было надеяться, что благочинные получат указы ранее этого числа. Поэтому прибегли к помощи курьеров: многих воспитанников, отправившихся уже в Астрахань, возвращали с дороги назад. 2 сентября Преосвященный Иеремия просил Архиепископа Астраханского Евгения направить в Ставрополь всех студентов от Кавказской епархии. Распоряжением архиепископа Евгения в Ставрополь были отправлены все студенты из Кавказской епархии, в том числе и те, кто обучался в Астраханском духовном училище и из него перешел в Астраханскую семинарию.

Не лучше и не успешнее шли другие дела. Как ни торопился Преосвященный Иеремия, было очевидно, что семинарию в сентябре не открыть. Домовладельцы, с которыми были заключены контракты на наем их домов под помещение семинарии, могли приступить к необходимым работам не ранее 16 августа. Вторая половина августа и весь сентябрь ушли на эти работы и распоряжения по первоначальному обзаведению семинарии разными вещами и принадлежностями. Не сразу образовался и состав правления. Первым должностным лицом,

назначенным в семинарию 6 августа, был комиссар и письмоводитель диакон Василий Минервин, послушник Архиерейского дома; вторым – 13 августа – экононом семинарии, городской соборный священник о. Дмитрий Гремяченский.

1 сентября было получено определение Святейшего Синода о назначении ректором Кавказской духовной семинарии инспектора Казанской академии, профессора богословских наук, магистра богословия архимандрита Серафима (Аретинского – впоследствии архиепископа Воронежского), с поручением ему преподавания в низшем отделении семинарии катехизического учения, чтения Священного Писания и учения о богослужебных книгах. Архимандрит Серафим был современником открытия Казанской духовной академии, принимал живое и деятельное участие в устройстве ее внешней и внутренней жизни, был известен своей опытностью и знаниями в ведении учебного дела и административными способностями¹⁴⁴.

Инспектором семинарии был назначен наставник Тверской семинарии, профессор, магистр богословия иеромонах Герасим (впоследствии Архиепископ Астраханский) с поручением ему преподавания Всеобщей истории и греческого языка. Преподавателями других предметов назначены окончившие Казанскую духовную академию (первый выпуск) Иван Петрович Гвоздев (впоследствии профессор Казанской духовной академии), Арсений Ермилович Пиксанов (впоследствии мировой судья и председатель съезда мировых судей в Ставрополе), Григорий Дмитриевич Соколов (окончил свой жизненный путь в должности губернского прокурора в Варшаве): первый на класс риторики и поэзии, второй – на класс алгебры, геометрии и пасхалии, с поручением ему преподавать калмыцкий язык, а третий – на класс латинского языка с поручением преподавать татарский язык.

Вместе с этим Преосвященному Иеремии поручалось найти на месте способного человека для преподавания осетинского языка.

¹⁴⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 136. О службе ректора Кавказской духовной семинарии архимандрита Серафима. Л. 1–27.

По просьбе Владыки Иеремии Экзарх Грузии Высокопреосвященнейший Исидор рекомендовал на должность учителя осетинского языка воспитанника Тифлисской семинарии Варфоломея Туганова, осетина по национальности, способного вести дело обучения родному языку. К сожалению, выбор оказался не совсем удачным, но об этом позже.

21 сентября, в день памяти святителя Димитрия Ростовского, вступил в должность инспектор семинарии иеромонах Герасим. После Литургии в Крестовоздвиженской церкви он был приведен к присяге настоятелем Черноморской пустыни архимандритом Дионисием. Святитель Филарет, Митрополит Московский направил с иеромонахом Герасимом письмо Преосвященному Иеремии, в котором, в частности, писал: «Преосвященный Владыко, достопочтенный о Господе брат! Представляю во благоволение Ваше вручителя сего письма иеромонаха Герасима, посылаемого также в новоучреждаемое место, в Вашу семинарию. Он благочестивый муж. Идет к Вам с послушанием устроению провидения, но с чувством заботы о своем малолетнем сыне. Вы узнаете от него обстоятельства и благоволением и попечением Вашим устроите, что он будет творить свое дело не воздыхая»¹⁴⁵.

Правление Казанской духовной академии, назначив в Ставрополь архимандрита Серафима и преподавателей, предписывало правлению Кавказской духовной семинарии сообщить следующее: а) когда будет в действительности открыта семинария; б) какое будет сделано правлением семинарии, распределение учебных часов для преподавания наук, усвоенных низшему отделению семинарии; в) когда начнется учение; г) сколько и откуда именно поступит учеников; д) когда именно явятся и вступят в должность назначенные наставники.

К 1 октября 1846 г. все было готово, но за неприбытием к месту службы ректора архимандрита Серафима открытие семинарии в этот день не состоялось¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Кавказские епархиальные ведомости. 1880. С. 720.

¹⁴⁶ См. подробнее: Кавказские епархиальные ведомости. 1875. С. 341–342.

Не желая оставлять собранных учеников без всякого дела, Преосвященный Иеремия решил начать занятия со 2 октября. Преосвященный привлек к временному преподаванию смотрителя и инспектора Ставропольского духовного училища священников А. Быстролетова и П. Образцова и сам решил преподавать катехизис и Священное Писание. Было составлено расписание, на котором, сделав поправки, Владыка Иеремия начертал: «Смотрел. Бог в помощь»¹⁴⁷. 25 октября прибыли преподаватели Гвоздев и Соколов, а к 8 ноября – ректор архимандрит Серафим. Третий преподаватель – Пиксанов – явился в семинарию во второй половине декабря 1846 г. Сразу же по прибытии ректора Владыка обязал ректора и инспектора приготовить все необходимое к открытию семинарии 13 ноября. 11 ноября Преосвященный дал кафедральному протоиерею подробное расписание богослужений в день открытия семинарии.

12 ноября ректор и инспектор представили Владыке составленную ими программу открытия Правления Кавказской семинарии, на которой Владыка сделал приписку: «И открытия учения, уже предначатого 2 октября»¹⁴⁸. Таким образом, открытие Кавказской духовной семинарии состоялось 13 ноября, в день памяти святителя Иоанна Златоустого. В навечерие этого дня было совершено Всенощное бдение самим Преосвященным, несмотря на болезненное состояние, в Крестовой церкви. В самый день открытия семинарии перед Литургией, совершен был крестный ход из Спасской гостиннорядской церкви в Кафедральный троицкий собор. Литургия была совершена Преосвященным Иеремией в сослужении начальствующих семинарии и городского духовенства в теплом соборном приделе Святителя Николая, в присутствии учащихся и учащихся семинарии и Ставропольского духовного училища. Во время чтения Часов четверо из воспитанников семинарии были посвящены в стихарь. Перед окончанием Часов ректор

¹⁴⁷ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии. Л. 274.

¹⁴⁸ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 39. О расписании учебных часов на два первые года и о представлении изучения местных языков желающих, кому какой угодно. Л. 1.

семинарии и кафедральный протоиерей перенесли из соборного главного храма в придел Святителя Николая иконы Спасителя и Успения Божией Матери, уготованные для семинарии Филаретом, Митрополитом Киевским (икона Спасителя) и Преосвященным Иеремией (икона Успения), и поставили их на Престол. Во время совершения Литургии к ектеньям присоединяемы были специальные прошения с призыванием помощи Святого Духа Утешителя. По окончании Божественной Литургии совершен был крестный ход в главный дом, нанятый под семинарию. В крестном ходе предшествовали ученики, поступившие в семинарию, а за ними следовало все городское духовенство с иконами и хоругвями при звоне всех колоколов¹⁴⁹.

В семинарском доме, у присутственного стола Правления, совершено было Архипастырем Кавказским водоосвящение, с присовокуплением молитв о призывании Святого Духа пред началом всякого доброго дела. Обращаясь к собравшимся, епископ Иеремия выразил желание, чтобы воспитанники семинарии, будущие представители Кавказского духовенства, воплотили в своей жизни идеал духовной непорочности, строгого воздержания и проникнутого любовью самоотречения, глубокой преданности воле Божией и крепкой веры в святость своего дела.

Затем секретарь Правления Гвоздев прочитал акт об открытии Кавказской духовной семинарии и список 55 ее первых учеников. По прочтении акта члены семинарского Правления принимали присягу. После благодарственного молебствия состоялось первое заседание Правления семинарии в законном составе трех членов: председателя – ректора архимандрита Серафима, инспектора иеромонаха Герасима и эконома протоиерея Димитрия Гремяченского, при секретаре И.П. Гвоздеве.

На заседании Правления были заслушаны два вопроса: об открытии в день священнойшей памяти Святителя Иоанна Златоустого

¹⁴⁹ Васильев А.И. Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской, семинарии. Выпуск I. Ставрополь, 1897. С. 115.

Кавказской духовной семинарии и расписание занятий. На первом журнале Правления Кавказской духовной семинарии 13 ноября 1846 г. в тот же день последовала резолюция Преосвященного Иереи: «Смотрел и утверждаю. И паки призываю Божию благодать на дело семинарии»¹⁵⁰.

В план учебных занятий, разработанный на основе опыта Тифлисской духовной семинарии, включены были следующие дисциплины: Пасхалия, История Церкви, Библейская история, Литургика, Геометрия, Алгебра, Риторика, Поэзия, греческий, латинский и немецкий языки, факультативно местные языки (калмыцкий, татарский, осетинский). На низшем отделении, как впоследствии и на двух других (среднем и высшем), обучение составляло двухгодичный курс. Учебным планом предполагалось шесть учебных дней в неделю, по четыре урока в день.

Торжество открытия семинарии состоялось в присутствии начальника Кавказской области генерал-лейтенанта Завадовского, Ставропольского гражданского губернатора, Наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска. 15 ноября 1846 г. Епископ Иеремия сообщал обер-прокурору Святейшего Синода: «13 сего месяца, в день священных памяти святого Иоанна Златоустого, по предварительном извещении и приглашении местных начальствующих и почетных лиц и в присутствии их Кавказская духовная семинария с Божиим благословением открыта благополучно и правление семинарии вступило в отправление своих обязанностей. О чем впоследствии наирадостнейшаго для всея паствы кавказския отношения Вашего, Милостивый Государь, от 26 июля № 6646, имею счастье уведомить Ваше Сиятельство»¹⁵¹.

Дело об открытии семинарии в Ставрополе длилось почти три года. Канцелярское дело об открытии семинарии Преосвященный Иеремия собственноручно озаглавил так: «Дело об учреждении в богоспасаемом Ставрополе Кавказской духовной семинарии при помощи и благословении Бога и Спасителя нашего Господа Иисуса Христа,

¹⁵⁰ Там же. С. 117.

¹⁵¹ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии. Л. 299.

Ему же со Отцем и Святым Духом буди слава и поклонение ныне и присно, повсюду и на нашей земле, устрояемой и образуемой, носящуюся Духу Святому вверху воды – разных народов zde обитающих. Началось в 1843 году, декабря 17-го дня в день памяти св. триех отроков Анании, Азарии и Мисаила, им же, о если бы всегда подобны были питомцы ходатайствуемой семинарии Кавказской, с каковым молитвенным к Богу желанием и отправлено в Святейший Синод первое ходатайство о кавказском духовном питомнике. Окончится, когда Бог благоволит и Его Помазанник Николай»¹⁵².

Владыка Иеремия пожертвовал семинарии свою прекрасную библиотеку из двух тысяч томов с каталогом, составленным им собственноручно. Особенное внимание уделял Преосвященный Иеремия учреждению в семинарии казенных стипендий для духовного образования осетин, грузин, калмыком, абхазцев. Владыка считал даже возможным обучать в семинарии пленных горских детей, чтобы готовить, таким образом, миссионеров для проповеди христианства среди горских народов. За счет вдовы генерала Лещенко в семинарии воспитывался горец, взятый в плен ребенком и получивший фамилию Горыч. Нельзя, однако, обойти вниманием и негативные события, сопутствовавшие начальному периоду устройства семинарии, свидетельствующие о том, что, как бы ни были умелы и энергичны начальствующие и учащие, внешние обстоятельства могут вторгаться в их работу и оказывать значительное влияние на развитие событий.

Так, семинария не избежала в первые годы своего существования такого бича первой половины прошедшего столетия, как эпидемические заболевания. Особенно тяжелым в этом отношении был 1847 год, когда эпидемия оспы даже унесла жизни нескольких воспитанников¹⁵³.

Другое же событие, хотя и завершившееся смертью главного участника, имело иной характер. Весной 1847 г. Владыка Иеремия обратился к Правлению Тифлисской семинарии с просьбой о направле-

¹⁵² Там же. Титульный лист.

¹⁵³ Пятидесятилетие Ставропольской духовной семинарии. С. 37.

нии в Ставрополь выпускника, способного преподавать осетинский язык. Осенью того же года в Кавказскую семинарию прибыл учителем выпускник Тифлисской духовной семинарии осетин Варфоломей Туганов. По формуляру, представленному из Тифлиса, Туганов характеризовался весьма положительно, но не прошло и двух месяцев занятий, как полиция задержала его, найдя при обыске поддельные печати Кавказской семинарии и Главнокомандующего Закавказского края. Следствие тянулось до декабря 1850 г., когда 22-летний Варфоломей Туганов скончался в тюремном замке от чахотки. Конкретный приговор вынесен ему не был¹⁵⁴.

Но так или иначе все это время (1846–1851) занятия по осетинскому языку в Кавказской семинарии не проводились, хотя и были введены в учебный план. 4 июля 1847 г. в семинарии был открыт класс иконописания. В 1848 г. были открыты среднее и высшее отделения Кавказской духовной семинарии, и она стала полноценным духовным учебным заведением.

В этот же период произошло и еще одно значительное событие в жизни Кавказской семинарии, относящееся к учебной сфере. Было введено преподавание Догматического богословия по пособию Преосвященного Антония (Амфитеатрова), значительно улучшившее постановку преподавания по этому и родственным предметам¹⁵⁵.

¹⁵⁴ По этому делу см.: ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 51. Об открытии в Кавказской семинарии класса осетинского языка и об определении наставником одного воспитанника Тифлисской духовной семинарии Туганова; Д. 55. По отношению Грузино-Имеретинской синодальной конторы об истребовании с учителя семинарии Туганова под присягою некоторых вопросов; Д. 95. По предъявлению инспектором семинарии 31 января 1848 г. о том, что у учителя семинарии Варфоломея Туганова полиция нашла фальшивую печать на имя Главнокомандующего Закавказским краем.

¹⁵⁵ Преосвященный Антоний (в миру Яков Гаврилович Амфитеатров, 1815–1879). В сане архимандрита был ректором Киевской духовной академии, затем Епископом Смоленским и Архиепископом Казанским. В Казани энергично занимался устройством миссионерского дела, учредил братство св. Гурия для просвещения в христианском духе инородцев. Его труды: «Догматическое богословие» (Киев, 8-е изд., 1862); «Пастырское богословие» (ч. 1, Киев, 1851); «Беседы сельского священника к прихожанам» (4-е изд., 1854); «Собрания слов» (Киев, 1859, и Казань).

С начала 1850-х гг. можно говорить о том, что Ставропольская духовная семинария из поры младенческой, начальной, вступила в период становления.

С введением в действие устава духовно-учебных заведений 1867 г. в Кавказской семинарии стали обучаться и дети крестьян, чиновников, купцов, внося, таким образом, свет христианского просвещения и в жизнь русского населения епархии. В 1874 г. по ходатайству Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе открыто было при семинарии пять стипендий для детей-горцев. Согласно Уставу 1867 г. было отменено преподавание естественнонаучных дисциплин, основ сельского хозяйства и медицины. Вместо этого вводилось преподавание педагогики и создавалась обязательно-образцовая Воскресная школа. Воскресная школа Кавказской семинарии находилась при Андреевской церкви. Занятия в ней проходили ежедневно в послеобеденное время. По рекомендации проводившего в 1871 г. ревизию члена училищного совета статского советника С.В. Керского в школе началось преподавание начальных сведений из области арифметики, грамматики русского языка и других дисциплин. Преподавание велось учащимися пятых и шестых классов под наблюдением инспекции. Немаловажное значение Устава 1867 г. и в том, что он уменьшил болезненную для Кавказской семинарии текучесть кадров, переход ее преподавателей в другие ведомства стал исключением, а не правилом, как было до 1867 г.¹⁵⁶

Первоначально, с 1846 по 1860 г., семинария помещалась в нижней части города, в наемных зданиях, расположенных неподалеку от Троицкого собора. Помещения эти были наняты еще Владыкой Иеремией, который, понимая, что без надлежащих зданий открытие семинарии невозможно, обратился с просьбой к Пышненко и Гониловскому, которому писал 9 марта:

«Милостивый государь, с Божией помощью озабочен я ныне приисканием помещения для вновь учреждаемой в богоспасаемом Ставрополе Кавказской духовной семинарии. В таковой приятнейшей сердцу архипастырскому заботе обращаюсь к Вам с покорнейшею моею

¹⁵⁶ Белявский Ф. О реформе духовной школы. СПб., 1907. С. 105–115.

просьбою об уведомлении меня, может ли быть по трехгодичному найму предоставлен к помещению некоторой части семинарии дом Ваш, близ Троицкого собора? Если может, то на каких условиях?»¹⁵⁷.

Гониловский отвечал архипастырю: «Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Отец и Архипастырь, с сыновнею готовностью принимаю предложение Вашего Преосвященства об отдаче каменного моего дома, стоящего близ собора, под помещение духовной семинарии на трехлетний срок и, имея постоянное желание споспешествовать благим Вашим намерениям, уступаю избранный Вашим Преосвященством мой каменный дом под помещение семинарии за 1500 рублей серебром в год, хотя этот дом приносил и приносит мне ежегодного дохода более 3000 рублей серебром»¹⁵⁸.

На письмо же Гониловского последовала 14 марта резолюция: «Консистория примет по сему надлежащее распоряжение к освидетельствованию дома и к прочему, что надобно, а Ивану Григорьевичу благодарствую»¹⁵⁹.

Кафедральный собор был определен храмом для обязательного посещения семинаристов. Разбросанность и теснота нанимаемых зданий не могли благоприятно отражаться на ходе воспитательного дела. Часть учащихся, 35 человек, жили по квартирам, находившимся в разных концах города. Тем не менее в воспитанниках семинарии не было ничего резкого и грубого. Уже святитель Игнатий Брянчанинов (Преосвященный Кавказский в 1857–1862 гг.) высоко оценил первые видимые плоды деятельности семинарии.

В 1859 г. святитель подчеркивал, что священнослужители – выпускники Кавказской семинарии – стоят за редким исключением на высоте своего пастырского призвания. Здесь интересно упомянуть об обнаруженном в архиве «Деле по резолюции епископа Игнатия об определении наказаний, какие должны быть употребляемы в духовных

¹⁵⁷ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 935. О приискании здания для Кавказской духовной семинарии. Л. 76.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

заведениях Кавказской епархии»¹⁶⁰. Согласно распоряжению святителя в Кавказской семинарии допускались следующие наказания:

1) выговор без употребления бранных слов, ибо они унижают человеческое достоинство; 2) поставление в угол или к штрафному столу, просто или на коленях; 3) лишение обеда или ужина, оставление на хлебе и воде; 4) наказание розгами (за исключением воспитанников семинарии); 5) наказание арестом в темной комнате с полным лишением общения с товарищами с содержанием на хлебе и воде¹⁶¹.

Обращаясь далее к наставникам, святитель Игнатий предписывал: «... наказания заушениями, дранием за волосы и за уши извергнуть из духовных училищ. Наказание должно быть не жестоким, но полновластным, ибо в ту минуту, когда воспитатель собственноручно наказывает воспитанника, в эту жалкую минуту человек терпит нравственное унижение в лице воспитанника и в лице воспитателя. Но в лице воспитателя такое унижение несравненно глубже, нежели в лице воспитанника. Воспитатель таким действием лишает себя уважения воспитанников, их любви и доверенности. Высокий благородный характер воспитателя есть главнейшая узда и гроза для воспитанников»¹⁶².

«Благочестивый и благонамеренный воспитатель должен положить себе за правило не прибегать в час своего гнева ни к выговору, ни к наказанию. Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся и принадлежал к первейшим мудрецам. Наказание да будет плодом зрелого, беспристрастного суждения; только при таком условии оно благоприятно для детей и возвышает их симпатии к воспитателям. Приглашаю воспитателей кавказского духовного юношества, – говорит святитель, – на эту высоту, восходя на которую, (он будет) преисполнен духовного плода, но не чужд и значительного труда над собой»¹⁶³.

¹⁶⁰ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 928.

¹⁶¹ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 928. По резолюции епископа Игнатия об определении наказаний, какие должны быть употребляемы в духовных заведениях Кавказской епархии. Л. 3.

¹⁶² Там же. Л. 2 об.

¹⁶³ Там же. Л. 4.

Святитель Игнатий не мог остаться равнодушным к тому, что Духовная семинария, в составе которой было до 250 воспитанников, находилась в старом, тесном и неудобном арендуемом помещении возле Троицкого собора. В 1859 г. он при содействии своего брата, Ставропольского гражданского губернатора Петра Александровича Брянчанинова, снял в верхней части города, у Андреевской церкви, более приличный для семинарии дом, принадлежавший купцу Крутицкому (ныне в нем находится краевой радиотелецентр).

Здесь, постепенно расширяясь и заняв несколько домов, она и находилась с 1860 по 1883 г., пока не переехала в прекрасное и вместительное здание, выстроенное специально для семинарии. С перемещением семинарии на Воробьевку (так в то время назывался этот район города) бытовые условия учащихся заметно улучшились. Совсем рядом находилась Крестовая Андреевская церковь. В одном из приусадебных помещений дома Крутицкого размещалась семинарская библиотека. В самом здании, на верхнем этаже в центральном большом зале, был устроен семинарский храм в честь святителя Димитрия Ростовского. Согласно ведомостям 1868 г., в семинарии обучались 173 воспитанника (на низшем отделении – 48, на среднем – 53 и на высшем – 42).

Вопрос о строительстве специально для семинарии предназначенного здания был поднят еще в 1845 г., когда по ходатайству Преосвященного Иерея для строительства здания семинарии был выделен участок земли в нижней части города, что и было зафиксировано на Высочайше утвержденном плане города 1845 г.¹⁶⁴ С открытием семинарии в 1846 г. из Святейшего Синода пришло Определение, согласно которому Преосвященного просили изложить свои соображения по поводу постройки собственного здания для семинарии. Во исполнение этого определения Епископ Иеремия в сентябре 1849 г. учредил Строительный комитет под председательством ректора семинарии¹⁶⁵. Этот комитет в 1851 г., «для соображений и руководства при устрой-

¹⁶⁴ ГАСК. Ф. 1253. План губернского города Ставрополя.

¹⁶⁵ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии. Л. 37.

стве собственных зданий для семинарии»¹⁶⁶, испросил у Правления Харьковской духовной семинарии чертежи зданий, на основе которых был составлен проект будущего здания Кавказской семинарии. Оно должно было представлять собой трехэтажное каменное здание с двумя двухэтажными и двумя одноэтажными флигелями. Помещения главного корпуса были рассчитаны на 200 учащихся. В 1852 г. проект предполагаемого к строительству здания был отправлен в Святейший Синод. А на месте будущего строительства были произведены подробные изыскательские работы.

В октябре 1856 г. проект здания семинарии Святейшим Синодом был возвращен, причем Преосвященному Иоанникию было предложено подумать об уменьшении предполагаемых размеров здания. Члены Святейшего Синода интересовались и ориентировочными ценами на строительные материалы в Ставрополе. Выполняя это предписание, сменивший Епископа Иоанникия на Ставропольской кафедре святитель Игнатий Брянчанинов 28 февраля 1858 г. отправил в Святейший Синод Представление с приблизительными ценами на строительные материалы, с детально разработанным проектом здания и пояснительной запиской, в которой Преосвященный писал, что семинарское Правление, «ввиду того, что число духовенства значительно увеличилось и большая часть оно желает отдавать своих детей в семинарское общежитие, не считает возможным уменьшить размеры здания»¹⁶⁷.

7 декабря 1859 г. на собрании семинарского Правления было предложено семинарские здания устроить не около Варваринской церкви, а в верхней части города, на Воробьевке. Определением Святейшего Синода от 26 октября 1860 г. было разрешено устроить семинарию на новом месте. В январе 1861 г. святитель Игнатий просил Губернатора «сделать распоряжение об окончательном утверждении за семинарским Правлением места на Воробьевке»¹⁶⁸. В июле того же

¹⁶⁶ Там же. Л. 40.

¹⁶⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 557. Переписка о месте постройки семинарии и Архиерейского подворья 1846–1858 гг.

¹⁶⁸ Там же. Л. 84.

года Ставропольская строительная и дорожная комиссия выслала семинарскому Правлению «выкопировку из плана города с указанием места, назначенного для строительства семинарии на Александровской площади»¹⁶⁹. После этого дело о постройке собственного здания для семинарии не имело хода до 1868 г. из-за недостатка средств.

В декабре 1869 г. из Святейшего Синода пришло письмо с просьбой представить проект будущей семинарии. В 1870 г. были произведены изыскательские работы на новом месте предполагаемого строительства. Но выделенный участок оказался недостаточным для строительства предполагаемых корпусов. В связи с этим ректор семинарии архимандрит Исаакий в своей докладной записке от 30 ноября 1869 г. писал следующее: «Правление семинарии, изыскав средства для постройки зданий, приступило к обстоятельным соображениям по этому делу, но, к крайнему прискорбию, убедилось, что избранное Преосвященным Игнатием под постройку семинарии место на Александровской площади по недостаточности размеров не соответствует потребностям семинарии. Если построить на нем все проектированные здания, то останется только небольшое место для двора, а от устройства сада решительно нужно будет отказаться; между тем сад при учебном заведении в городе Ставрополе совершенно необходим для сохранения воспитанников от вредного влияния жары и духоты в летние месяцы. Приняв во внимание означенное неудобство, Правление пришло к убеждению в необходимости увеличить свое поместье и в этих видах просить о прирезке сажен 15-ти от городской Александровской площади. На прирезку эту оное Правление считает себя вправе рассчитывать потому, что Преосвященный Игнатий уступил городу в 1861 году прежнее Семинарское место 600 сажен в окрестности, находящееся около Варваринской церкви»¹⁷⁰.

Это прошение было подано на рассмотрение Наместнику. В административном журнале присутствия Ставропольского гражданского

¹⁶⁹ ГАСК. Ф. 103. Оп. 2. Д. 1238. Выкопировка из плана города Ставрополя.

¹⁷⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 557. Переписка о месте постройки семинарии и Архиерейского подворья 1846–1858 гг. Л. 112 об.

губернатора от 31 декабря 1869 г. стоит следующая запись: «Его Высочество, Наместник Кавказский, принимая во внимание, что изготовление нового плана и утверждение его может замедлиться и остановка в постройках с наступлением удобного времени может иметь невыгодные последствия для лиц, предпринимающих постройки, и задержать самое благоустройство города, изволил выразить согласие на допущение прирезки к местам и постройке с тем, чтобы новые постройки вполне согласовывались с проектированным планом»¹⁷¹.

В 1872 г. Правлением для участия в составлении проекта нового здания был приглашен известный художник, титулярный советник, Ф. Прозоровский. Через год проект был представлен на рассмотрение Техническому строительному комитету и Святейшему Синоду. В целом он получил одобрение, но Ф. Прозоровскому комиссия рекомендовала сделать некоторые доработки. Под руководством члена комитета профессора архитектуры, действительного статского советника З. Жидера Ф. Прозоровский переработал проект и вторично представил его на рассмотрение Техническому строительному комитету, который вновь отправил его на доработку. В окончательном виде проект был готов через два года.

29 декабря 1878 г. Указом Святейшего Синода Преосвященному Герману разрешено было построить здание для Кавказской семинарии по разработанному плану и смете. Необходимую для этой постройки сумму в размере 375120 рублей 18 копеек Святейший Синод повелел выделить из местных епархиальных средств. «Таким образом, – писали «Епархиальные ведомости» в 1879 г., – при нынешнем архипастыре Кавказском Германе осуществляется дело, переписка о котором началась еще при первом Кавказском Епископе Иеремии в 1845 году и тянулась с промежутками целых 33 года! Нет сомнения, что духовенство епархии с радостью примет эту весть, так как с постройкой для семинарии собственных зданий не только приобретаются значительные выгоды в учебно-воспитательном отношении, но и наметится немалое об-

¹⁷¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 557. Переписка о месте постройки семинарии и Архиерейского подворья 1846–1858 гг. Л. 136.

легчение для родителей в содержании детей, которое теперь обходится очень дорого, а тогда уменьшится почти вдвое с открытием общежития для всех учеников»¹⁷².

Планом предполагалось возвести главный корпус, больницу, баню с прачечной и сушильной, амбар с сараем, забор, тротуар и водосточную канаву. Предполагалось, что общежитие семинарии сможет вместить 185 учеников¹⁷³.

1 июля 1880 г. после Божественной Литургии в Андреевской церкви Преосвященным Германом была торжественно совершена закладка первого камня здания Кавказской духовной семинарии. И уже через три года постройка была завершена. В память об этом событии Епархиальный съезд духовенства 18 октября 1883 г. постановил ежегодно 13 ноября, в день открытия семинарии, совершать в семинарском храме заупокойную панихиду по устроителям здания и установить в семинарской церкви образ святого благоверного великого князя Александра Невского с неугасимой лампадой.

На первом этаже здания находились ректорские покои, трапезная, актовый зал. На втором этаже – классы, покои инспектора и хозяйственный склад. На третьем – класс церковного пения, спальни, рассчитанные на 125 учащихся, и комнаты нескольких наставников. Центральную часть здания занимал Семинарский храм.

В «Епархиальных ведомостях» появилось следующее объявление: «Правление семинарии по случаю приема новых семинарских зданий и перехода в них в первой половине сентября отсрочивает открытие учебных занятий до 15 сентября настоящего года, а вследствие сего извещает о том родителей и родственников учеников семинарии»¹⁷⁴. С переездом семинарии в новое здание значительно облегчился труд инспекции по наблюдению и надзору за воспитанниками. В новоустроенный храм были сделаны большие пожертвования, благодаря чему он

¹⁷² От Правления Кавказской духовной семинарии // Кавказские епархиальные ведомости. 1879. С. 528.

¹⁷³ Там же. С. 529.

¹⁷⁴ Кавказские епархиальные ведомости. 1883. № 16.

стал самым богатым среди домовых церквей города. В храме находилась частица честного гроба святителя Димитрия Ростовского. Освящение храма в честь святителя было совершено в 1885 г. Преосвященным Германом.

13 ноября 1896 г. в Ставрополе было торжественно отмечено 50-летие Ставропольской (Кавказской) духовной семинарии. К этому времени заботами Преосвященного Агафодора, Епископа (позднее Архиепископа) Ставропольского и Екатеринодарского, было пристроено общежитие для семинарии на 150 человек. Преподнося семинарии в день юбилея святую икону Казанской Божией Матери, Владыка Агафодор в приветственной речи говорил: «Господь наш Иисус Христос молитвами и заступлением Богоматери да охраняет семинарию и впредь, как хранил доньше! Да будет она и в наступающем периоде своей жизни тем же светочем для края и рассадником пастырей истинно добрых, истинно ревностных к православной вере и истинно преданных Царю и Отечеству»¹⁷⁵.

Замечательную речь о священническом призвании, о задачах и идеалах семинарского образования сказал ректор семинарии протоиерей Петр Смирнов. В частности, он говорил: «С точки зрения Слова Божия и на нем основывающейся духовной школы, подготовляющей священника, он готовится не состоять на службе или в должности, в гражданско-юридическом смысле этого выражения, а проходит священническое служение; и в самых уже словах этих нам чувствуется веяние некоторого высшего начала, видится нечто такое, что далеко превосходит всякую гражданственность и ответственность. В священнике освящен человек; освящен особенно, сугубо, всецело, исключительно; освящен как бы вторым крещением, заповедующим ему совлечься и того немногого, что позволительно обычному человеку, освященному первым крещением. Поэтому первая задача духовной школы – готовить человека к священствованию, к этому непрерывному служению везде: в своей сфере, вне этой сферы – к служению непрестанному,

¹⁷⁵ Ставропольские епархиальные ведомости. 1896. С. 1402–1405.

не слагаемому ни на минуту, истинно Серафимскому служению. В сознании воспитанников здесь должно жить единое высшее убеждение, покоряющее себе все другие – именно, что высочайшая тайна священства, к которой он готовится, сделает его жертвой Богу, которая должна быть целостна, непорочна, способна возвышаться над всем, что есть в человеке низменного и недостойного, и принести с собой к освящению только то, что достойно освящения. Есть еще одна особенность духовной школы – начало семейственности в воспитании – это единство сердца воспитывающих и воспитуемых. Забывать себя для других – вот мысль, какую воспитанник должен вынести отсюда. И если в душе его шевелится хоть тень зависти к чужому счастью, то он уже потерял право на имя священника, батюшки. Ибо как же благословит он счастливец, которому завидует? Как будет он держать Крест Христов теми руками, которые готовы взять себе довольство и благополучие духовного чада своего?! Он должен быть готовым ежеминутно поспешить с утешением к лютейшему врагу и разрушителю своего счастья, чтобы принести ему чашу любви, чашу всепрощения и примирения, чтобы облобызать его таким отеческим и братским лобзанием, какое только Ангел Хранитель может даровать человеку. Вот каков подвиг, каково поприще, к которому духовная школа должна приготовить своего воспитанника»¹⁷⁶.

На юбилейном акте выступил с докладом об истории семинарии ее выпускник магистр Казанской духовной академии А.И. Васильев. Работая над докладом три года, Александр Иванович собрал такой обширный материал, что его оказалось невозможным вместиť в одну книгу. Пришлось издавать его Историческую записку о Кавказской, ныне Ставропольской, семинарии частями. В 1897 г. вышла первая часть¹⁷⁷. В своем докладе на юбилейном акте А.И. Васильев особо отметил: «Ныне нет неграмотного, необразованного духовенства. Все места в епархии – священно-церковнослужительские –

¹⁷⁶ Пятидесятилетие Ставропольской духовной семинарии. С. 37.

¹⁷⁷ Васильев А.И. Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской, семинарии. Выпуск I. Ставрополь, 1897.

занимаются окончившими курс учения воспитанниками семинарии, в достаточной степени подготовленными не только к прохождению пастырского служения, но и к ведению школьного дела в церковно-приходских школах, по распространению в народе христианского образования и просвещения. И церковная кафедра, и народная школа находятся в ведении грамотного духовенства. Прекратилась наконец надобность в постоянном искании на стороне образованного духовенства. Основная мысль, какая имелась в виду первым Кавказским архипастырем при открытии семинарии, осуществилась на деле»¹⁷⁸.

За 50 лет существования семинария подготовила 850 служителей Церкви Христовой. В 1900 г. в Ставропольской семинарии в шести классах (причем первые три имели по два отделения) обучалось несколько сот студентов. Изучались следующие предметы: Священное Писание, Церковная история, Богословие, Гомилетика, Гражданская история, Русская словесность и История русской литературы, латинский, греческий языки, Обличительное богословие, История и обличение /русского/ раскола, Философия, Дидактика, Церковное пение, Иконописание, Музыка, Гимнастика.

В семинарии было десять преподавателей, инспектор, два помощника инспектора, эконо́м. С 1846 по 1917 г. в семинарии было 19 ректоров и 57 преподавателей. В первое двадцатипятилетие, когда по многим предметам не было учебников, все свободное время преподавателей уходило на составление конспектов. Некоторые преподаватели Ставропольской (Кавказской) семинарии известны своими литературными и учеными трудами. Наиболее известны труды инспектора семинарии священника Н.П. Малиновского «Православное догматическое богословие» (по этой книге и сегодня учатся семинаристы), «Практическое руководство для пастырей» и «Православная христианская Литурги́ка» Ф.Д. Хорошунова, «Опыт нравственного богословия» и «Введение в православное богословие»

¹⁷⁸ Ставропольские епархиальные ведомости. 1896. С. 1491.

И.Г. Пятницкого. Преподавал в семинарии в свое время и известный северокавказский краевед Г.Н. Прозрителев.

Множество статей преподавателей семинарии помещены в Ставропольских епархиальных ведомостях, которые начали издаваться с 1873 г. Преподаватели семинарии принимали участие в устройстве и организации таких епархиальных учреждений, как Ставропольское епархиальное женское училище, Епархиальная братская касса, Свято-Андреевское братство, церковно-приходские школы, даже в делах свечного епархиального завода.

В первые полвека существования Ставропольской духовной семинарии сложился особый ее строй, исключающий проявления нигилизма и распущенности. Конечно, не обходилось без угроз исключенных в адрес инспекции, однако немыслимы были в ее стенах случаи, излагаемые у Белявского.

Бурные события 1905–1907 гг. не обошли Ставропольскую семинарию стороной: по распоряжению властей занятия в ней были прерваны на несколько месяцев. Однако за поддержание порядка в семинарии поручился Высокопреосвященный Агафодор. И семинаристы не подвели своего архипастыря.

В 1911 г. скончался бывший ректором семинарии с 1904 г. протоиерей Константин Кутепов. Событие это, печальное и трогательное само по себе, отпечаталось в истории Ставропольской семинарии еще и потому, что за все годы ее существования, отец Константин был единственным ректором ее, скончавшимся в этой должности. В год смерти исполнилось тридцатилетие служения покойного на поприще духовного образования. И большая часть этого тридцатилетия была связана именно со Ставропольской семинарией. Много сил и стараний приложил протоиерей Константин Кутепов и к делу миссионерскому, поскольку еще со времен обучения в академии предметом его интереса было сектантство¹⁷⁹.

¹⁷⁹ См. подробнее: Памяти о ректора Ставропольской духовной семинарии протоиерея Константина Васильевича Кутепова (+ 8 сентября 1911 г.). Ставрополь, 1911.

Кавказские епархиальные ведомости

В главе, посвященной Епископу Герману, мы уже говорили о том, что к числу важнейших дел Преосвященного на Ставропольской кафедре относится начало издания Епархиальных ведомостей. Осуществляя это дело, так же, впрочем, как и открывая Свято-Андреевское братство, прилагая усилия к сооружению собственного здания духовной семинарии, епископ Герман выступал как продолжатель и исполнитель планов и намерений Преосвященного Феофилакта¹⁸⁰.

Так, первоначальная программа первого церковного периодического издания на Кавказе была разработана непосредственно Святителем Феофилактом в последний год его жизни. Приведем некоторые выдержки из этой программы: «Одна из главных целей издания Ведомостей состоит в пособии успехам пастырской деятельности кавказского духовенства, в возбуждении его энергии к делу религиозно-нравственного усовершенствования кавказской паствы, в содействии духовному просвещению народа; а для успешного достижения этой цели необходимо знакомство с различными условиями быта местного народонаселения, с местными нравами, обычаями и верованиями; тем более что Кавказская епархия, обнимая обширное пространство, заключает в своих пределах народонаселение разнохарактерное и разноплеменное: не мало особенностей и разностей встретим мы в самом православном народонаселении, так как оно составилось из различных элементов; немало существует в пределах епархии сект; немало живет в этих же пределах и инородцев нехристиан. Поле широкое, жатва многа»¹⁸¹.

Обращаясь к содержанию более чем сорока годовых подшивок Епархиальных ведомостей, издание которых затруднили военные события 1914–1916 гг., а окончательно похоронил революционный

¹⁸⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 30. Д. 1146. От редакции Кавказских епархиальных ведомостей. Л. 1.

¹⁸¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 30. Д. 274. Программа вопросов, по которым священники имеют собирать и представлять сведения в редакцию Епархиальных ведомостей. Л. 1–3.

1917 год, мы видим, что они вполне соответствуют предложенной программе.

Первоначально Епархиальные ведомости выходили два раза в месяц, а с 1900-х годов еженедельно. В течение года Ведомости печатались листами, однако с соблюдением сквозной пагинации, что позволяло по итогам года выпускать для желающих солидный том.

Каково же было содержание таких томов, которые можно было найти практически у каждого священнослужителя епархии?

Общая схема издания не отличалась от однотипных Епархиальных ведомостей, печать которых развернулась во всех епархиях Русской Православной Церкви с 1860-х гг. До этого периода церковная периодика существовала лишь в форме издания переводов святоотеческих творений, предпринимаемого духовными академиями. Такое положение связано с общим развитием журналистики и периодической печати в России.

Как и другие епархиальные издания, Кавказские (Ставропольские) епархиальные ведомости состояли из двух основных отделов: официального и неофициального. В официальном отделе публиковались все распоряжения гражданских властей, относящиеся к ведомству православного исповедания, а также распоряжения и определения Святейшего Правительствующего Синода. Таким образом, каждый приходской священник получал возможность оперативного знакомства со всеми изменениями в области церковных и государственных узаконений.

Неофициальный отдел был не менее важным, хотя и более разнородным. Прежде всего он давал блестящий материал по истории епархии и христианства на Кавказе, вводя в обиход редчайшие документы и уникальные свидетельства таких лиц, как Преосвященный Иеремия (Соловьев).

Следующий значительный блок материалов в Неофициальном отделе относился к миссионерской проблематике, причем и тут предлагались разнообразные материалы: от теоретических исследований

(например, об основах буддизма¹⁸²) до практических советов из миссионерской практики¹⁸³. Учитывая важность этой темы, с 1910 г. стало выходить приложение к Ведомостям – Миссионерское обозрение.

Помещались также статьи богословского характера (например, истолкование Плача святого пророка Божия Иеремии), но этот подраздел постепенно уменьшался с развитием общецерковной периодики, изданий духовных академий.

Таким образом, Епархиальные ведомости с момента учреждения своего выполняли огромную просветительскую работу, помогая сельскому духовенству (а именно оно составляло основу епархиального клира) поддерживать интеллектуальный и духовный уровень, снабжая материалами для проповеди и назидательных бесед, побуждая изучать историю Святого Православия, укорененность его на Кавказе.

¹⁸² Розов К. О буддизме // Кавказские епархиальные ведомости. 1879. С. 225 и след. до 395.

¹⁸³ Например: Удобство состоять в расколе как одна из причин отпадения от Православной Церкви // Кавказские епархиальные ведомости. 1885. С. 465 и след.

МОНАСТЫРИ И ПУСТЫНИ

Достоверно известно, что первый монастырь в Кавказской области был учрежден еще в 1736 г. в городе Кизляре одновременно с основанием города. В конце XVIII в. Святейшим Синодом решено было образовать в Моздоке мужской и женский монастыри с целью утверждения позиций православия в этом регионе России. Но по ряду обстоятельств это сделано не было. В 1794 г. указом Екатерины II на землях Войска Черноморского была основана Екатерино-Лебяжья Свято-Николаевская мужская пустынь. Из женских обителей, единственная в начале XIX в. на Северном Кавказе, лишь начинала свое существование Черноморско-Мариинская обитель. Разумеется, одного мужского и одного женского монастыря было явно недостаточно для приема всех желавших уединенной жизни.

Иоанно-Мариинский женский монастырь

Первый Кавказский архиерей, Епископ Иеремия, приняв на себя заботы по окормлению паствы вверенной ему Кавказской епархии, поставил себе целью решить эту проблему. Середина 1840-х гг. была очень нелегким временем для населения Северного Кавказа. Приносила горе во многие семьи все более разгоравшаяся Кавказская война. Но особенно тяжким испытанием для жителей края стала эпидемия холеры, волна которой, дойдя до Северного Кавказа, унесла многие жизни, осиротила многие семьи.

С этого времени Преосвященный Иеремия еще более искал возможность в самое ближайшее время устроить в Ставрополе надежный духовный приют для нуждающихся. В этом намерении его укрепила неожиданная встреча с Марфой Андреевной Фетисьевой, благочестивой женщиной, ставшей впоследствии первой настоятельницей Иоанно-Мариинской обители. В «Историческом описании Иоанно-Мариинского монастыря», изданного в Ставрополе в конце XIX в., так изображается эта встреча:

«Однажды Преосвященный Иеремия решил посетить дом почетного гражданина города Ставрополя К.П. Чернова; здесь произошло несчастье, и Владыка пожелал лично утешить и ободрить людей. В этом доме Владыка случайно увидел одетую в черное женщину, ясно и вразумительно читавшую Псалтирь. Из беседы с ней выяснилось, что в городе существует немало женщин, таких как она, несущих некоторые иноческие обеты: девства, поста и иные. По воскресеньям и праздникам они собираются вместе, поют, читают душевспасительные книги, принимают на себя попечение о больных; в будние же дни в свободное время занимаются рукоделием. В разговоре Марфа Андреевна подала Преосвященному мысль устроить в Ставрополе обитель-приют для женщин, потерявших на Кавказской войне своих кормильцев: отцов, мужей, сыновей. И когда Владыка Иеремия согласился содействовать этому начинанию, то на устройство будущей обители

Фетисьева пожертвовала все имевшиеся у нее деньги – 150 рублей ассигнациями»¹⁸⁴.

С этого момента главной заботой Архиерея стало отыскание в окрестностях Ставрополя удобного места для устройства женской обители. С этой целью Преосвященный объезжал предместья и лично осматривал каждый участок. Наконец после тщательных поисков выбор Владыки пал на участок, где располагался хутор Якова Скоморохова. Уединенный, но вместе с тем открытый вид местности, густая роща, обилие пресных родников – все это очень понравилось Епископу, и он решил приобрести это место для создания обители.

Теперь предстояла еще более трудная задача – уговорить Скоморохова продать свой хутор. На хуторе он жил постоянно, город посещал очень редко, да и то лишь с целью купить что-либо для своего хозяйства или же продать собранное на своем участке сено. Пришло время старости, и хозяйственная энергия Скоморохова стала ослабевать. Он уже был готов уступить свой хутор, но только ждал случая, когда Бог пошлет ему покупателя. Тогда-то удивительным образом и произошла встреча Епископа Иеремии и мещанина Скоморохова.

В один базарный день для Архиерейского дома было куплено несколько возов сена; в числе хозяев, продавших его, был и Скоморохов, который присутствовал на Архиерейском дворе при скидке своего сена. В это время Преосвященный занимался административными делами и поручил одному из иеродиаконов пригласить к нему с хутора для беседы Якова Скоморохова. К величайшему удивлению Владыки, Скоморохов, скидывавший во дворе сено, предстал перед ним всего через несколько минут. Еще более удивило Преосвященного Иеремию то, что в совместной беседе Скоморохов изъявил твердое желание безвозмездно пожертвовать свои угодья под строительство будущего монастыря. Тут же по его желанию была составлена дарственная и

¹⁸⁴ Воскресенский П., священник. Историческое описание Иоанно-Мариинского женского монастыря. Ставрополь, 1898. С. 9–10. Это свидетельство ценно тем, что позаимствовано из живого предания современников и очевидцев описываемых событий.

оформлена с соблюдением всех законных формальностей. Событие это произошло 21 февраля 1848 г.

Угодье Скоморохова имело площадь в 2 десятины и 1063 квадратные сажени¹⁸⁵, – для первоначального устройства обители этого было вполне достаточно. Но вследствие предполагаемого ее расширения необходимо было позаботиться о приобретении и соседних участков, которые, кстати, принадлежали родственницам Якова Скоморохова, мещанкам Ирине и Дарии Скомороховым. Соседство с этими поместьями представляло много неудобств для общины, но Владыка предоставил решение этого дела дальнейшему времени.

Преосвященным Иеремией были отданы распоряжения об осмотре, расчистке местности и подготовке ее под строительство первых зданий обители. Далее Преосвященный сосредоточил свое внимание на постройке храма и одной-двух келий, необходимых для начального размещения там служащих при храме и нескольких беспомощных старцев. Вскоре для строительства были назначены подрядчик купец Леденев, в обязанности которого входило снабжение строительства всем необходимым, а также опытный в строительном деле купец Маслов¹⁸⁶. 23 мая 1848 г. по распоряжению Владыки было совершено торжественное освящение места закладки будущего храма. Его совершил ректор семинарии архимандрит Герасим вместе с почетным городским духовенством при многочисленном стечении народа.

В основание храма была положена металлическая плита со следующей надписью: «Господи Боже Вседержителю, Сам благослови и освяти место сие, силою и действием Честного и Животворящего Креста, во отгнание демонов и всякого супротивного. Сохраняй и благодатию Твоею покрывай и место сие, и храм сей святой, и zde живущих, молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, святого славного пророка Предтечи и Крестителя Христова. Основася в лето 1848-е месяца мая 25 дня, на память третьего обретения честной

¹⁸⁵ Там же. С. 16. См. также ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1179. Распоряжения Ставропольского губернатора. Л. 1–20.

¹⁸⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 210. Об уступке земли для учреждения монастыря.

главы святого Иоанна Предтечи о спасении рабов Божиих Иакова и Февронии, дарствующих Господу место сие на вечную и молитвенную память о родителях их. Господи, приими жертву сию и благослови жителство сие щедротами твоими. Аминь»¹⁸⁷.

Сначала здание предполагалось выстроить в два этажа: нижний предназначался собственно для храма, а верхний – для трапезы. Но, как только началась постройка нижнего этажа, Преосвященный Иеремия переменил план строительства и распорядился вместо трапезной устроить на верхнем этаже теплую церковь в честь святой Марии Магдалины. «Имея в виду, – писал Преосвященный Иеремия в своем докладе Святейшему Синоду, – возраст тех, которые, еще Богу угодно, будут молиться в сем храме в бурное на Кавказе зимнее и осеннее время, я озабочился устроить в трапезе на втором этаже теплую святых равноапостольных Марии Магдалины придельную церковь, по желанию доставить престарелым и детям больше удобства совершать свои молитвы, в коих да воспомянутся купно с именем моего недостойнства и имена рабов Божиих Иоанна и Марии»¹⁸⁸. Это были имена родителей Преосвященного Иеремии.

При энергичном содействии Владыки постройка обители шла очень быстро. Одновременно с постройкой храма были выстроены келья для настоятельницы и каменный корпус для престарелых вдов. Делу строительства обители помогали многочисленные жертвователи из среды мирян и духовенства. Сам Преосвященный Иеремия был одним из них. Так, им были проданы в Кафедральный собор две Архиерейские панагии по 500 рублей каждая, и деньги эти он отдал в пользу обители. Несколько раз он даже отказывался от жалованья в пользу монастыря.

Основание в Ставрополе монашеской женской общины вызвало среди горожан большой интерес и желание содействовать этому делу. В январе 1849 г. мещанка Ефросиния Бычкова пожертвовала в поль-

¹⁸⁷ Воскресенский П., священник. Историческое описание Иоанно-Мариинского женского монастыря в г. Ставрополе. Ставрополь, 1898. С. 17.

¹⁸⁸ Розов И. Исторический очерк Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря. СПб., 1875. С. 5.

зу общины свое имение. В ее прошении, написанном по этому поводу, говорилось: «Осведомилась я, что Ваше Преосвященство пастырски заботитесь о присоединении к месту Дома Вашего, предназначенного под монастырь, соседних с ним мест, в том числе и моего, для удобнейшего устройства обители. Желая оказать хотя малую услугу в сем возжеленном для моего сердца Христианском деле /.../, я охотно готова уступить для будущего монастыря принадлежащее мне место с постройками /.../»¹⁸⁹. В июле этого же года Дарья и Ирина Скомороховы, хотя и за плату, но со значительной уступкой передали свои поместья женской обители. С приобретением соседних земель участок, занимаемый обителью, значительно расширился: площадь его была уже более семи десятин. Позже, благодаря ходатайству Владыки Иеремии, Ставропольская городская Дума отвела для обители еще 5000 квадратных сажень земли¹⁹⁰.

Между тем работы по постройке главных зданий обители подходили к концу. 17 июля 1849 г. архимандритом Герасимом в сослужении многочисленного духовенства было совершено торжественное освящение храма в честь святого Иоанна Предтечи. Тогда же в обитель был назначен и первый священник – о. Ф. Флегинский. К концу того же года было закончено и строительство монастырской ограды.

Первоначально Иоанно-Мариинская обитель задумывалась как приют для беспомощных вдов и сирот, преимущественно духовного звания. Однако воспитание и образование детей требовало присутствия в общине лиц более или менее образованных. Также вдовам и сиротам трудно было обойтись без помощи более крепких рук. По этим и другим причинам в общину решено было принимать и представительниц других сословий. Вследствие этого и самое название «приюта» постепенно заменилось более точным наименованием «женской

¹⁸⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 6. Д. 294. О пожертвовании чиновником Евдокимовым в пользу Троицкого собора в деньгах и прочем. Л. 3.

¹⁹⁰ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8182. Опись имуществу Иоанно-Мариинского женского монастыря. Л. 1 об.

Иоанно-Мариинской иноческой общины», которая с 1850 г. в официальных бумагах стала называться «обителью»¹⁹¹.

Как только Иоанно-Мариинский монастырь получил надлежащий вид, в него устремилось немало желавших душевного покоя. В короткое время здесь собрались более 20 насельниц, своими трудами и посильными приношениями желавших послужить благоустройству обители. Для руководства внешней и внутренней жизнью общины потребовалась опытная наставница. Ею Преосвященным Иеремией была по праву назначена Марфа Фетисьева, с самого начала принимавшая деятельное участие в создании и обустройстве монастыря.

В конце 1850 г. Преосвященный Иеремия, находившийся тогда на Полтавской кафедре, выслал 200 рублей (сумма по тем временам немалая) на обустройство обители. Поскольку на тот момент Епископ Иоанникий еще не прибыл в Ставрополь, Владыка Иеремия переслал свой дар в адрес гражданского губернатора.

Преосвященный Иоанникий, прибыв на кафедру в январе 1851 г. и ознакомившись с нуждами епархии, счел нужным назначить в обитель игуменью. Для этого он обратился к Епископу Полтавскому Нафанаилу с просьбой отыскать в подведомственных ему монастырях достойную монахиню на эту должность. Преосвященный Нафанаил, в свою очередь, обратился к настоятельнице Ладинского женского монастыря игуменьи Марии. Она вела строго-монашеский образ жизни и была известна своей прозорливостью. Получив письмо от Епископа, она решила послать на Кавказ свою воспитанницу – монахиню Серафиму, а с ней одну из сестер, опытную в монашеской жизни, по имени Нафанаила. Вместе с ними в Ставрополь отправились еще 11 инокинь, сведущих в рукоделиях.

Прибыв в Ставрополь 30 июля 1852 г., Серафима по распоряжению Владыки Иоанникия была поставлена настоятельницей обители. К этому времени здесь было уже более пятидесяти насельниц. Новая настоятельница первым делом позаботилась об улучшении внутренней

¹⁹¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 775. Протоколы Кавказской духовной консистории за 1850 год. Л. 47.

жизни монастыря. По примеру других благоустроенных обителей она установила неизменный одинаковый порядок предстояния сестер во время богослужений. Также ею было упорядочено распределение послушаний. Одни инокини занимались рукоделием, другие учились грамоте, изучали ноты и церковное пение, третьи читали и пели в храме, неся клиросное послушание. Кроме суточного круга служб и личных правил Серафима установила для сестер общее иноческое правило, состоявшее в чтении положенных акафистов, а также помянника за живых и усопших.

Настоятельницей было уделено большое внимание и внешнему благоустройству обители, где уже в середине 1850-х гг. стал ощущаться недостаток в келейных помещениях; тесно становилось и в храме. К тому же количество желавших поступить в обитель не только не уменьшалось, но все более увеличивалось. Настоятельница Серафима стала подыскивать средства, необходимые для расширения обители. На доходы от трудов насельниц, на добровольные пожертвования к концу 1856 г. под личным ее наблюдением были выстроены шесть новых жилых корпусов для инокинь. За оградой монастыря, с западной стороны, был выстроен дом для диакона и куплен новый дом для священника. К 1857 г. в общине насчитывалось 2 монахини и 130 послушниц¹⁹².

Еще в 1850 г. Ставропольский губернатор Волоцкий решил устроить в Ставрополе общину сестер милосердия для ухода за ранеными и больными воинами в госпиталях. Для общины сестер милосердия был выстроен двухэтажный каменный дом. Но к окончанию его постройки военные действия прекратились и в Крыму, и в Закавказье, а вместе с тем миновала и потребность в здании. Тогда по распоряжению Губернатора этот корпус был безвозмездно передан Иоанно-Мариинской обители вместе с 10 десятинами земли¹⁹³.

¹⁹² ГАСК. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 13. План Иоанно-Мариинского монастыря (наряду с планом документ содержит и подробный рассказ об истории обители).

¹⁹³ Воскресенский П., священник. Историческое описание Иоанно-Мариинского женского монастыря в г. Ставрополе. Ставрополь, 1898. С. 36–37.

Здесь, по благословению настоятельницы была устроена школа, в которой преподавали сами монахини. Она просуществовала до момента учреждения при обители одноклассной церковно-приходской школы.

Насущной необходимостью было также и устройство отдельного помещения для больницы.

Благодаря непрерывным трудам настоятельницы в самое короткое время монашеская жизнь в обители была полностью налажена. Отмечая это, Преосвященный Иоанникий ходатайствовал перед Святейшим Синодом о возведении Иоанно-Мариинской обители в степень второклассного монастыря.

Ходатайство Епископа было принято во внимание, однако исполнение его было отложено на довольно продолжительное время. Промедление в решении этого вопроса побудило настоятельницу предпринять путешествие в Санкт-Петербург. Получив благословение Преосвященного, в 1855 г. она отправилась в столицу. Здесь благодаря личному ходатайству перед обер-прокурором Святейшего Синода и помощи в этом деле таких лиц, как Великая княгиня Елена Павловна, ей удалось ускорить решение этого вопроса. 20 мая 1859 г. последовал указ Святейшего Синода.

6 сентября того же года настоятельница Серафима была возведена в сан игуменьи и вступила в управление монастырем.

По отчету о состоянии епархии за 1860 год, в Иоанно-Мариинском монастыре состояло, кроме игуменьи, 16 монахинь и 130 послушниц¹⁹⁴.

Помимо различных забот о благоустройстве обители игуменья Серафима обратила особое внимание на постройку нового храма, в котором к началу 1860-х гг. стала ощущаться большая необходимость. Сбор пожертвований на это строительство начался в конце 1850-х гг. и проходил даже в самых отдаленных уголках России. Таким образом, к 1860 г. была собрана довольно значительная сумма, и уже 30 апреля 1861 г. по благословению Преосвященного Игнатия была совершена

¹⁹⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 18. Д. 698. Годовой отчет Преосвященного Игнатия за 1860 год. Раздел «Монастыри».

закладка нового монастырского храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

Освящение совершил иеромонах Архиерейского дома Феофан в сослужении городского духовенства. Новый храм строился невдалеке от прежнего, на северной стороне обители, западной стороной прилегая в настоятельскому корпусу. Через два года строительство было окончено. В храме был устроен благолепный иконостас, имелась необходимая церковная утварь. Епархиальное начальство, принимая во внимание большие труды, положенные игуменьей Серафимой на строительство Покровского храма, наградило ее в 1862 г. золотым наперсным крестом.

Все было готово к освящению храма и началу в нем регулярных богослужений, однако игуменью и вместе с ней весь монастырь ожидала большая неприятность. Дело в том, что фундаментом сооружению служила огромная природная каменная плита. Архитектор П.Г. Воскресенский не счел нужным произвести основательное изучение места строительства и возвести дополнительный фундамент. В итоге каменная плита, омываемая подземными ключами, с возведением храма потеряла свою естественную устойчивость и стены здания дали большие и опасные трещины. К счастью, это оказалось возможным поправить, и 10 октября 1863 г. Преосвященным Феофилактом храм все же был освящен.

Для здания была характерна простота наружных форм. Храм был спроектирован и построен в форме правильного креста с одним центральным куполом и вмещал в себя более полутора тысяч верующих¹⁹⁵.

По окончании постройки Покровского храма по благословению игуменьи были начаты работы по возведению колокольни и новой ограды вокруг монастыря. Положение обители на высоком плоскогорье, вблизи большого тракта, где пересекались все окольные пути в город, делало построение колокольни почти необходимым.

¹⁹⁵ См. Воскресенский П., священник. Историческое описание Иоанно-Мариинского женского монастыря в г. Ставрополе. Ставрополь, 1898. С. 35–36.

Во время сильных бурь, очень часто бушующих в этой местности, а также туманов и зимних метелей, застилающих неожиданно в 15 минут все пути, колокольня обители могла служить на большое пространство верным указателем направлений к городу для проезжающих путников.

Ее строительство было окончено 27 августа 1867 г. Колокольня была построена в три яруса. На двух верхних ярусах располагались колокола, а внизу находились арочные въездные ворота и две калитки. Работы производились под наблюдением архитектора Павла Григорьевича Воскресенского, который был руководителем строительных работ в монастыре на протяжении многих лет. При непосредственном его участии в монастыре были построены еще пять жилых корпусов для насельниц, здания монастырской больницы, два гостиничных корпуса, а также многочисленные хозяйственные постройки: воскобойный завод, две маслобойни, водяная мельница и другие. С назначением в обитель еще одного священника для него был выстроен дом со всеми необходимыми службами.

Сестрам обители приходилось преодолевать затруднения и другого рода.

До 1860 г. в монастыре не было даже ни одной монахини, приписанной к нему официально. До возведения обители в степень второклассного монастыря сестры жили в ней по билетам или по увольнительным свидетельствам из тех ведомств, к которым они были приписаны, но не имели монашеских свидетельств.

Такое положение дел противоречило принципам монастырской жизни. По ходатайству игуменьи перед Преосвященным Игнатием в феврале 1860 г. первые 25 сестер из числа значившихся в списках обители были и формально причислены к штату Иоанно-Мариинского монастыря.

По списку 1873 г. в монастыре были 22 мантийные монахини (помимо игуменьи, казначеи и одной схимонахини), рясофорных инокинь – 46 и послушниц – 38. Много также было сестер, которые хотя и считались причисленными к обители, но по некоторым обстоятельствам не находились в ее формулярных списках. По подсчетам самой игуменьи, таких сестер в 1874 г. было 226.

В то время для принятия монашества одного родительского благословения и прошения о постриге было недостаточно. Для не принадлежащих к Духовному Ведомству требовалось свидетельство об увольнении из своего ведомства, которое обычно выглядело следующим образом: «Дано сие портового города Ейска мещанской дочери Варваре Матвеевой Губиной в том, что по десятой народной переписи ей от роду 30 лет, девица, под судом и следствием, равным образом в долгах и обязательствах не состоит, имени у нее никакого нет, на поступление ее в монашество препятствий как со стороны Городского общества, так и равно и моей (исполняющего обязанности начальника Кубанской области) нет. В чем подписом моим и приложением казенной печати удостоверяю»¹⁹⁶.

Устраивая судьбу монахинь, игуменья Серафима прилагала особые старания к развитию их самостоятельного личного труда. Поэтому с самого основания обители келейный труд составлял главную необходимость ее жизни; поступая в монастырь, все сестры заботились научиться чему-либо, чтобы зарабатывать себе на пропитание. В общинном труде заключалась главная опора успешного существования обители. Игуменья не только установила особый порядок простых послушаний, но и, заботясь расширением в обители белошвейничества – работы шелком, синелью, серебром, золотом. Для этой цели игуменья выписала в обитель из Москвы опытную во всякого рода швейных делах монахиню Феофанию.

В обитель стали поступать заказы на различные шитые золотом церковные принадлежности. В непродолжительное время сестры обители уже снабжали своими трудами почти всю Ставропольскую епархию.

Инокнями шились священнические облачения, воздухи, плащаницы. С середины 1860-х гг. наладилось и ковровое производство. Работы сестер Иоанно-Мариинского монастыря украшали покои кавказских архиереев и многие храмы епархии. Известен был монастырь и своей иконописью. С 1868 г. иконописные работы в обители производились под руководством известного художника-иконописца Миронова, благодаря которому уже через два года сестры монастыря достигли больших успехов в этой области.

¹⁹⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 45. Д. 568. Свидетельство девице Варваре Губиной.

Начало этому было положено еще Преосвященным Иеремией. Будучи уже на другой кафедре, Владыка в 1853 г., заботясь о развитии этого дела, прислал в обитель различные образцы иконописи. В 1868 г. Преосвященный Феофилакт советовал игуменья упорядочить иконописание в монастыре. Для этой цели игуменья Серафима просила известного в то время художника-иконописца Миронова взять на себя труды окормления иконописи в обители. Уже через два года инокини достигли в этой области такого совершенства, что их произведения охотно приобретались многими храмами епархии.

О высоком достоинстве и совершенстве искусства живописи, которого достигли сестры Иоанно-Мариинского монастыря, говорит уже одно то, что лучшие иконы, которые подносили кавказские святители в подарок лицам Царственного Дома, были все работою этой обители. Особой известностью пользовались работы монахини Евграфы.

Еще одним важным делом игуменья Серафимы было создание монастырского хора. Он был образован в 1861 г., спустя год после назначения Серафимы игуменьей.

В 1877–1881 гг. к храму Святого Иоанна Предтечи были пристроены два придела – в честь равноапостольной Марии Магдалины и святого великомученика Пантелеимона. Работы производились по проекту младшего инженера надворного советника К.Е. Адамовича. Перестроены были купола, обновлена внутренняя отделка. Они производились за счет монастырских сумм. В 1881 г. обновленный храм был освящен Епископом Германом.

В середине 1880-х гг. владения монастыря составляли более 5000 квадратных саженей. Члинский лес, на краю которого расположился монастырь, трудами монахинь превратился в ухоженную рощу с многочисленными аллеями, клумбами, беседками и лужайками, привлекавшими сюда жителей Ставрополя и окрестных мест.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. монастырь оказывал услуги воинам работой сестер, изготавливавших различные вещи для войск и военных лазаретов, а также трудившихся на полях сражений в качестве сестер милосердия.

12 ноября 1883 г. в обители произошло скромное торжество по случаю 50-летия монашеского пострига игуменьи Серафимы с преподнесением ей иконы святой мученицы Серафимы. Характерно, что сама старица по своей скромности старалась никому не сообщать об этом знаменательном событии. Даже Преосвященный Герман узнал о нем лишь в самый день торжества.

После ее смерти новой настоятельницей была назначена монахиня Феофила. В прошлом она была рясофорной послушницей одного из монастырей Полтавской епархии. Будучи уже в числе сестер Иоанно-Мариинского монастыря, 22 марта 1864 г. она была пострижена в мантию. В 1880 г. назначена казначеей монастыря, а 14 февраля 1884 г. Преосвященным Германом возведена в сан игуменьи.

Феофила продолжила дело своей предшественницы по благоустройству обители. Ею было построено новое здание монастырской школы (в ней обучались, главным образом, молодые инокини церковному пению, чтению и письму). Стоимость строительства школы составила 5000 рублей. Здание было рассчитано на 45 человек. За это богоугодное дело игуменья Феофила была удостоена архипастырского благословения и благодарности. В 1884 г. ее стараниями был выстроен большой двухэтажный корпус для золотошвейных работ.

В том же году было начато, а в следующем завершено строительство новой трапезной. Здание имело два этажа. В верхнем этаже находились трапезная церковь и большой зал для трапезы, а в нижнем – кухни и кельи для инокинь, несущих кухонное послушание. Храм в честь святой мученицы Серафимы был освящен в 1887 г. Преосвященным Владимиром, Епископом Ставропольским и Митрополитом Сербским Михаилом¹⁹⁷. Это единственный храм, сохранившийся до наших дней¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Ставропольские епархиальные ведомости. 1887. С. 305.

¹⁹⁸ В 1921 г. монастырь был закрыт, сначала в нем устроили приемник для беспризорников, потом дом отдыха, с 1950-х гг. отделение психиатрической больницы. Все сменявшие друг друга на протяжении восьми десятилетий новые хозяева ничего не строили, лишь разрушая и кощунствуя. Так, в сохранившемся здании храма, где сейчас размещается больничный корпус, в алтарной части был устроен туалет.

Далее возникла потребность в постройке больничной церкви. Как это было принято, деньги на его постройку собирали по всей России. В 1897 г. началось строительство, а через два года было окончено. Здание имело два этажа: нижний этаж был каменный и предназначался для больничных палат, верхний был деревянный, обложенный кирпичом. Здесь находилась церковь в честь преподобных Антония и Феодосия Печерских.

Это здание было сооружено в благодарное воспоминание просвещения русского народа православною верою при Святом равноапостольном князе Владимире и вместе с тем в воспоминание чудесного спасения драгоценной жизни Приснопамятного Государя Императора Александра III с его царственной семьей 13 октября 1888 г.¹⁹⁹ 22 июня 1891 г. этот храм был освящен Преосвященным Евгением. И больничный, и трапезный храмы были расписаны уже упоминавшимся художником Мироновым.

За благоустройство обители в 1889 г. Преосвященным Германом игуменья Феофила была пожалована золотым крестом от Святейшего Синода. 28 февраля 1896 г. игуменья Феофила умерла. Вместо нее настоятельницей Святейший Синод назначил монахиню Аполлинарию. При Аполлинарии золотошвейное и иконописное производство достигло вершины.

Игуменья обратилась к Преосвященному с просьбой разрешить монастырю прием заказов по производящимся в монастыре иконописным, золотошвейным и коверным работам. Резолюция владыки Агафодора гласила: «С удовольствием разрешаю и благословляю. Желательно, чтобы и в других обителях епархии было обращено особое внимание на развитие иконописи, рукоделия и ремесел, в чем прошу о.о. Настоятелей и Настоятельниц»²⁰⁰.

Во время Русско-японской войны сестры обители изготовили более трех тысяч предметов нижнего и постельного белья для солдат и офицеров Русской армии в Манчжурии. Игуменья Аполлинария стро-

¹⁹⁹ Ставропольские епархиальные ведомости. 1888. № 37.

²⁰⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 54. Д. 307. Резолюция ... Л. 1.

ит еще один небольшой кладбищенский храм в честь пророка Иеремии. 24 мая 1908 г. он был освящен Преосвященным Агафодором.

Согласно собственному прошению, указом Святейшего Синода от 16 сентября 1908 г. игуменья Аполлинария была уволена от должности настоятельницы. Тем же указом в этой должности была утверждена казначея Иоанно-Мариинского монастыря монахиня Архелая.

Возведение ее в сан игуменьи состоялось 28 сентября. Она была из крестьян Курской губернии (в миру Агриппина Павловна Рошубкина). Поступила она в монастырь в 1860 г., проходила послушания на клиросе, в золотошвейной мастерской и другие. В 1886 г. была пострижена в инокини, а 18 ноября 1895 г. – в мантию. В следующем году она была утверждена в должности казначея.

В 1910 г., когда в Ставропольской губернии вновь вспыхнула эпидемия холеры, для борьбы с нею по благословению игуменьи был сформирован отряд сестер милосердия.

За труды на пользу обители и на благо Церкви она была награждена золотым наперсным крестом Святейшего Синода и золотым наперсным крестом от Кабинета Его Императорского Величества²⁰¹.

Она скончалась 1 июня 1914 г., 65 лет от роду, из которых 55 подвизалась в Иоанно-Мариинском монастыре. Похоронена она у южной стороны средней апсиды храма Иоанна Предтечи, вместе с другими почившими настоятельницами.

С началом Первой мировой войны монастырские гостиницы были отданы под госпиталь.

Последней известной нам настоятельницей монастыря была игуменья Нина. В 1920 г. ей и сестрам обители советские власти предложили в 24 часа покинуть территорию монастыря, что было исполнено. В том же году монастырь был разграблен. Затем здесь была устроена детская колония. После этого – дом отдыха. Сейчас в сохранившихся постройках монастыря размещается отделение психиатрической больницы.

О последующей судьбе насельниц монастыря известно лишь то, что часть из них жила на его территории до начала 1930-х гг.

²⁰¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1135. Клировые ведомости о церквях г. Ставрополя. Монастыри.

Кизлярский Крестовоздвиженский мужской монастырь

Первое упоминание о поселении, где много позже возникла знаменитая Кизлярская крепость, относится к 1614 г., когда в этих краях появился терский воевода Хохлов. В 1715 г. поселение это расширилось за счет обосновавшихся здесь армян, греков и персов, получивших от Петра I различные виды правительственных преимуществ к повышению виноделия и шелководства²⁰².

Однако в 1718 и 1730 г. чеченцы дважды громили городок, а его жителей уводили в плен. Казалось, этот дивный уголок кавказской земли над полноводным Терекom надолго останется безлюдным. Но в 1735 г. сюда вновь пришли русские войска. Взамен упраздненной в устье реки Сулак Ставропольской крепости на месте разгромленного чеченцами поселения с еще не одичавшими виноградниками и тутовыми садами была заложена Кизлярская крепость. Комендантом стал князь Оболенский. Сюда были переведены казаки и прочий военный люд из старой крепости на Сулаке.

Одновременно с основанием Кизлярской крепости под защитой ее медных и чугунных пушек был основан первый на Северном Кавказе мужской общежительный монастырь. Его первым настоятелем стал выходец из Грузии архимандрит Даниил, который помимо прочего задачей этого православного очага считал распространение христианской религии между горскими народами магометанского исповедания²⁰³.

²⁰² Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. I. С. 11 и след.

²⁰³ Вот как пишет об этом В.А. Потто в своем замечательном исследовании «Два века Терского казачества»: «Левашев позаботился и о скорейшей постройке православной церкви во имя св. Георгия, а вслед за тем уже за крепостными стенами возник Крестовоздвиженский монастырь ... Хотя оба эти сооружения и не имели прямого влияния на военные и гражданские дела на Северном Кавказе, но тем не менее они как бы являлись знамением, предвещавшим, что раз утвердившееся здесь православие уже не покинет этой страны. И если в первое время результаты деятельности иноков не были особо заметны, то все же в течение первых тридцати лет существования монастыря, как видно из отчетов, им обращено было в лоно Православной Церкви около двух тысяч душ» (Т. 2. С. 191).

Одновременно Даниилом делалось все возможное для освобождения российских подданных, захваченных в плен горцами. «Архимандрит Даниил, – сообщает архивный документ, – на собственные деньги и за монастырский кошт выкупил из неволи людей русских на 1567 рублей, кои получили в монастыре хлеб и одежду»²⁰⁴.

Вновь устроенный Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь, наименованный так в честь воздвигнутой здесь церкви во имя Честного и Животворящего Креста, предназначался для возрождения православного вероучения в дебрях Кавказских гор.

В 1745 г. в Крестовоздвиженском монастыре была создана Осетинская комиссия, положившая начало возрождению христианства среди осетинского народа. «Судя по сохранившемуся плану, устройство монастыря было похоже больше на азиатское поселение, строения которого, восточной архитектуры, были разбросаны в разных местах. Монастырская церковь (деревянная, первоначально названная во имя Святителя и Чудотворца Николая), снабжена серебряной с золочением утварью из церквей завоеванных персидских областей»²⁰⁵.

В одном из выпусков «Кавказского календаря» говорилось: «В смутные времена Грузии Кизляр служил убежищем для некоторых грузинских царевичей, архиереев и князей. В числе многих здесь имели пребывание царевич Александр Евсеевич Багратион, подполковник русской армии, командовавший Армяно-грузинским эскадроном и скончавшийся в 1759 г. Сын его Павел, в иночестве Порфирий, был настоятелем Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря»²⁰⁶.

В 1807 г. в Кизлярском Крестовоздвиженском монастыре, уже при новом настоятеле игумене Сергии, строится величественная каменная колокольня с шестью колоколами, доставленными из России. Но так получилось, что первый церковный звон не стал зовом к молитве, а явился тревожным набатом к отражению нового чеченского нападения

²⁰⁴ Материалы для истории Кавказской епархии // Кавказские епархиальные ведомости. 1880. С. 235–237.

²⁰⁵ Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии за 1868 г. С. 64.

²⁰⁶ Кавказский календарь. Тифлис, 1849.

на монастырь. И хотя на этот раз варвары были отброшены, они нанесли убытки хозяйству монастыря, владевшего 30000 десятин земли с многочисленными хозяйственными постройками, скотными дворами, пасаками, рыбным промыслом по Тереку, сельскохозяйственными угодьями²⁰⁷.

При настоятеле монастыря Сергии были устроены величественные каменные Святые ворота с многочисленными иконами. Строятся новые настоятельские кельи, деревянная братская трапезная; из сырцового кирпича – амбары, скотный двор, баня и конюшня, из бревенчатого леса – житница.

К этому времени в самом Кизляре, помимо Троицкого собора, построенного еще в 1759 г. из того же обступавшего город строевого леса, был возведен каменный собор во имя Казанской иконы Божией Матери. Все это способствовало превращению военного форпоста России на Кавказе в центр православия и миссионерства.

В 1827 г. настоятелем Кизлярского монастыря стал иеромонах Вениамин, который начинал духовную деятельность с послушника Астраханского Воскресенского монастыря.

Первый Кавказский епископ Иеремия обращает свои взоры и на первый на Северном Кавказе мужской Крестовоздвиженский монастырь, помогая ему средствами и своим вниманием. В 1846 г. по настоянию Иеремии новым настоятелем монастыря становится игумен Герман. В истории православия на Кавказе он известен как храмостроитель.

Здесь надо вспомнить, что к середине XIX в. город Кизляр, в значительной мере потеряв свое значение как одного из военных центров Кавказа, стал крупным торговым центром. Здесь обосновались многочисленные армянские купеческие династии, имеющие значительный капитал. На их деньги строились армяно-григорианские духовные центры – моленные дома и храмы. В то же время единственная православ-

²⁰⁷ Попов И., священник. Крестовоздвиженский мужской монастырь в г. Кизляре // Владикавказские епархиальные ведомости. 1904. № 6. С. 122–124.

ная церковь Крестовоздвиженского монастыря из-за ветхости грозила упасть.

Новый настоятель обители игумен Герман пишет в Ставрополь владыке Иеремии: «Кизлярская монастырская церковь с приделами грозит падением, так как стара. В то же время иной церкви для богослужения в монастыре нет, а поэтому необходимо устроить иную церковь. Прилагаем Вашему Преосвященству план и фасад на устройство деревянной церкви во имя св. Великомученика Георгия Победоносца»²⁰⁸.

Вскоре последовало благословение Владыки на закладку нового храма и пришли лично им пожертвованные на возведение храма 145 рублей серебром.

В 1847 г. игумен Герман докладывал Епископу Кавказскому Иеремии: «Благодаря Божией милости и молитвам Вашего Преосвященства начатое мною дело об устройении нового храма идет удачно. Желая, чтобы начатое священное дело подействовало на умы и сердца жителей Кизляра, приглашаем в новый храм отца протоиерея Дмитрия, священника Василия из почетных граждан Грузии, что позволит быстро провозгласить дух гражданственный и религиозный в кругах сильных и во всем господствующих армян»²⁰⁹.

Настоятель монастыря Герман подает пример благотворительности в деле дальнейшего устройства обители, где число монашествующих превысило 200 человек. Он писал Преосвященному Иеремии, что «из приобретенного мною в Кизлярском округе собственного жилого здания из соснового леса нахожу полезным устроить в монастыре кельи для братии. Для каковой надобности поступаю я означенным зданием безвозмездно. Перевозку же его с морской пристани и устройство келий прошу произвести за счет монастыря»²¹⁰.

Примеру настоятеля следовали миряне и монашествующие. Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь быстро застраивался до-

²⁰⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 255. С перепиской по делам Кизлярского мужского Крестовоздвиженского монастыря. Л. 1.

²⁰⁹ Там же. Л. 9 об.

²¹⁰ Там же. Л. 7.

бротными строениями, этим являя пример для вновь учреждаемых монастырей Северного Кавказа.

Монастырские виноградники и сады на благодатной земле приносили огромные доходы. К этому надо добавить лов рыбы, в том числе красной, в Тереке и на Каспии, где монастырь имел свои угодья. Огромные пасеки среди предгорного разнотравья и альпийских лугов приносили мед. Строились завод по производству восковых свечей, лесопильный завод, мельница и пекарня с просфорной, магазины и торговые лавки²¹¹.

В монастыре возводятся гостиничные дома, так как резко увеличился приток богомольцев, странников земли Русской, гостей и деловых людей. Возводится трапезная. Уже архимандрит Герман перестраивает церковь в честь Святого великомученика Георгия Победоносца в пять глав, устраивает новый престол и возводит под купол вызолоченный иконостас с более чем пятьюдесятью прекрасного письма иконами. Большое количество серебряных вызолоченных служебных подсвечников – трофеев русских полков во время персидских походов – сделало этот храм самым богатым в Кизляре.

Одновременно архимандрит Герман начал сбор пожертвований на новый храм Божий, однако болезни вынуждают его уйти от церковных дел и уступить в 1872 г. место настоятеля монастыря игумену Варлааму, назначенному сюда по указу Святейшего Синода и по ходатайству епископа Кавказского Феофилакта. Но уже на следующий год Преосвященным епископом Кавказским Германом назначается настоятелем Кизлярского монастыря архимандрит Антоний²¹².

В память первой Крестовоздвиженской церкви в обители настоятель монастыря Антоний закладывает новый каменный храм Честного и Животворящего Креста Господня. В 1873 г. новый храм был построен и освящен специально прибывшим в Кизляр Епископом Германом. И не случайно. Владыка вскоре стал инициатором открытия в Кавказской епархии двух новых монастырей – мужского Воскресенского Мамай-

²¹¹ Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии за 1868 г. С. 25.

²¹² ГАСК. Ф. 135. Оп. 30. Д. 43. Годовой отчет. Л. 10.

Маджарского монастыря в городе Святой Крест и женского Георгиевского монастыря у станицы Государственной.

Новый пятикупольный Крестовоздвиженский храм Кизлярского мужского монастыря, сложенный из штучного камня, с двухъярусным иконостасом, был расписан художниками, прибывшими из Ставрополя и Моздока, полностью обеспечен священными служебными предметами, приобретенными за счет пожертвований, в том числе от графини Орловой – по 300 рублей серебром на протяжении десяти лет. Храм этот стал одним из лучших в Кизляре.

С начала XX в. Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь, где были возведены новые каменные храмы и многочисленные служебные постройки, где число монашествующих превысило две тысячи человек, становится самым известным в России и за рубежом. Это был центр православия и центр культуры этого уголка Кавказа, центр образцового ведения хозяйства, вобравшего в себя хлебные поля и сенокосы, животноводческие фермы и рыбные промыслы, тутовые плантации шелководства и медоносные угодья, сады и виноградники, а также разнообразные предприятия по переработке сельхозпродукции и ее реализации. Монастырь имел свои гостиничные дома и магазины не только в Кизляре, но и в Моздоке, Порт-Петровске (ныне Махачкала), в городах Кавказских Минеральных Вод, Ставрополе.

После революции и гражданской войны Крестовоздвиженский монастырь был уничтожен. Так погас первый светильник веры и благочестия, некогда зажженный в русской крепости Кизляр.

Спасо-Преображенский монастырь

Одновременно с учреждением мужского скита на склоне Шоанинской горы, в дальнейшем преобразованного в мужской монастырь святого великомученика и Победоносца Георгия, в ущелье реки Теберды, рядом с карачаевским аулом Сенты, был образован женский скит во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Вскоре на месте Покровского скита возникла иноческая обитель во главе с Евдокией Макаровой, в прошлом сестрой милосердия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.²¹³

Работая во Владикавказском военном госпитале, она прослышала о возникшем ските и вместе с послушницей грузинского женского Свято-Георгиевского монастыря Евдокией Анненской отправилась туда. По пути к Святой горе, как паломники именовали горный кряж у аула Сенты по левому берегу реки Теберды, к ним присоединялись другие женщины, решившие в бедности и отречении от мирских благ посвятить себя проповеди Слова Божиего.

Добравшись до Святой горы, они были поражены видом древнего храма, его внутренними фресками, а также древними строениями, сохранившимися на скальном выступе. Но особенно впечатлял древний византийский храм. Каким-то волшебством древние зодчие сумели преодолеть тяжесть и массивность камня и придали храму необычную легкость, устремленность в бездонное небо. Сам крестовокупольный храм отличался соразмерностью, безупречностью архитектурных форм. Каменные блоки храма, плиты, квадраты были вытесаны с необыкновенной тщательностью. Простояв тысячу лет, здание нигде не треснуло, не покосилось.

Рядом с храмом и сегодня стоит мавзолеей-гробница, поражающий своей неординарностью: арочный свод, фронтоны, аркатура, пилястры. Особенности кладки, архитектура свидетельствуют, что мавзо-

²¹³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 45. Д. 148. О поездке Преосвященного Владимира для обозрения церквей епархии.

лей был построен примерно в одно время с храмом. Вокруг храма и мавзолея располагалось христианское кладбище с могильными ямами, выбитыми в скалах²¹⁴.

Евдокия Макарова с сестрами, добравшись до Святой горы и устроив здесь временное жилище, обратилась с письмом к епископу Кавказскому и Екатеринодарскому Герману²¹⁵.

Разрешение последовало лишь в 1892 г., уже от Епископа Евгения. К тому времени в скиту находились более 70 женщин. Они поставили в древнем храме дубовый иконостас без позолоты, где установили ими принесенные иконы. Грубой работы железный крест купола храма заменили на новый, изготовленный на Эльбрусском свинцово-серебряном руднике. Стены с древней фресковой живописью сохранили, остальные части стен храма были оштукатурены и выбелены. Тогда же у подножия Святой горы женщины соорудили небольшую каменную церковь в честь Преображения Господня, звонницу с колоколами, отлитыми на том же руднике²¹⁶.

В январе 1897 г. по ходатайству уже Архиепископа Агафодора Святейший Синод вновь подтвердил открытие новой женской обители в горах Кавказа во имя Преображения Господня: «При древнем храме близ аула Сенты Кубанской области учредить Спасо-Преображенский общежительный женский монастырь»²¹⁷.

Торжественное открытие монастыря состоялось 22 октября того же года. На торжества прибыл Архиепископ Агафодор вместе с Архимандритом Дмитрием из Михаило-Афонской Закубанской пустыни. Под звон колоколов, церковное пение, с хоругвями и иконами, при

²¹⁴ Дьячков-Тарасов А.А. Сентинский храм и его фрески. Екатеринодар, 1899.

²¹⁵ Об учреждении женского монастыря у подножия Святой горы с древним храмом // Ставропольские епархиальные ведомости. 1896.

²¹⁶ Освящение древнего храма при Спасо-Преображенской женской общине // Ставропольские епархиальные ведомости. 1896. С. 1329–1330.

²¹⁷ Воскресенский А. Святой Фавор Северного Кавказа. Спасо-Преображенский женский монастырь. Одесса, 1910. С. 20.

благовонии кадил, с горящими свечами все собравшиеся у подножия Святой горы начали медленно подниматься к древнему храму. Противоположная сторона долины реки Теберды была запружена горским населением почти всех тебердинских аулов. Процессия в несколько сот человек, где помимо сестер вновь устраиваемого монастыря были монашествующие большинства монастырей Ставропольской епархии, богомольцы со всего Северного Кавказа, медленно поднималась к древнему белокаменному храму²¹⁸.

Евдокия Махрова, до этого причисленная как послушница к Ставропольскому Иоанно-Мариинскому женскому монастырю, с пострижением в монашество стала начальницей образованного Спасо-Преображенского женского монастыря. В 1900 г. ее сменила насельница Ставропольского Иоанно-Мариинского монастыря мать Раиса (в миру – Мария Зинченко). Ею, за счет добротных даяний, в том числе 1000 рублей от царственного дома Романовых, у подножия Святой горы был построен деревянный пятикупольный храм в честь Святого мученика Агафодора. Освящение храма состоялось в 1904 г., на него прибыл сам Владыка с сонмом духовенства. Момент освящения храма Преосвященным Агафодором запечатлен на снимке, к счастью, дошедшем до нас. Взамен старой звонницы из местного камня была воздвигнута новая, с доставленными из Ставрополя, с колокольного завода наследников купца Ефимова, колоколами, больший из которых весил 50 пудов. Здесь же, у подножия Святой горы, старанием настоятельницы из столетних елей и пихт был сложен двухэтажный, под железной крышей дом с уютными кельями. Затем возвели несколько каменных строений, в том числе под двухклассное приходское училище, где, кстати, училось немало детей из аулов и ущелий Кубани и Теберды. Была построена и небольшая больница с аптекой. В хозяйственном дворе устроили конюшню, загоны для скота, амбары. Немного в стороне возвели сыроваренный заводик, пчельник.

²¹⁸ Там же. С. 21–22.

Между тем Спасо-Преображенский женский монастырь со своим образцовым хозяйством, расположенный в «дебрях Кавказских гор»²¹⁹, как о нем писали газеты тех времен, привлекал к себе массу паломников и путешественников. Службы в древнем византийском храме вызывали не только у монахинь, но и у всех присутствующих здесь накал религиозных чувств, когда слова молитв таинственным эхом многократно повторялись в сводах храма. Об этом явлении рассказывает профессор А. Воскресенский: «В куполе древнего храма, представлявшем из себя цилиндрический барабан с 8 узкими окнами и покрытом каменными вытесанными плитами, были устроены неприметные ниши с заложенными в них вытянутыми глиняными сосудами типа амфор для усиления звука – тайна акустики древних византийцев»²²⁰.

За свой труд по устройству Сентинского Спасо-Преображенского женского монастыря настоятельница Раиса была отмечена золотым наперсным крестом. Число же послушниц и монахинь монастыря составило более 100 человек. Вокруг монастыря в труднопроходимых чащобах начали возникать одинокие кельи монахов-отшельников.

В советские годы в строениях бывшего Сентинского Спасо-Преображенского женского монастыря долгое время находилась больница для детей с тяжелыми формами заболеваний. Этим власти как бы прятали от людских глаз ужасы страданий несчастных детей. Затем больницу закрыли, приспособив под хозяйственные службы местного колхоза.

²¹⁹ Ставропольские епархиальные ведомости. 1904. С. 225–232.

²²⁰ Воскресенский А. Святой Фавор Северного Кавказа. Спасо-Преображенский женский монастырь. Одесса, 1910. С. 7–8.

Свято-Александро-Невский Афонский мужской монастырь

В ноябре 1886 г. в ущелье Большого Зеленчука, где среди дремучего леса белели византийские храмы древней столицы Алании, некогда богатого торгового города Мааса, разрушенного в период татаро-монгольского нашествия, – поселились трое иноков со Святой Афонской горы, из Благовещенской кельи Хиландарского монастыря. Старшим из них был иеромонах Серафим (Титов), решивший «сохранить и возобновить древнейшие христианские храмы Кавказа и способствовать распространению света евангельского среди окрестных некрещеных инородцев-мусульман»²²¹. Иеромонах Серафим был рукоположен в священный сан на Святой Афонской горе, в русском Пантелеимоновском монастыре в 1876 г. Он был уроженцем города Борисоглебска Тамбовской губернии. Добравшись до древних византийских храмов в урочище Большого Зеленчука, где, как писал Серафим, «перенесли голод, а главное, холод суровых горных морозов и бурь»²²², они весной следующего года достигли Ставрополя. Здесь встретились с епископом Кавказским и Екатеринодарским Владимиром, заявив, что еще на Афоне слышали о существовании на Кавказе древних заброшенных храмов, и решили посвятить труды свои и все средства на возобновление этих храмов и устройство там иноческой обители.

История христианства в горах Кавказа насчитывает уже около двух тысяч лет. Первыми принесли его сюда святые апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит, мужи апостольские. Постепенно в ущельях Кавказа, в том числе и по долине Большого Зеленчука, начали возводиться многочисленные греческие храмы и часовни. Православный миссионер архимандрит Евфимий крестил алан, способствовал учреждению Аланской епархии, в дальнейшем преобразованной в

²²¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 49. Д. 220. Формулярный список братии Александро-Афонской Зеленчукской пустыни. Л. 3.

²²² ГАСК. Ф. 135. Оп. 60. Д. 337. Л. 4.

митрополю. Аланские митрополиты ездили в Константинополь для участия в церковных соборах. Начиная с XIII в. монголами, затем Тамерланом и прочими завоевателями огнем и мечом распространялся ислам. С того времени в лесных чащобах кавказских ущелий и находили разграбленные и оскверненные православные храмы. А потому возрождение в них иноческих обителей владыка Владимир считал делом первостепенной важности.

5 сентября 1887 г. по ходатайству Епископа Владимира Святейший Синод принял определение «Об устройстве Свято-Александро-Афонской Зеленчукской пустыни»²²³.

С принятием этого решения с Афонской Святой Горы к «мертвому городу», как еще именовали сохранившиеся многочисленные развалины домов, оборонительных стен и прочих сооружений с древними византийскими храмами в ущелье Большого Зеленчука, прибыл иеромонах Серафим с 18 иноками и многочисленным имуществом на 18 фурах. Здесь были многопудовые колокола, потиры, кадильницы, паникадила, подсвечники. В сохранившейся архивной описи доставленного сюда имущества указывались частицы святых мощей святого великомученика и Победоносца Георгия и святой Марии Магдалины, 16 полных облачений священников и семь дьяконских облачений, богослужебные книги²²⁴.

Устроив временное жилище, иноки восстановили центральный, наиболее величественный и лучше других уцелевший храм с сохранившейся фресковой живописью. Фресковые изображения «были нарисованы древними художниками, которым неизвестны были законы художественной перспективы»²²⁵.

²²³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 46. Д. 131. О построении мужского монастыря вблизи стан. Зеленчукской Кубанской обл. Копия Указа Святейшего Синода. Л. 1–10.

²²⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 60. Д. 337. Л. 5 об.

²²⁵ Древнехристианские храмы и Св.-Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского отдела (с рисунками древних храмов). М., 1892. Приходится заметить, что мнение это субъективно и противоречит современным исследованиям.

В книге сообщалось и о внутреннем устройстве храма: «Алтарь храма состоит из трех частей, из которых каждая оканчивается полуциркулем. Южная (диаконник) и северная (жертвенник) половины алтаря имеют в длину по 5 аршин, средняя же часть алтаря – 6 аршин длины и 5 – ширины. Все части алтаря соединены между собой небольшими дверьми. На горнем месте раньше была кафедра архиерейская. От старого иконостаса не осталось никаких следов. Верхи всех частей храма сделаны сводами, которые посредством арок соединяются в центре. На арки опирается невысокий купол с барабаном и четырьмя просветами в нем. Под куполом виднеется кусок железного стержня, на котором, очевидно, висела люстра. Кровля храма – шатровая, черепичная»²²⁶.

Частично восстановленный иноками храм был тогда же освящен в честь святого благоверного великого князя Александра Невского. На освящении присутствовали и солдаты русского военного отряда под командованием майора Отепкина. Топографический отряд имел предписание сделать топографический план всего урочища, обозначаемого военными как «Церковь», где устраиваемому монастырю отводилось 180 десятин земли с участками леса и пашней. При съемках топографами было обнаружено заросшее лесом старое аланское кладбище, где, помимо прочих памятников, находился величественный надмогильный каменный крест с греческой надписью и датой – 6521 г. от сотворения мира (1013 г. от Рождества Христова). Крест этот, еще раз подтверждающий распространение православия среди древних народов Кавказа, был установлен в трапезной обновленного Свято-Александровского храма.

Поздней осенью 1889 г. из Ставропольского архиерейского дома в рождающуюся пустынь была доставлена копия Гребенской иконы Богоматери, списанная с подлинника художником Д. Струковым. Как известно, Гребенская икона Богоматери была подарена жителями городка Гребня, расположенного рядом с Куликовым полем, в 1370 г. кня-

²²⁶ Там же. С. 15.

зю Дмитрию, а позже как способствовавшая победе русского войска в битве с татарами установлена в Успенском соборе Москвы. Теперь список со святой иконы от Ставрополя до самой Зеленчукской обители следовал с многотысячным крестным ходом.

К открытию нового монастыря сюда шли пожертвования со всех уголков Кавказской и Екатеринодарской епархии, других епархий России. Так, общество станицы Передовой преподнесло монастырю деревянную часовню с пятью превосходными иконами. Ставропольская духовная семинария прислала библиотеку из нескольких сот духовных книг. Пять хоругвей, украшенных вышивкой, поступили от Ставропольского епархиального женского училища. Иоанно-Мариинский женский монастырь из своей золотошвейной мастерской направил сюда епитрахиль и фелонь из атласа, газета, парчи и шелка, шитые золотом, синелью и серебром, с галунами, шелковыми крестами и цветами. С Афонской горы была доставлена древняя риза²²⁷.

К концу октября 1889 г. настоятель с братией числом до 90 человек восстановил еще один небольшой храм, освященный в честь святого праведного Илии Пророка. Окончательно отделаны четыре двухэтажных каменных дома, устроены каменная ограда со Святыми воротами и колокольной над ними, двухэтажная гостиница для почетных гостей и Божиих странников, проведен водопровод, оканчивающийся круглым каменным бассейном. При монастыре был даже искусственный водоем с проточной речной водой, где разводили крупную форель. Монастырь содержал конюшни с хозяйственными орудиями и транспортными экипажами. Работали водяная мельница и паровая молотилка, гидравлическая маслобойка, прочие заведения, перерабатывавшие свое и привозное сырье. В Ставрополе, станицах Зеленчукской, Баталпашинской и Невинномысской были устроены монастырские подворья.

²²⁷ Древнехристианские храмы и Св.-Александр-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского отдела (с рисунками древних храмов). М., 1892.

12 ноября 1889 г. в Свято-Александро-Невскую Афонскую Зеленчукскую пустынь прибыл Епископ Кавказский и Екатеринодарский Владимир в сопровождении духовенства епархии, гостей, тысяч богомольцев. После всенощного бдения в возрожденном храме Святого Александра Невского, Божественной Литургии и крестного хода новый монастырь в горах Кавказа был освящен²²⁸.

Но не так легко было распространять евангельский свет среди некрещеных горских народов. Монахи не раз отражали нападения некоторых фанатично настроенных мусульман. В одной из таких стычек были убиты монах Феофилакт и послушник Лев. И долго потом в монастырских покоях висела писанная маслом картина, напоминающая о тех кровавых событиях.

Но монастырь продолжал жить. Здесь устраивается богадельня для престарелых православных воинов, создается церковноприходская школа с преподаванием иконописи, устраивается дорога по правому берегу Большого Зеленчука.

Отец Серафим в день официального открытия монастыря был возведен в сан игумена, а вскоре переведен в Тамбовскую епархию. Новым настоятелем стал иеромонах Иоанн, а затем архимандрит Ефрем. Монастырь, как и все прочие обители Северного Кавказа, подвергся разграблению и закрытию в первые советские годы.

²²⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп. 46. Д. 131. О построении мужского монастыря вблизи стан. Зеленчукской Кубанской обл. Копия Указа Святейшего Синода. Л. 1–10. Аналогичный материал см.: Ставропольские епархиальные ведомости, 1889. С. 235.

Екатерино-Лебяжья Николаевская пустынь

Самой древней обителью в Кубанской области была мужская Черноморская Екатерино-Лебяжья Николаевская пустынь, возникшая по личному указанию императрицы Екатерины II. Открытие обители состоялось 24 июля 1794 г. Предназначалась она для раненых и калек Черноморского войска, участников войны с Турцией.

Святейший Синод одобрил монаршую волю, описав в своем решении: «В селении верного Войска Черноморского устроить монастырскую пустынь, в которой бы престарелые и раненые воины-казаки по богоугодному желанию своему могли воспользоваться спокойной в молитвах жизнью с определением в сию обитель начальником в сане архимандрита. Содержать же сию пустынь во всем без оскудения на попечении и иждивении Войска Черноморского»²²⁹.

Пустынь обосновалась в урочище Лебяжьих лиманов у Азовского моря, богатых рыбой и дичью. Вблизи протекала и небольшая речушка Бейсуг, бурная в периоды половодья, а в остальное время года теряющаяся среди бесчисленных лиманов и заводей. На обустройство вновь устраиваемого монастыря из войсковой суммы было выделено 40 тысяч рублей серебром. Это было, конечно, крайне мало, а потому первому настоятелю монастыря архимандриту Феофану, до этого возглавлявшему Самарский Николаевский монастырь, приходилось больше надеяться на свои силы.

Образовавшаяся отшельническая община первоначально состояла из 20 иноков, которые возвели деревянную церковь в честь святой великомученицы Екатерины с трапезной, а также дом игумена, такие же из цельных еловых бревен братские кельи, хозяйственные строения. Всю территорию устроенной обители обнесли забором из сосновых плах.

²²⁹ Воскресенский А. Материалы для историко-статистического описания монастырей и церквей Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости, 1909. С. 17. См. также: Димитренко И. Сборник материалов по истории Кубанского войска. СПб., 1898. Т. 2. С. 755.

В 1802 году новый настоятель обители архимандрит Товия, понимая, что для роста монастыря нужен более доступный строительный материал, чем дорогостоящий лес, привозимый издалека, построил небольшой кирпичный заводик, благо, глины для его производства было предостаточно. На обжиг кирпича пошел тот же тростник, сплошной стеной тянувшийся по-над лиманами. Взамен разобранной церкви святой великомученицы Екатерины им строится кирпичный храм.

Настоятель получил разрешение на рыболовство на одной из богатых кос Азовского моря, где монахи начали лов красной рыбы и азовской сельди, имевших огромный спрос на ярмарках России. Монастырь получил и 10 гектаров превосходной пахотной земли для посева зерна. Тогда же войсковой атаман Черноморского войска генерал-лейтенант Захарий Чепига, много потрудившийся для дела православия на Кавказе, пожертвовал монастырю свою водяную мельницу для помола монастырского зерна на речке Бейсуг. Еще одну мельницу, уже на Кубани, пожертвовал генерал-майор Черноморского войска Федор Яковлевич Бурсак²³⁰.

24 октября 1838 г. по Указу Святейшего Синода настоятелем черноморской Екатерино-Лебяжьей Николаевской пустыни назначается архимандрит Иннокентий, строитель Валуйского Успенского монастыря. Им устраиваются еще две мельницы: водяная и ветряк. Возводится новый настоятельский корпус с монашескими кельями. Затем кирпичный братский корпус с трапезной и большой гостиничный дом. И наконец освящается небольшая домовая церковь в честь святой Марии Магдалины.

С начала 1840-х гг. настоятельство переходит к архимандриту Никону, который, однако, принимает не цветущий оазис, а по сравнению с другими монастырями Кавказа бедное монастырское подворье. Он пишет письмо Епископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию: «Обозрев экономию, вижу, что вся она в величайшем упадке, особенно

²³⁰ Короленко П.П. Древние сведения о Межигорском монастыре // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4. С. 1–30.

все монастырские мельницы, и требует значительной траты на починку. Настоятельский корпус с домовою церковью при нем близок к разрушению. На братском корпусе и гостиничном доме кровля пришла в совершенную ветхость»²³¹.

Архимандрит Никон обратил свои взоры на развалины древнего славянского города вблизи пролива между Черным и Азовским морями, где некогда находилось Тмутараканское княжество. Здесь, вблизи развалин мраморных дворцовых сооружений, им было обнаружено заброшенное кладбище. На одном из богатых надгробий сохранилась надпись на старославянском языке: «Почил раб Божий Иоанникий, монах, построивший монастырь сей»²³². Рядом с кладбищем действительно находилось большое разрушенное строение, возможно, монастырское, относящееся еще к XI в. Это был первый славянский монастырь на земле Северного Кавказа. Часть святых камней этого монастыря архимандрит Никон доставил в Екатерино-Лебяжью пустынь, где они были заложены в основание вновь возводимой домовою Покровской церкви при настоятельском корпусе.

Дело, начатое архимандритом Никоном по возрождению монастыря, продолжил архимандрит Антоний, назначенный настоятелем монастыря по просьбе Епископа Кавказского и Екатеринодарского Феофилакта. До этого Антоний был настоятелем Кизлярского Крестовоздвиженского мужского монастыря. При нем был отремонтирован старый соборный храм в честь Казанской иконы Божией Матери, восстановлен до этого сгоревший настоятельский корпус, переделаны кухня, трапезная, пекарня, просфорная. На Долгой косе Азовского моря построили рыбный завод, еще один – на берегу залива Азовского моря. Были устроены монастырские виноградники и заводик по производству вина для богослужебных нужд.

После смерти Антония по ходатайству Владыки Феофилакта настоятелем монастыря назначается преемник отца Антония в Кизляре

²³¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 192. О состоянии монастыря. Л. 3.

²³² Екатерино-Лебяжья Николаевская пустынь // Кавказские епархиальные ведомости. 1878. С. 380.

архимандрит Самуил. При нем в 1872 г. началось строительство нового соборного храма Казанской иконы Божией Матери. Стройка велась по проекту, утвержденному святителем Феофилактом, и на средства, пожертвованные войсковым старшиной Дометием Федоровичем Герко. Было построено также три больших здания для посещающих пустынь богомольцев.

При архимандрите Антонии монастырь получил многочисленные серебряные и вызолоченные богослужебные предметы, утварь и книги некогда упраздненного Межигорского Николаевского монастыря в Заднепровье²³³.

В 1872 г., при архимандрите Самуиле, был положен конец двойственности статуса монастыря, подчинявшегося как епархиальным, так и войсковым властям. Обитель была переведена в полное подчинение кавказских архиереев.

В начале XX в. мужской казачий монастырь у Азовского моря стал одним из самых цветущих на Северном Кавказе²³⁴. Здесь была перестроена старая деревянная Екатерининская церковь, которую обложили камнем. Построили еще один храм – Всех святых.

Казачий Екатерино-Лебяжий монастырь простоял 125 лет, давая приют и радость жизни раненым и престарелым воинам казачьей земли.

²³³ Как известно, Межигорский Николаевский монастырь принадлежал Запорожской Сечи. В связи с ее упразднением в 1786 г. по решению фельдмаршала Потемкина был закрыт и Межигорский монастырь, а все его многочисленные богослужебные предметы, облачения, огромная библиотека первоначально были переданы в Киевский Софиевский собор, оттуда попали в Полтавский Крестовоздвиженский монастырь, затем в Новороссийскую архиерейскую ризницу. И вот, наконец, все принадлежащее запорожским казакам, образовавшим Черноморское казачье войско, вернулось своим прежним владельцам. Все это богатство вскоре разместилось в устроенном новом соборном храме Екатерино-Лебяжьей Николаевской пустыни – Рождества Пресвятой Богородицы.

²³⁴ Об этом свидетельствует, например, отчет о поездке по епархии Преосвященного Агафодора, Епископа Ставропольского (Ставропольские епархиальные ведомости. 1895. № 24).

Свято-Михайловский Афонский монастырь в Майкопском уезде

Обитель эта возникла в 1876 г. в Майкопском уезде Кубанской области. В тот год казаки станиц Даховской, Абадзехской и Хамкетинской обратились с письмом к Великому князю, наместнику на Кавказе Михаилу Николаевичу, с просьбой устроить для раненых и больных кавказских воинов монастырь вблизи города Майкопа, на водоразделе рек Белой и Лабы.

Место это, отличавшееся здоровым горным климатом, лежало на древнем торговом пути из Черноморья в Предкавказье. Именно тогда византийские миссионеры возвели на склоне горы Физиабхо белокаменный крестовокупольный храм, в дальнейшем полностью разрушенный. Вблизи развалин древнего храма по согласию Святейшего Синода в 1883 г. началось устройство нового монастыря «в память покорения Западного Кавказа»²³⁵. Монастырю было выделено 770 десятин земли, в том числе пастбища, сенокосы и лесные угодья²³⁶.

Первым настоятелем монастыря стал отец Александр. При новом настоятеле обители архимандрите Мартирии строится величественный каменный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы и деревянная Михаило-Архангельская церковь. Затем возводятся каменные двух- и трехэтажные братские корпуса с кельями, трапезными. Несколько в стороне возводятся гостиничные дома для многочисленных богомольцев, здание начального училища, больница с домовою церковью. Еще дальше в горах устраиваются хозяйственные помещения со скотным двором, пасека и небольшие заводишки по переработке сельхозпродукции. К монастырю подводится водо-

²³⁵ Кавказские епархиальные ведомости. 1885. С. 356.

²³⁶ Подробнее об этом см.: О вновь учреждаемом в Кавказской епархии мужском монастыре для жительства русских иноков, переходящих с Афона // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. С. 741–749.

провод, оканчивающийся прекрасными каменными бассейнами и фонтанами. Высаживаются тополиные аллеи, разбиваются многочисленные цветочные клумбы, поражающие разнообразием цветов. Не дебри глухие, а райский уголок земли Кавказской. И все это создано руками монашествующих казаков. Они же проложили хорошую дорогу до Майкопа и пешеходные тропы на святую гору Физиабхо, где в многочисленных пещерах жили старцы-отшельники.

Черноморский Марие-Магдалинский женский монастырь

Женский Черноморский Марие-Магдалинский монастырь был основан в 1848 г. по соизволению Государя Императора Николая Павловича. Инициатором открытия обители был Епископ Кавказский Иеремия при материальной поддержке наказного атамана Черноморского войска генерал-майора Григория Антоновича Рашпиля.

Сам монастырь, освящение которого состоялось 21 сентября 1849 г., расположился в 10 верстах от станицы Роговской Черноморского войска, на левом берегу речки Кирпилей. Эта новая обитель предназначалась для вдов и сирот-девиц офицеров Черноморского войска.

Первая настоятельница монастыря монахиня Диана строит деревянный Покровский храм. При настоятельнице Марианне в 1855 г. «при усердии генерал-майора Рашпиля возводится домовая церковь во имя святой равноапостольной Марии Магдалины, шириной в 25 аршин и длиной 10, которая в 1893 г. полностью перестраивается»²³⁷. За свое усердие по становлению монастыря мать Марианна была отмечена Святейшим Синодом наперсным золотым крестом и возведена в сан игуменьи.

В 1884 г. в монастыре строится кирпичный соборный Вознесенский храм, пожалуй, самый величественный, который когда-либо возводился на Кавказской земле. Освящение храма совершил Преосвященный Герман накануне престольного праздника обители. К этому дню в уединенный монастырь собрались до 12 тысяч богомольцев. Помимо освящения храма Епископ также совершил постриг пяти сестер в мантию. Хроникер Епархиальных Ведомостей, отмечая красоту и благолепие убранства обители, указывает: «Одна, впрочем, икона в этом храме, именно икона святой Марии Магдалины, оказалась написанною не в духе Православной Церкви. Святая изображена на ней в театральной позе, а потому Преосвященный велел заменить эту икону другою»²³⁸.

²³⁷ Исторический очерк женской во имя святой Марии Магдалины иноческой пустыни за 50 лет ее существования – с 21 сентября 1849 г. по 21 сентября 1899 г. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1902.

²³⁸ Обозрение Преосвященным Германом, Епископом Кавказским, церковей Кубанской области в июле 1884 г. // Кавказские епархиальные ведомости. 1884. С. 687.

Воскресенский Мамай-Маджарский монастырь

Как известно, святой Благоверный князь Михаил Ярославич был вызван в Орду на суд. 22 ноября 1319 г. у города Дедякова (Тетякова), по преданиям, основанного славянами, он был зверски умучен. Из ставки Ордынского хана тело князя Михаила его слугами повезено было через Маджары на Русь. Люди князя Юрия не дали никому и посмотреть на замученного, с бранью поставив тело в хлеву, над которым в ту ночь многие видели огненный столб. Михаил Ярославич в конце концов был погребен в Спасском монастыре Москвы, а уж затем останки его были перенесены в Тверь в Соборный храм Спаса Преображения Господня.

С начала покорения Кавказа и возникновения у древних Маджар города Святого Креста, на месте, где находилось тело убитого князя, была устроена небольшая деревянная часовня.

2 апреля 1879 г. народовольцы совершили покушение на Государя Императора Александра II. Епископ Ставропольский и Екатеринодарский Герман, желая ознаменовать чудо милости Божией, явленной России в спасении Государя, решил построить монастырь. «Для избрания места под монастырь Владыка выразил желание, чтобы обитель была устроена по возможности ближе к границам земель кочующих инородцев Ставропольской губернии, в видах просветительного и христианского воздействия на мусульман и буддистов»²³⁹.

В июне 1879 г. для избрания места под монастырь был послан иеромонах Архиерейского дома Рувим, который вскоре прибыл в район заштатного города Святого Креста, осмотрев здесь древние Мамайские Маджары, где некогда находилось тело Великого князя Михаила Тверского. Отсюда он доносит Преосвященному Герману: «Учреждение православного монастыря у древних Мамайских Маджар на месте, освященном кровью Благоверного князя-мученика, и в воспомина-

²³⁹ Предположение об основании мужского монастыря в Ставропольской губернии в память чудесного избавления Государя Императора от руки убийцы 20 апреля сего 1879 года // Кавказские епархиальные ведомости. 1879. С. 534.

ние чудесного избавления Его Величества от угрожающей опасности послужило бы одним из лучших средств к упрочению и распространению православной веры и народности в окрестностях и соседних степях»²⁴⁰.

Архипастырь на донесении отца Рувима сделал приписку: «Если Господь поможет осуществить намерение это, то устроенный монастырь посвятить во славу Живоносного Воскресения Христова, да будет он в память грядущим временам о дивном спасении Царя нашего от руки злодея»²⁴¹.

1 марта 1881 г. народовольцами было совершено новое покушение на царя, закончившееся его гибелью. В связи с этим решено было устроить монастырь в память деяний и мученичества Великого князя Михаила Тверского и Императора-мученика Александра Николаевича Романова.

Между тем лишь 20 декабря 1884 г. из Святейшего Синода пришел ответ Епископу Герману на ходатайство об открытии в Ставропольской и Екатеринодарской епархии нового мужского монастыря: «Учредить общежительный монастырь в Ставропольской губернии, в урочище Мамайские Маджары, с наименованием его Воскресенским, и с тем, чтобы монастырь имел такое число братии, какое обитель может содержать на свои средства»²⁴².

На нужды новой обители поступали пожертвования из всех уголков Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Это были деньги в золоте, серебре и ассигнациях; земля, фруктовые сады, виноградники, рощи и луга, дома, книги, иконы, церковные служебные предметы. Жертвовали скот, зерно, камень, лес²⁴³. Все эти жертвы, сделанные своевременно, послужили краеугольным камнем для устройства Вос-

²⁴⁰ Там же. С. 537.

²⁴¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 37. Д. 280. Л. 13.

²⁴² Об учреждении мужского монастыря в урочище Мамайские Маджары // Кавказские епархиальные ведомости. 1885. С. 3.

²⁴³ См. например: Пожертвования в пользу церквей и новоучреждаемого монастыря // Кавказские епархиальные ведомости. 1880. С. 370–371.

кресенского монастыря. Тогда же под монастырь отошло 1305 десятин казенной земли с лугами и рощами, а также 50 десятин земли, пожертвованных армянским обществом Святого Креста. «С живой радостью, – писали армяне Владыке Герману, – мы принимаем близко к сердцу весть о том, что на землю эту выпал жребий воздвигнуть православный монастырь»²⁴⁴.

Первым настоятелем и строителем обители стал иеромонах Рувим. При нем строится небольшой деревянный храм во славу Живоносного Креста, каменная церковь во имя святого благоверного князя Михаила Тверского, братский корпус, хозяйственные постройки. Все это живописно раскинулось на равнинном берегу Кумы.

Новый настоятель – иеромонах Конон – управлял обителью более шести лет. При нем свершилось одно из самых памятных дел Ставропольской епархии – перенос из Твери в Воскресенский монастырь иконы Михаила Тверского с частицей святых его мощей. Первоначально святыня была доставлена в Ставрополь. Здесь, в специально изготовленном вызолоченном киоте, она была помещена в архиерейской домовой Сергиево-Германовской церкви вплоть до торжеств, посвященных 900-летию Крещения Руси. И лишь в июле 1888 г., после торжественной Литургии и молебна в храме Святого апостола Андрея Первозванного, святая икона с мощами крестным ходом, длившимся полтора месяца, была доставлена в Воскресенский монастырь.

В том же 1888 г. при настоятеле монастыря иеромонахе Платоне принимается решение построить новый храм в честь Преображения Господня. Проект храма, представляющий собой смесь византийского и готического стилей, стоимостью в 200 тысяч рублей серебром был выполнен известным ставропольским архитектором Н. Марченко. Стройка велась под наблюдением не менее известного ставропольско-

²⁴⁴ Предположение об основании мужского монастыря в Ставропольской губернии ... // Кавказские епархиальные ведомости. 1879. С. 537.

го губернского инженера Ф. Кнорре. Храм был теплым за счет двух калориферов системы Креля.

1 марта 1900 г., через двенадцать лет после закладки первого камня, храм был освидетельствован в акте приема известным ставропольским архитектором и инженером Григорием Кусковым: «...Сложен из жженого кирпича пополам с камнем, высотой в 60 аршин. Внутри храм производит чрезвычайно приятное впечатление своей законченностью и соразмерностью всех частей, обилием света, отсутствием каких-либо заграждений в форме пилонов, препятствующих молящимся видеть алтарную часть. Арки и колонны, на которых покоится главный купол весом в 21750 пудов, легки и эффектны. Размеры храма от западных ворот до восточной алтарной стены 44 аршина, от южных до северных – 34 /.../ Громадный, троечастный, идущий ломаной линией иконостас – работы местных мастеров, крупной рельефной резьбы, с изящными колоннами – почти сплошь покрыт червонным золотом. Он имеет пять ярусов с 81 иконой хорошей работы. Все иконы заключены в вызолоченные рамы. Вызолочены и многочисленные люстры храма, закліросные киоты, лампы, подсвечники... Поистине Дом Божий и Врата Небесные!»²⁴⁵

В правом приделе собора, посвященном князю-страстотерпцу, находилась икона святого благоверного князя Михаила Тверского с частицей его мощей, что привлекало в обитель массу богомольцев со всей России.

Последними настоятелями Воскресенского Мамай-Маджарского мужского монастыря были иеромонах Иннокентий и игумен Геннадий. Благодаря им, а также новым епископам Ставропольским Владимиру и Евгению были возведены настоятельный корпус, шесть новых каменных корпусов с кельями для братии, дом для посетителей обители, гостиница для именитых богомольцев, больница и церковно-приходская школа, кирпичный и винодельный заводы, мельница, сапожная и столярная мастерские, конюшни, базы, разбиты новые сады и виноградники.

²⁴⁵ ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 490. О постройке. Л. 9.

«Образцовые монастырские виноградники, – писали газеты тех лет, – лучшие способы изготовления и хранения монастырского вина служат школой для прикумских виноградарей. Обитель может сделать в этом направлении сущее благодеяние и для всего Северного Кавказа, в особенности для Ставропольской губернии и Кубанской области...»²⁴⁶.

В Воскресенский Мамай-Маджарский монастырь шли и шли люди, слыша за десятки верст голос его главного многопудового колокола, извещавшего об окончании дневных полевых работ и зовущего верующих на молитву. Потом голос этот умолк, ибо на обломках старого мира началось строительство призрачного социалистического общества.

В начале 1930-х гг. руки варваров дотянулись и до главной святыни монастыря – храма Преображения Господня, который был разобран, из его камня возведена в дальнейшем многострадальная Буденновская больница, подвергшаяся нападению чеченских боевиков во главе с Шамилем Басаевым 13 июня 1995 г. Автор находился в те страшные дни в городе Святого Креста – Буденновске и вместе с жителями пережил эту трагедию. Особенно тяжело было видеть выходивших из полуразрушенного здания больницы заложников – женщин, стариков, молодежь – после ухода банды Басаева.

²⁴⁶ Ставропольские губернские ведомости. 1906. № 13.

Свято-Георгиевская обитель

В 1879 г. отставной гвардейский подполковник Михаил Спиридонович Ласточкин приобрел 300 десятин пустынной земли у Курского канала от реки Терек вблизи станицы Государственной. Ветеран многочисленных сражений русско-турецких войн задумал на приобретенном участке организовать женскую общину для подготовки сестер милосердия. Но сначала отправился в Ставрополь, где получил от Епископа Германа благословение²⁴⁷.

Одновременно для устройства в общине церкви в честь святого великомученика и Победоносца Георгия Епископ Герман пожертвовал более двадцати икон, а также направил в создаваемую общину несколько монахинь из Ставропольского Иоанно-Мариинского монастыря, в прошлом сестер милосердия, которые и должны были научить этому искусству поступающих в общину женщин²⁴⁸.

Трудна была на первых порах жизнь сестер на новом пустынном месте, лишенном какого бы то ни было растительного покрова, притом и в плохом климате, ибо по Курскому каналу в то время была болотистая местность и окрестные жители болели лихорадкой. Но с помощью Божией трудности эти были побеждены.

Сестры возвели саманные кельи и такую же церковь Святого Георгия, куда был приглашен из станицы Государственной старенький священник, который из-за наплыва богомольцев из окружающих селений, тесноты церкви и своего преклонного возраста не в силах был совершать частое служение в храме и требы для богомольцев. И тогда Михаил Спиридонович Ласточкин вновь едет к Епископу Герману в Ставрополь, где обращается к Преосвященному с прошением о рукоположении в священный сан. Преосвященный благосклонно отнесся

²⁴⁷ Об учреждаемой в Терской области женской общине во имя святого великомученика Георгия Победоносца // Кавказские епархиальные ведомости. 1879. С. 550.

²⁴⁸ Приглашение к пожертвованию на построение храма во вновь учреждаемой Георгиевской женской иноческой обители // Кавказские епархиальные ведомости. 1881. С. 619–620.

к его просьбе и согласился на его посвящение, но только после вступления в брак. Михаил Спиридонович в Ставрополе же нашел себе невесту, женился, был рукоположен во священника и вернулся в общину²⁴⁹. С его приездом быстро началась постройка новой церкви на указанном Преосвященным Германом месте при деятельном участии сестер, число которых стало постепенно увеличиваться.

Вскоре община была преобразована в монастырь²⁵⁰. Старшая из всех монахинь Агафоника, постриженная в монашество еще в Ставрополе, в Иоанно-Мариинском монастыре, была возведена в сан игуменьи. Между тем и новый храм вскоре стал тесным, и тогда у начальницы монастыря и у отца Михаила зародилась мысль о строительстве большого каменного храма. Начали понемногу заготавливать кирпич, лес и прочее.

Но отцу Михаилу Бог не судил положить основание этого храма. От открытия полученной на войне при покорении Кавказа раны, оплакиваемый сестрами и окрестным населением, он скончался 9 октября 1900 г.

В 1903 г., уже при участии священника Павла Лаврова, началось строительство величественного кирпичного храма Рождества Пресвятой Богородицы, деньги на который пожертвовали соседи монастыря – А.Я. Бойко, Н.А. Корпушина, братья Бабкины, Мельниковы и другие. Пятикупольный, в византийском стиле, со славянским шатровым тамбуром, он поражал внутренним убранством, где многоярусный вызолоченный иконостас заливал солнечный свет.

После закрытия монастыря в 1920-е гг. здесь был устроен приют для беспризорных детей, а позже – спецшкола для трудновоспитуемых подростков. В 1928 г. храм Рождества Пресвятой Богородицы был разобран, а кирпич пошел на строительство больницы в ст. Со-

²⁴⁹ Два необычных ставленника во священники // Кавказские епархиальные ведомости. 1880. С. 770–772.

²⁵⁰ Указ Святейшего Синода от 4 апреля 1885 г. за № 1211 (Кавказские епархиальные ведомости. 1885. С. 347).

ветской (бывшей Государственной). В те же 1920-е гг. у стен бывшего монастыря начали размещаться переселенцы из Алагира, назвавшие вновь устроенный населенный пункт Горнозаводским в память о своей работе на горных рудниках Алагира.

В Горнозаводском долго жили последние насельники Свято-Георгиевского монастыря. У одной из них сохранились фотография Рождественского храма и фотография казачат, прибывших сюда на экскурсию вместе с атаманом Терского казачьего войска. Вот, пожалуй, и все, что нам напоминает об этой обители.

Казанская обитель в селе Винодельном

Еще один женский монастырь Ставропольской епархии возник в начале XX в. в селе Винодельном Благодарненского уезда (сегодня – город Ипатово). Село это было известно во всей губернии огромным казенным винным складом, который в канун XX в. полностью сгорел. Тогда же вся территория склада была куплена архиепископом Агафодором под устройство здесь женской общины. Об этом сохранилась запись, сделанная самим Владыкой: «В селе Винодельном Ставропольской губернии, на земле, приобретенной мною с высочайшего соизволения посредством покупки у Ставропольского акцизного общества с уцелевшими после пожара зданиями и усадьбой бывшего Виноделенского казенного винного склада за 10000 рублей серебром, задумал я открыть женскую общину. В 1909 г. Виноделенская Казанская женская община и была учреждена мною в молитвенную память обо мне, моих родителей – отце Флегонте и матери Евдокии, и в видах религиозного воздействия на местных жителей»²⁵¹.

На ремонт сохранившихся зданий и возведение новых кроме 10000 рублей серебром Владыкой Агафодором было потрачено еще 32000 рублей серебром, что было целым состоянием. Тогда же во главе общины им была назначена монахиня Раиса (в миру Александра Анисимова). Монахиня Раиса попала в Ставропольский женский Иоанно-Мариинский монастырь в 1870 г. Прошла послушание, была облачена в рясофор, пострижена в монахиню и в 1909 г. указом Ставропольской духовной консистории назначена настоятельницей вновь образованной Виноделенской женской общины. Здесь, как сообщают консисторские архивные дела, «много потрудились для благоустройства общины, обнаружив усердие и опытность в деле руководства жизнью насельниц общины»²⁵².

В октябре 1913 г. мать Раиса обратилась с прошением к Архиепископу Агафодору о преобразовании общины в общежительный мо-

²⁵¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 68. Д. 752. Со сведениями о монастырях. Л. 9.

²⁵² ГАСК. Ф. 135. Оп. 75. Д. 251. Формулярный список. Л. 5.

настырь: «По указу Ставропольской духовной консистории от 22 мая 1909 г. в числе 12 сестер милосердия приехали в село Винодельное Ставропольской губернии и 5 июля того же года заняли приобретенные на средства Вашего Высокопреосвященства здания, оставшиеся от бывшего в этом селе казенного винного склада. Тяжело нам было без своего храма. И мы прежде всего устроили домовую церковь, приспособив для нее два уцелевших помещения. В сентябре 1909 г. церковь эта была освящена в честь Казанской иконы Божией Матери. С того времени община наша стала именоваться Казанской.

В другом двухэтажном доме, нами отремонтированном, было устроено 26 келий для сестер. Надстроили еще один одноэтажный дом под 12 келий. Возвели строение для изготовления просфор, трапезную и прочие хозяйственные постройки. Устроили и конюшню с большим каретным сараем благодаря помощи окрестных жителей. И, наконец, в 1913 г. начали строить кирпичный соборный храм в честь святого мученика Агафодора по проекту и наблюдению известного ставропольского архитектора Владислава Эдуардовича Лабановского. Кстати, Лабановским в селе Винодельном на средства прихожан строится еще один Божий храм – в честь Рождества Пресвятой Богородицы»²⁵³.

В 1914 г. новый монастырский храм в честь Казанской иконы Божией Матери и святого Агафодора стоимостью в 63264 рубля серебром был окончательно отстроен. В том же году по указу Святейшего Синода и соизволению Государя Императора Николая II Виноделенская женская община была преобразована в женский общежительный монастырь с наименованием его Казанско-Агафодорским. Настоятельницей монастыря была определена монахиня Раиса. К тому времени в монастыре числились три монахини, шесть рясофорных и 61 послушница на испытании. Службы в храме проводил иеромонах Иаков, прибывший сюда из Владимирско-Андреевского братства при Андреевской церкви города Ставрополя.

Женский общежительный Казанский монастырь разделил в начале 1920-х гг. участь других обителей Ставропольской епархии.

²⁵³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 74. Д. 996. С отчетом настоятельницы. Л. 3 об.

ХРАМОЗДАТЕЛЬСТВО

Церковное строительство в кафедральном граде Ставрополе до учреждения епархии

Кафедральный град Ставрополь был основан в 1777 г. как одна из 10 крепостей Азово-Моздокской укрепленной линии, созданной по повелению Екатерины II для охраны границ Юга России и дорог, ведущих на Дон и Волгу. В том же году «крепость № 8» получает и свое, ставшее уже привычным, название – Ставрополь²⁵⁴.

Существует две версии происхождения этого названия. Согласно первой, оно происходит от найденного на одном из отрогов Кавказского хребта каменного креста. По второй версии, Ставрополь получил свое название от древнего греческого поселения на Каспийском море, где целая страна называлась Ставрополем. Временем основания крепости, а следовательно, и города считают дату 22 октября 1777 г., день, когда сюда прибыл Владимирский драгунский полк под командованием полковника Шульца. Постройка самой крепости производилась под руководством полковника Ладыженского в 1778–1780-х гг. В 1778 г. при крепости Ставрополь поселились казаки Хоперского казачьего полка. И скоро вокруг крепости и под ее защитой возникла слободка. В 1779 г. строительство городских укреплений инспектировал А.В. Суворов. К середине 1780-х гг. Ставрополь представлял собой ряд домов, хаотично выстроенных к юго-востоку от крепости. На северном склоне горы была расположена казачья станица. Население города к 1780 г. составляло 467 дворов.

Указом императрицы Екатерины II от 5 мая 1785 г. была учреждена Кавказская губерния с губернским городом Екатериноградом и шестью уездными городами, в числе которых был и Ставрополь. Но через

²⁵⁴ Ставрополь глазами современников. Ставрополь, 1976. С. 8–9.

пять лет, в 1790 г., недавно образованная губерния была упразднена, территория ее вошла в состав губернии Астраханской. За Ставрополем же надолго закрепился статус уездного города.

Каков был уездный город Ставрополь, трудно судить на основании воспоминаний. Для генерала Раевского в 1826 г. «Ставрополь – уездный город на высоком и приятном месте и лучшем для здоровья жителей всей Кавказской губернии. В нем нашел я каменные казенные и купеческие дома, сады плодовые и немалое количество обитателей...»²⁵⁵. В то же время посетивший будущий центр епархии шестью годами позже полковник Денис Давыдов пишет: «Ставрополь – город не совсем красивый и довольно грязный, несмотря на то, что лежит на некотором возвышении...»²⁵⁶.

Согласно изысканиям Епископа Иеремии, первым храмом в Ставрополе был храм Владимирского Драгунского полка. «Он находился в крепости, бывшей на одном из предгорий Кавказа, где ныне возвышается Казанский собор»²⁵⁷. Если говорить о более точном его местонахождении, то из не сохранившихся на сегодняшний день, но приводимых дореволюционными историками документов следует, что находился он «во дворе интендантства». В честь какого святого или праздника он был освящен, неизвестно.

В 1917 г. была издана книга С. Колмакова «Крепостная церковь в г. Ставрополе»²⁵⁸, в которой описывается история этого первого городского храма. По мнению автора, церковь за 37 лет трижды меняла свое

²⁵⁵ Ставрополь глазами современников. Ставрополь, 1976. С. 16.

²⁵⁶ Там же. С. 17.

²⁵⁷ *Иеремия (Соловьев), епископ*. Исторические сведения о святых храмах города Ставрополя // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. С. 265 и след.

²⁵⁸ Книга эта интересна и сама по себе, и как образец почти векового развития церковной историографии на Кавказе. Как таковая она содержит в себе много полемических моментов, например: «К сожалению, неизвестно, где находится теперь приводимый Бентковским [известный краевед XIX в. – Прот. П. С.] документ, а потому нельзя и проверить точность этой выдержки; такая проверка желательна потому, что в статьях этого автора досадные погрешности в цитации встречаются довольно часто, в чем приходится убеждаться при сличении приводимых им имен и хронологических данных с подлинными документами».

местоположение. Выстроенная в 1780 г., по приказанию полковника Беклешова в 1793 г., она была перестроена и снесена на другое место.

Куда именно была перенесена церковь, где она находилась около 16 лет (с 1793 по 1809 г.), как и то, где она пребывала с 1809 по 1817 г., неизвестно. В 1817 г. церковь перевезли в Георгиевск. Но еще ранее, в 1810 или 1811 г., Таганрогский полк, уходя из Ставрополя в поход, забрал с собой ее иконостас. И потому с этого времени и до момента перенесения в Георгиевск храм стоял закрытым²⁵⁹.

В церковной ограде хоронили военачальников, погибших или умерших от ран в Кавказской войне. В начале XX в. был вскрыт склеп, находившийся на церковном кладбище, недалеко от самой крепостной церкви. Есть предположение, что останки, обнаруженные в нем, могли принадлежать полковнику Лодыженскому – строителю Ставропольской крепости. Мнение это тем более представляется обоснованным, что захороненный здесь человек был одет в парадную военную форму полковника покроя второй половины XVIII в.

Кавказская губерния была вновь учреждена в 1802 г. в составе пяти уездов с центром в Георгиевске. В том же году житель этого города купец Гавриил Шукаев подал на имя губернатора Малиновского прошение следующего содержания: «Известился я, что здешнее военное начальство, по неимению при городском кладбище здесь, в Георгиевске, за форштадтом состоящее, молитвенного храма, уступает принадлежавшую прежде сего Таганрогскому Драгунскому полку и ныне состоящую внутри Ставропольской крепости деревянную церковь, которую из особенного усердия имею желание перевести сюды собственным коштом, на что и осмеливаюсь испросить от Вашего Превосходительства соизволения»²⁶⁰. Губернатор обратился к Высокопреосвященнейшему Гаю, Архиепископу Астраханскому, и к Командующему на линии генералу Ивану Петровичу Дельпоццо – против перенесения храма они не возражали. В мае губернатор Малиновский

²⁵⁹ См. указанные сочинения Преосвященного Иереи и Колмакова, а также «Путеводитель по городу Ставрополю» Г.Н. Прозрителева.

²⁶⁰ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 177. По прошению купца Гаврилы Шукаева.

составляет отношение обер-прокурору князю Голицыну, и осенью следует Высочайшее повеление о переносе церкви. Все формальности были соблюдены. Но тут переносу церкви стали чинить препятствия хоперские казаки²⁶¹, и лишь благодаря вмешательству генерала Дельпоццо конфликт с казаками был разрешен.

Но перенос церкви опять не состоялся. Произошло следующее: в Ставрополь прибыл с целью покупки лошадей ротмистр Таганрогского драгунского полка Ильяшенков. Командир полка поручил ему предъявить свои претензии на церковь. От имени губернатора ротмистру было заявлено, что церковь переносится по Высочайшему соизволению Государя Императора. Тем это дело и закончилось. И весной 1817 г. церковь была безвозмездно передана жителям Георгиевска.

Около 1780 г., одновременно с постройкой крепостной церкви, строилась церковь и в казачьей станице. Ее престол был освящен в честь святого Великомученика Георгия. В уже упоминавшейся нами книге С. Колмакова тому свидетельством приводятся два документа. Первый датирован 12 июня 1786 г., в нем имеются такие строки: «К присяге приводил Хоперского полку церкви Великомученика Георгия священник Тимофей Игнатов»²⁶². Во втором документе (от 13 февраля 1790 г.) говорится о поимке «явившегося в покраже Ставропольской станице в церкви святого Георгия церковных разных серебряных и прочих вещей и обличившагося к злодеянию приказчика Черновского»²⁶³.

Эта первая казачья церковь, строившаяся на скорую руку, очень быстро пришла в ветхое состояние, из-за чего возникла необходимость в постройке новой церкви. Из записок Епископа Иеремии мы узнаем, что новая церковь была построена в 1795 г. усилиями ставропольского купечества и казаков. Освящена она была в честь Казанской иконы Божией Матери. В храме находилась икона Божией Матери древнего письма, список с которой позже пребывал в Казанском кафедральном соборе.

²⁶¹ Об этом есть упоминание и в «Истории Хоперского полка» (Ставрополь, 1991).

²⁶² Цит по: Колмаков С. Крепостная церковь в городе Ставрополе. С. 18.

²⁶³ Там же. С. 19.

В 1825 г. казаки были переведены из Ставрополя в станицу Карантинную (будущую Суворовскую), и по поводу переноса церкви между горожанами и казаками вновь возникла тяжба, длившаяся на этот раз 13 лет. Разрешение конфликта последовало лишь в 1838 г. в пользу казаков.

Вот как описывается перенос церкви в записках Преосвященного Иеремии: «По состоявшемуся соглашению утварь церковная представлена была гражданам, а здание и святые иконы – казакам. Очевидцы этого события рассказывали, что горожане скорбели и плакали плачем, подобным плачу иудеев о пленении кивота Господня, а казаки ликовали и радовались радости пророка Давида о перенесении скинии из Силоама в Иерусалим. Все вещи, несмотря на тяжесть их и немалое пространство (около 100 верст), несены были казаками, их женами и детьми на руках: а граждане далеко сопровождали драгоценную святыню. Утварь, доставшаяся гражданам, была передана в Спасский храм»²⁶⁴.

В станице Суворовской церковь простояла почти до конца века; погибла она от пожара в 1893 г. Вместе с храмом, очевидно, сгорела и древняя икона. А в Ставрополе на месте, где находился престол храма, в том же году купцом Игнатом Волобуевым была поставлена деревянная часовня.

В 1795 г. горожане решили построить церковь на собственные приношения и пожертвования, без участия казаков. Ставропольское купеческое и мещанское общество главным попечителем строительства назначило городского главу И.П. Волкова, чтобы изыскать необходимые на строительство средств, решено было организовать в Ставрополе две ярмарки. На имя Астраханского губернатора было написано прошение, и вскоре от него последовало разрешение на открытие ярмарок. Вместе с тем 7 февраля 1795 г. Ставропольское купеческое и мещанское общество постановило начать строительство церкви во имя Живоначальной и Нераздельной Троицы на ме-

²⁶⁴ Иеремия (Соловьев), епископ. Исторические сведения о святых храмах города Ставрополя // Кавказские епархиальные ведомости. 1873. С. 266.

щанском форштадте (так в то время именовался район нынешнего Нижнего рынка), между купеческих торговых лавок, от крепости в 225 саженьях, на удобном месте.

14 марта 1795 г. было подано прошение епископу Моздокскому и Маджарскому Гаю, в котором от лица попечительского совета сообщалось о том, что «в Ставрополе имеется купеческого, мещанского и другого звания людей более двухсот домов, мужеска и женска пола душ сот до семи, церкви же в означенном городе не имеется, только состоит церковь Хоперского казачьего полка в Ставропольской станице. Через таковое неимение в форштадте для купеческого и мещанского обществ церкви оное общество в их домашних нуждах и потребностях недостаток, потому просили о построении в городе Ставрополе в форштадте во имя Живоначальныя и Нераздельныя Троицы церкви»²⁶⁵.

Преосвященный Гай, в свою очередь, обратился к Кавказскому губернатору И.В. Гудовичу с просьбой о выделении необходимого количества земли для строителей церкви.

17 июля 1795 г. в своем ответном письме Губернатор сообщал: «...если Вашим Преосвященством построение означенной церкви признано будет за необходимое, то положенное по закону священно и церковнослужителям число десятин земли отведено будет»²⁶⁶. Указом от 31 октября 1795 г. Кавказское Наместническое правление предписало уездному землемеру Костылеву отвести церковнослужителям вновь строящейся в Ставрополе церкви во имя Святой Троицы земли. Еще ранее, по указу Консистории от 25 сентября 1795 г., была получена храмоздательная грамота, разрешающая постройку.

Менее чем через год церковь была выстроена, и городское общество через епархиального благочинного, священника Петра Тимофеева уже 26 августа 1796 г. ходатайствовало о ее освящении. 29 сентября 1796 г. Преосвященный Гай со штатом Архиерейского дома и хором прибыл в Ставрополь и освятил храм во имя Святой Троицы.

²⁶⁵ Там же. С. 267.

²⁶⁶ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 841. О переписке с Духовной консисторией. Л. 23.

Но поспешность, с которой возводился храм, не могла не сказаться на качестве производимых при строительстве работ. Убранство его было довольно скудным, иконостас полотняным. К тому же и размеры храма были весьма невелики. Все это привело к тому, что недавно выстроенная церковь вскоре уже не могла удовлетворить потребностей быстро растущего населения города. В августе 1798 г. от прихожан Троицкой церкви на имя Епископа Гаия было подано прошение о пристройке двух деревянных приделов. 25 сентября церковной и городской властью было дано разрешение на производство работ. И уже 2 апреля 1799 г. благочинный священник Петр Тимофеев в докладной записке сообщал Преосвященному, что работа близка к завершению, и ходатайствовал о возможности расширения алтаря. 6 апреля это разрешение было получено, и до 30 апреля все работы были выполнены.

С возведением Троицкого собора вновь участились конфликты между горожанами и казаками. Г.Н. Прозрителев в статье «К 125-летию города Ставрополя» писал: «Архив наш сохранил споры духовенства той и другой церкви между собою из-за совершения треб. Духовенство Троицкого собора неоднократно жаловалось в Консисторию на то, что причт казачьей церкви совершает требы между городскими жителями и тем уменьшает их доходы. Были случаи личного столкновения между собою... Дело в том, что долговременное совместное сожительство городских мещан с казаками породило родственные и дружеские отношения между ними, что имело значение и для духовенства казачьей станицы. В силу тех или других причин это духовенство приглашали к себе горожане, обращаясь к ним как к более доступным, нежели «соброряне», и за требами. Вот тут и начинались недоразумения и пререкания. А так как духовенство казачьей церкви было в ведении военного начальства, то оно имело у себя значительную поддержку»²⁶⁷.

До 1799 г. в Ставрополе не было ни одного каменного дома. Все постройки были деревянными, материал для них находили в окрестных лесах. Но к началу XIX в. стал остро ощущаться дефицит строевого

²⁶⁷ Прозрителев Г.Н. История города Ставрополя. Рукопись из архива Г.А. Беликова.

леса. Нужда заставила жителей обратиться к другому строительному материалу – известковому ракушечнику, которым изобиловали окрестности Ставрополя. Городской глава Илья Волков в 1799 г. первым начал постройку каменного дома (сохранился до наших дней). С постройкой первого каменного дома возникла мысль и о постройке каменной церкви – первой на Северном Кавказе (если не считать древних храмов Аланского государства в долине реки Зеленчук).

Благочинный Троицкого собора, протоиерей Илья Тимофеев, в своем письме от 21 июня 1800 г. Ставропольскому городничему, титулярному советнику Зервальду, писал: «Астраханская духовная консистория / ... / предписала мне понудить жителей Ставропольского уезда и священников тех селений, которые не имеют выстроенных церквей и отправляют в молитвенных домах и часовнях священнослужение, дабы присылали к Высокопреосвященнейшему Платону, архиепископу Астраханскому и Моздокскому, о дозволении строить у них церкви через доверенных прошения, и старались бы вообще построить оные через год непременно; так как в Ставрополе церковь, хотя и не в давнем времени выстроена, но весьма непрочным делом, так что в рассуждении пристройки к оной приделов подвержена опасности к скорому падению и от случающихся в зимнее время метелей проходит сквозь стены снег, в летнее время бывает от дождей всякая течь, так что важнейшие церковные вещи: престол и антиминс, и все церковные утвари из парчи – часто бывают намоченными, что весьма противно церковным правилам и государственным узаконениям; в том случае вследствие помянутого указа сообщая вам и прошу города Ставрополя жителей, долженствующих быть в приходе Троицкого собора, понудить к выстройке вновь прочнейшей церкви; в случае же их к тому несогласия, то, по данной мне благочиннической инструкции, в рассуждение непрочности о запрещении священнослужения в оной церкви, не премину представить его Высокопреосвященству Платону, что последует к вящему всех здешних прихожан неудобству»²⁶⁸.

²⁶⁸ Прозрителев Г.Н. История города Ставрополя. Рукопись из архива Г.А. Беликова.

12 августа 1800 г. обыватели Ставрополя в числе 18 купцов и 24 мещан, бывших в Общественном собрании при прочтении письма благочинного, постановили: «На месте состоящей в Ставрополе на мещанском форштадте деревянной соборной Святой Троицы церкви выстроить желаем каменным зданием, пока он созижден будет, ту деревянную, дабы течи не могло быть, также и другую ветхость должны исправить лучшею прочностью»²⁶⁹.

Однако столь благочестивое желание жителей исполнилось не скоро. Новый собор был освящен лишь в 1817 г. Медлительность в постройке происходила от многих причин, более всего от интриг и необходимости соблюдения множества бюрократических формальностей.

12 февраля 1801 г. приговором купечества и мещан избраны для сбора добровольных пожертвований на вновь строящийся каменный собор купцы: Никита Деревенщиков и Василий Полежаев; попечителями постройки были назначены купцы: Моисей Ефремов и Гордей Анненков. 14 июня 1801 г. Высокопреосвященнейшему Платону Гордеем Анненковым было подано прошение о разрешении строительства каменного собора вместо деревянного и о выдаче книги для регистрации сбора пожертвований с Астраханской, Воронежской и Новороссийской губерний. Сбор пожертвований, по-видимому, шел успешно. 29 июля 1804 г. поверенный Ставропольского городского общества купец Ефремов писал Архиепископу Платону, что на сооружение здания собора приобретено уже достаточное количество строительного материала и имеется уже договоренность с мастерами. В связи с этим он просил Владыку Платона освятить место строительства собора. 13 августа 1804 г. Преосвященным была выдана храмовладельческая грамота и в сослужении духовенства им было торжественно освящено место закладки храма.

Но строительство не было начато ни в этом, ни в ближайшие годы. Произошло следующее: городское общество хотело доверить подряд

²⁶⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 175. Ведомости о церквях и белом духовенстве по Кавказской области. Л. 31 об.

на строительство купцу Акиму Чернову за 13300 рублей, городской голова Илья Волков, поддерживаемый двумя братьями, протоиереями Ильею и Петром Тимофеевыми, – Феодору Леденеву за 12900 рублей, тем более что Леденев считался человеком, знающим архитектуру, Чернов был совсем неграмотный. В дело вмешалась полиция. Городничий Зервальд в августе 1805 г. доносил губернскому правлению, что купец Феодор Леденев при сборе Общества рядился построить каменную церковь Святой Троицы за 12900 рублей, но окончательно не торговался, и магистрат без переторжки отдал постройку церкви Акиму Чернову. По этому рапорту началось расследование, в ходе которого было установлено, что деньги, собранные на строительство, расходовались и на другие общественные нужды.

В 1806 г. соборный протоиерей Илья Тимофеев писал в магистрат письмо, в котором напоминал о том, что «еще 25 августа 1804 г. последовал указ бывшего Астраханского архиепископа Платона /.../, коим предписано было ему (Тимофееву), по желанию общества, в том же 1804 г., в августе месяце, посвятить место, где имеет быть выстроена каменная церковь Святой Троицы вместо существующей деревянной, которая пришла уже в такую ветхость, что грозит падением, чего (он) до сих пор не исполнил, хотя неоднократно обращался о том с просьбою к бывшему городскому голове купцу Волкову. Почему он и просит ускорить дело и приступить к постройке церкви, так как заготовленный в достаточном количестве материал приходит в ущерб»²⁷⁰.

Между тем постройка собора была начата только в 1808 г., но за один год была уже доведена до сводов. 18 мая 1808 г. городская Дума постановила: «На постройку собора с каждой наличной души купцов и мещан собирать по десяти аршинных тесаных камней и по одной четверти известки, если кто не вывезет, то на его счет нанимать с платою по три копейки за камень и по 20 копеек за четверть известки»²⁷¹. В том же году 3 августа купеческое и мещанское общество согласилось, что-

²⁷⁰ Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 6. 1910. № 49.

²⁷¹ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2491. Переписка с Кавказской палатой государственных имуществ. Л. 24 об.

бы на вновь строящийся собор (именно: на алтарь, притвор, нижние полы и потолки) купить соснового леса и полосового железа для связки на деньги, которые будут собраны с общества. Сверх того на купол и дополнительные нужды разрешено было вырубить лес в казенном лесу. Попечителем строительств был назначен купец Моисей Ефремов.

2 августа 1812 г. Архиепископу Астраханскому доносили, что каменная церковь хотя и сооружена, но в единственном только корпусе одних стен, и к совершению божественной службы не исправна. Говорилось также о необходимости покрытия крыши железом, оштукатуривании самого здания как снаружи, так и изнутри. Только 17 августа 1817 г. благочинный Троицкого собора священник Евграф Образцов сообщил Преосвященному, что собор каменным зданием окончен и просил освятить его. Иконостас и всю церковную утварь перенесли из старого деревянного собора. 25 сентября 1817 г. протоиерею Илье Тимофееву разрешено было освятить новый каменный собор во имя Святой и Живоначальной Троицы на прежнем антиминсе и об основании донести. Но донесения этого в архиве не сохранилось, поэтому точно установить день освящения собора представляется невозможным.

Новый собор отличала простота внешних форм, как можно судить об этом по сохранившимся фотографиям. Четверик храма служил основанием восьмигранного барабана, венчаемого полусферическим куполом. С восточной стороны в пониженной пристройке находился алтарь. С западной – прямоугольный притвор, над которым, согласно русской традиции, берущей начало еще в XV–XVI вв., возвышалась колокольня, повторявшая формы центрального купола. С постройкой приделов храм приобрел форму правильного креста. Троицкий собор был первым каменным храмом в губернии. Деревянный храм в том же, 1817 г., за надлежащее вознаграждение был уступлен прихожанам станции Успенской. На том месте, где находился его престол, был установлен каменный крест.

Купцом Моисеем Ефремовым на строительство собора с 21 февраля 1809 г. по 1 марта 1819 г. была собрана весьма значительная сумма денег. Он долгое время оставался попечителем храма. На вечную па-

мать о рабе Божиим Моисее и признательность за его нелегкие труды в алтаре собора в 1844 г. была поставлена икона пророка Моисея (небесного покровителя купца Ефремова)²⁷².

В то время когда еще продолжалось возведение каменного собора, произошло следующее: помещик Калужской губернии Андрей Семенович Богданов, возвращаясь с лечения на Кавказских Минеральных водах, умер 12 февраля 1816 г. в Ставрополе. По духовному завещанию им жертвовалось 10000 рублей на устройство иконостаса в новом храме. За счет доходов с двух ярмарок – Троицкой и Ивановской – и значительных пожертвований купцов И. Волобуева и К. Чернова сумма эта к 1824 г. составила уже 32071 рубль.

Купец Никита Плотников, по поручению Ставропольского купеческого и мещанского общества, в марте 1820 г. заключил в Москве договор с мастером позолотного дела Аполлоном Башкаревым, согласно которому Башкарев обязался выполнить из своих материалов всю столярную и позолотную работу за год. Для различных иконостасных работ Плотников нанял в Арзамасе мещанина Климента Ласкина. К указанному сроку все работы были выполнены, и иконостас был установлен.

За такое похвальное усердие и деятельность в благолепном украшении нового храма Высокопреосвященнейший Платон, архиепископ Астраханский и Владикавказский, преподал Ставропольскому обществу и его выборному купцу Никите Плотникову свое архипастырское благословение.

В Троицком соборе находилась и главная святыня города – список с Афонской Иверской иконы Божией Матери, почитаемый народом как чудотворный. Этот образ очень почитался жителями города. В первое воскресенье после праздника Святой Троицы, в Неделю Всех святых, Иверская икона из Троицкого собора крестным ходом доставлялась в Иоанно-Мариинский монастырь, затем – в храм святого апостола Андрея Первозванного. За счет добровольных пожерт-

²⁷² ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2491. Переписка с Кавказской палатой государственных имуществ. Л. 24 об.

ований для иконы был сделан жемчужный оклад. В 1930-е гг., когда был разрушен собор, этот оклад был утрачен. Чудом уцелевшая икона попала в церковь Успения Божией Матери. В 1950-е гг. по благословению Митрополита Антония (Романовского) трудами монахинь и прихожан Успенской церкви на Иверскую икону был вышит новый оклад, но уже из бисера.

Ставрополь рос, население быстро увеличивалось, и вскоре этот соборный храм стал тесен. Возникла необходимость в построении приделов. Один из них, в честь преподобного Сергия Радонежского, был сооружен усердием и денежными пожертвованиями Игната Волобуева по благословению Архиепископа Новочеркасского и Георгиевского Афанасия, который в 1830 году лично обозревал церкви Кавказского края и был в Ставрополе. 4 декабря 1830 года этот придел был освящен священником Тимофеевым (Ильей или Петром – неизвестно). При постройке этого придела произошел случай, свидетельствовавший о благочестивой ревности купца Волобуева.

Когда мастера начали пробивать стены собора, появились люди, которые попытались силой административной власти остановить работы под тем предлогом, что они угрожают безопасности здания. Мастер и рабочие уверяли их в обратном, но их доводы не возымели действия. Видя непреклонность спорящих сторон, И. Волобуев велел все-таки продолжать работу, категорично при этом заявив: «Если (что, надеюсь, не произойдет) завалится, сооружу с Божией помощью новый»²⁷³. Второй придел – в честь Святителя Николая – был построен усердием граждан в 1831 г. и освящен в 1832 г.

В 1839 г. сызранский купец третьей гильдии Александр Сергеевич Сергеев пожертвовал в Троицкий собор огромный колокол. «Проживая на Кавказе постоянно, – писал он в своем прошении, – более шести лет по части питейного округа, я давно уже имел благое намерение принести в жертву в здешнюю Троицкую соборную церковь колокол

²⁷³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 167. О дозволении Ставропольскому почетному гражданину Игнату Волобуеву устроить церковь на находящемся в г. Ставрополе за зданием военного госпиталя кладбище и огородить оное.

/.../ весом в 102 пуда, девятнадцать фунтов и ценою с доставкой в Ставрополь и поднятием и подвескою на колокольную по пятидесяти рублей и язык в четыре пуда по пятнадцати рублей за пуд, всего на сумму 5183 рубля, 75 копеек»²⁷⁴.

Этим же купцом через два года вокруг собора была устроена ограда. В его прошении в Ставропольское духовное правление говорилось: «От усердия моего давно уже я имею желание построить на свой счет вокруг Ставропольского Троицкого собора на каменном фундаменте с таковыми же столбами с деревянною решеткою и воротами ограду»²⁷⁵.

В октябре 1837 г. в Ставрополе побывал император Николай I. Сразу же после посещения города Императором у знаменитого источника Карабинки была устроена часовня, первая в истории города. Это было небольшое деревянное строение с железной кровлей. В часовне находилась икона Святителя Николая. Потому и часовня именовалась Николаевской. Карабинский источник удовлетворял потребности в воде почти всего населения Ставрополя. По чистоте и легкости карабинская вода была самой лучшей в городе. В 1851 году в часовне купцом Ермоловым был сделан капитальный ремонт, у иконы была возжена неугасимая лампада. По инициативе Ермолова был назначен священник, который по великим праздникам и воскресным дням совершал здесь богослужения, что было большой радостью и утешением для жителей Мамайки, которые не имели собственного храма и вынуждены были ходить к богослужению за 5–6 верст. В 1870-х гг. эта часовня, по причине ветхости, была разобрана.

К концу 1830-х гг. в Ставрополе вновь, несмотря на значительное расширение Троицкого собора, стал ощущаться недостаток в храмах. В 1838 г. купцом Игнатом Волобуевым в Гостином ряду в срединной верхней палате был устроен храм во имя Всемилоственного Спаса. В просторечии храм именовался Рядской церковью. Под новоустроен-

²⁷⁴ Сборник сведений о Северном Кавказе. 1868.

²⁷⁵ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 252. О рассмотрении проектов церковных построек. Л. 3.

ным храмом на первом этаже изначально располагались лавки, принадлежащие другим купцам; поэтому Волобуев во избежание возможных конфликтов с их владельцами приобретает и эти лавки. Документально это было оформлено следующим образом: «Лета тысяча восемьсот сорок второго, декабря в тридцать первый день, ставропольский мещанин Иван Васильевич Сонников продал почетному гражданину первой гильдии купеческому сыну Ивану Игнатьеву Волобуеву собственную свою каменную лавку с верхним этажом, занимаемым ныне церковью, и с находящеюся под нею землею, состоящую Кавказской области в городе Ставрополе, в большом гостином ряду под № 30, за которую лавку взял я, Сонников, с него Волобуева по договору денег серебром 1142 рубля и 85 и пять седьмых копеек»²⁷⁶. Позже эту церковь Игнат Волобуев подарил городу; следует отметить, что благотворительность в те времен была широко распространенным явлением. Представители всех сословий радели о благолепии храмов, монастырей, благосостоянии церковнослужителей.

²⁷⁶ Ставропольские епархиальные ведомости. 1906. № 12.

Казанский кафедральный собор и приходские храмы

Несмотря на построенный в XVII в. Троицкий собор, в городе к началу XIX в. стала особенно остро ощущаться нехватка храмов, что в первую очередь было связано с увеличившейся численностью жителей.

Существование казачьей церкви отчасти восполняло этот недостаток, но с перенесением ее в станицу Суворовскую положение ухудшилось. И еще в 1816 г. горожане в память избавления города от эпидемии чумы решили построить церковь во имя Святителя Николая на будущей Соборной горе. Но ходатайство жителей о ее постройке приняло благоприятный оборот только в 1839 г.

С перемещением казачьей станицы из г. Ставрополя намерения жителей относительно места и названия будущего храма изменились. Его решено было построить на том же месте, где прежде стояла казачья церковь. И назвать ее так же, как и прежнюю, – в честь Казанской иконы Божией Матери.

15 февраля 1839 г. Святейшим Синодом была разрешена постройка храма, и 25 мая того же года Городскому обществу был возвращен утвержденный Синодом проект постройки. Но к этому времени, и уже окончательно, взгляды жителей на место постройки храма переменились. Для горожан была очевидна недостаточная вместимость проектируемого храма, обнаружились также и недостатки места строительства в низине. В ноябре 1841 г. они пишут новое ходатайство, в котором просят разрешения расширить храм двумя приделами и указывают на неудобства места внизу, где ранее стояла казачья церковь. В ходатайстве говорилось, что «/.../ с ходатайства Градской Думы от имени их общества по представлении Новочеркасской духовной консистории Святейший Правительствующий Синод разрешил построить в городе Ставрополе церковь по составленным комиссией проектам /.../ построение церкви еще поныне не начато по обстоятельствам дел сих обществ, что место, на котором существовала свезенная казаками цер-

ковъ, по тесноте своей, грязному в низменности положению неудобно к построению по утвержденным планам и фасаду великолепного храма и отстроить оное от Святаго Троицкого собора ближе 100 сажень, чем самым устроение на оном церкви не принесет существенной пользы отдаленным прихожанам /.../ по тому, в отвращение всех объясненных неудобств для доставления всем вообще жителям и других отдаленных мест от собора лучшего удобства приходить в храмы для богомолья а вместе с тем ради увековечения священной памяти посещения города Ставрополя Всеавгустейшим Монархом в 1837 году октября 16 числа /.../ и самого ради украшения города, общество купеческое, мещанское положили: предоставить Градской Думе испросить от местного главного начальства разрешения на постройку церкви во имя Казанския Божия Матери на том месте, которое избрано под постройку храма во имя Святителя Николая /.../»²⁷⁷.

На этот раз ходатайство городского общества было более удачным, на его сторону стал окружной начальник полковник Масловский, который в своем представлении начальнику Кавказской области П.Х. Граббе от 18 ноября 1841 г. просил удовлетворить желание общества, говоря, что выбор места был утвержден начальством и что местные дворяне и чиновники тоже одобрили этот выбор. Павел Христианович Граббе с полным пониманием отнесся к этому делу и сразу же отправил ходатайство общества вместе с личным письмом Архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию, в ведении которого находилась тогда Кавказская область. В своем письме он говорил, что «избранное обществом место на горе, между Гостиным рядом и комиссариатскими зданиями по положению своему есть самое благоприличное для храма и к допущению на нем постройки препятствий не встречается»²⁷⁸. Граббе также писал, что готов лично ходатайствовать об этом деле в Петербурге, и просил на это согласия и благословения Преосвященного. К письму прилагался также и но-

²⁷⁷ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2491. Переписка с Кавказской палатой государственных имуществ. Л. 33.

²⁷⁸ ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1394. Книга входящих бумаг. Л. 7.

вый проект храма, составленный известным художником Дурновым по желанию общества.

Архиепископ Афанасий в ответном письме от 28 ноября говорил, что он лично согласен на сооружение церкви в означенном месте по новому проекту, но до отмены прежнего решения Святейшего Синода он благословения на закладку дать не может, но вполне одобряет личное ходатайство Граббе в Петербурге. Также он лично ходатайствовал в Синод об этом деле.

Энергично взявшись за решение этого дела, он воспользовался своим пребыванием в Петербурге для личного ходатайства перед графом Протасовым, которому подал записку с подробным изложением обстоятельств дела. Обер-прокурор, в свою очередь, доложил о нем Государю, от которого последовало Высочайшее соизволение, с одной лишь оговоркой, чтобы переделка фасада была поручена архитекторам Брюллову или А. Тону.

Сделано это было потому, что Государь радел о восстановлении древнего русско-византийского стиля, который к этому времени был утрачен в храмовой архитектуре России. Его возобновление в начале 1840-х гг. было связано с именами Брюллова, братьев А. и К. Тонов. По проектам последнего были возведены храм Христа Спасителя в Москве, кафедральный собор в Ростове, Спасский храм в Пятигорске и другие.

24 мая 1842 г. Ставропольскому обществу было объявлено о том, что проект, измененный и доработанный профессором Академии художеств Александром Тоном, утвержден Государем. Обществу также предлагалось организовать строительный комитет и представить приговор об этом.

Уже 11 июля 1842 г. от Архиепископа Афанасия была получена храмоздательная грамота, в которой говорилось: «Божиею Милостию Смиренный Афанасий Архиепископ Новочеркасский и Георгиевский. По указу из Святейшего Правительствующего Синода и по власти, данной нам от великого Архиерея Нашего Господа Иисуса Христа, благословляем мы, по прошению паствы нашей Кавказской Области города

Ставрополя, прихожан соорудить в сем городе каменным зданием во имя Казанския Божия Матери /.../ новую церковь»²⁷⁹.

Но ревностно взявшемуся за это дело П.Х. Граббе не пришлось увидеть его осуществления, по причине перевода его на другое место службы. Вместо него 19 мая 1843 г. в управление областью вступил генерал-лейтенант Гурко. Он распорядился о том, чтобы все попечения о строительстве нового храма были возложены на городское общество, которое, однако, не в состоянии было самостоятельно осуществить постройку храма. Вследствие этого в течение почти полугода не было никаких подвижек в строительстве. С учреждением в Кавказской области отдельной епархии дело о постройке храма перешло в ведение Духовного ведомства. Обеспокоенный замедлением реализации этого дела Преосвященный Иеремия обратился к Гурко с просьбой назначить окружного начальника Масловского попечителем строительства. 18 июня Гурко уведомил Преосвященного, что «/.../ разрешает полковнику Масловскому заняться столь богоугодным делом, как дело постройки церкви». Городское общество, в свою очередь, назначает купца Корнея Чернова помощником Масловскому.

В июне того же года архитектором Бернштейном было произведено освидетельствование места предполагаемого строительства, по результатам которого 22 июня был составлен подписанный членами строительной комиссии акт. В акте говорилось, что «/.../ под верхним наносным слоем находится пласт песчано-глиняной земли, по наклонному положению этого слоя, расстояние его от разных точек поверхности места изменяется от полутора до трех аршин, крепость и толщина означенного пласта позволяют основать на нем самые грузные строения и потому значительных осадков, чрез которые могло бы сделаться повреждение строения, как местных, так и общих при правильном устройении фундамента быть не может /.../»²⁸⁰.

²⁷⁹ Прозрителев Г.Н. Казанский кафедральный собор. Ставрополь, 1910. С. 13.

²⁸⁰ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2491. Переписка с Кавказской палатой государственных имуществ. Л. 40.

Ободренное этим заключением комиссии Ставропольское городское общество представило Преосвященному свой приговор, согласно которому оно обязывалось на постройку собора « /.../ собрать в течение будущих трех лет с каждого капитала купцов первой гильдии по 60 руб., второй гильдии – по 40 руб., а третьей гильдии – по 30 руб. серебром, с мещан же с каждого рубля, следующего в платеж казенных податей и прочих общественных повинностей, по 20 коп. серебром»²⁸¹.

Усердие горожан, таким образом, не только не ослабевало, но, наоборот, увеличивалось. Так, градской голова Никита Плотников в память об умершем сыне пожертвовал на строительство собора 1000 рублей, на кладбищенский Успенский храм 500 рублей, а также 3000 рублей на счет городской казны, из которых половина предназначалась на постройку того же собора. Сергей Лунев на устройство иконостаса пожертвовал 12000 рублей. От графини А.А. Орловой-Чесменской поступило 9000 рублей серебром²⁸². Офицеры Тенгинского полка, расквартированного в Ставрополе, провели подписку для сбора пожертвований.

Наконец 8 июля Преосвященным было совершено торжественное освящение места закладки храма в присутствии едва ли не всего города. Главным управляющим в надзоре за строительством 26 августа строительным комитетом был назначен архитектор Бернштейн. По отъезде последнего 28 июня 1844 г. строительной комиссией на его место был назначен помощник архитектора Славянский, а вскоре его сменил на этом посту Григорий Ткаченко.

Строительство собора было окончено летом 1847 г. 20 августа того же года указом Синода он получил наименование Кафедрального, а 22 октября состоялось его торжественное освящение. Правый при-

²⁸¹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 1071. Указы Кавказской духовной консистории. Л. 1.

²⁸² ГАСК. Ф. 135. Оп. 6. Д. 293. О пожертвовании умершею графинею Анною Алексеевною Орловой-Чесменской девятнадцати тысяч рублей серебром в пользу Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря, Черноморской пустыни, Кафедрального собора и попечительства о бедных духовного звания. Л. 1–9.

дел был освящен в честь Святителя Николая, а левый (который был освящен первым) в честь святого Александра Невского.

Новый Кафедральный собор в соответствии с классическими образцами русско-византийского стиля имел в плане крест с пятью куполами на восьмигранных барабанах. С востока к собору примыкала апсида центрального алтаря, а с запада – притвор, одинаковый по высоте с центральным четвериком храма. Воспользовавшись тем, что грунт на месте постройки собора был довольно плотным, строители вместо котлована прорыли траншеи для ленточного фундамента. Собор с запада на восток имел 35,7 м, с севера на юг – 25,2 м, в высоту (без креста) – 37 м. Пол был вымощен чугунными плитами. Казанский собор вмещал до 700 молящихся.

В Кафедральном соборе «причта по штату Высочайше утвержденному положено: кафедральный протоиерей, ключарь, священников три, протодиакон, диаконов два, иподиаконов два, псаломщиков два, пономарей два, звонарей четыре и сторожей три»²⁸³.

Под зданием собора имелись подсобные помещения. В одном из них впоследствии был погребен епископ Феофилакт, а в другом – ставропольский купец, известный благотворитель А.Ф. Нестеров. В ризнице собора со временем накапливались большие ценности: драгоценная богослужебная утварь, архиерейские облачения епископа Павла Тобольского, святителя Игнатия Кавказского, серебряная двухпудовая модель Казанского собора, изготовленная на фирме известного ювелира Хлебникова.

Несмотря на то что в храме было устроено калориферное отопление, зимой в соборе было довольно холодно, и кавказские архиереи вынуждены были в это время года служить в Спасском храме, который был приписан к Кафедральному собору.

Что касается Спасского храма, то он был создан в 1838 г. в Гостином ряду на средства купца Волобуева и в середине 1840-х гг. подарен

²⁸³ Михайлов Н.Т., священник. Справочная книжка по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910. С. 27.

купцом городу. Примерно в это же время он был капитально перестроен. Был сооружен новый фасад, представлявший собой капитель, опирающуюся на четыре сдвоенные колонны, благодаря чему храм приобрел некоторую помпезность. В Спасском храме был устроен придел святых равноапостольных Великого князя Владимира и княгини Ольги. В 1915 г. он был опять перестроен. Над храмом был воздвигнут новый большой купол, над притвором высокая колокольня. Была обновлена внутренняя роспись храма. Интересно, что с переустройством придел был освящен в честь святого князя Александра Невского.

В 1860-х гг. вокруг собора был заложен Барятинский парк. Со стороны Николаевского проспекта к собору вела парадная лестница, построенная архитектором Ткаченко.

В 1860 г. Преосвященный Игнатий предложил Ставропольскому купеческому обществу сделать пожертвование для строительства при Казанском соборе колокольни. Проект колокольни был составлен архитектором Воскресенским в том же году. Первоначально ее предлагалось возвести на фундаменте из деревянных свай, вбитых в дно котлована. Предложение это строительной комиссией принято не было как не обеспечивающее достаточную прочность сооружения. Был принят проект Ткаченко, предлагавшего вырыть в грунте котлован глубиной 3 метра, представлявший собой усеченную пирамиду.

Уже в следующем году работы по строительству были начаты. В 1866 г. благочинный Василий Попов доносил архиерею: «При Кафедральном соборе строится каменная колокольня, каковая постройка приходит уже к концу. Здание по величине и изяществу архитектуры может считаться в ряду лучших церковных построек, существующих в немногих местах Российских губерний. Здание сие может также служить не только украшением города Ставрополя, но и памятником усердия и благочестия жителей, способствовавших и возведению данной постройки»²⁸⁴. В 1867 г. звонница была построена. Архивные данные

²⁸⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 24. Д. 642. Клировые ведомости о церквях г. Ставрополя. Л. 4.

дают противоречивые сведения о ее высоте: от 65 до 98 м. На нижнем ее ярусе были размещены три огромных басовых колокола. Вес меньшего из них составлял 104 пуда (его пожертвовал уже упоминавшийся Сергей Лунев), среднего – 525 пудов (отлит на местном заводе и пожертвован известным благотворителем Л.Е. Павловым); главный, 600-пудовый колокол был отлит на средства всего ставропольского купечества. Звон колоколов был слышен в ст. Невинномысской (то есть на расстоянии более 60 километров). В 1880-х гг. в пустующем нижнем этаже колокольни решено было разместить столовую для бедных, при оборудовании которой среди строительного хлама был обнаружен архив Духовной консистории.

В начале 1840-х гг. Городское общество задумало возвести в конце Кузнечной улицы на месте самого старого в городе кладбища новый храм. Первый план будущей Варваринской церкви был подготовлен архитектором Архиповым в 1843 г. Позже чертежи были переработаны архитектором Воскресенским, и под его же наблюдением храм был построен. Основной вклад в ее строительство внес почетный гражданин Ставрополя Федор Григорьевич Стасенков. Варваринская церковь была освящена 18 октября 1848 г. Через год после постройки храма Стасенков сделал крупное пожертвование. В его прошении говорилось: «С архипастырского благословения Вашего Преосвященства Господь Бог сподобил меня устроить храм во имя Святой Великомученицы Варвары над прахом моих родных, но как в настоящее время делаюсь слаб и дряхл и потому скоро должен переселиться в страну вечности, чтобы храм сей впоследствии не мог встретить от времени в своем существовании какого-либо недостатка, я положил в Московский опекунский Совет тысячу рублей серебром на вечное время 1848 года декабря 15-го /.../ с тем, чтобы проценты были употребляемы на ремонт или на поправку украшения Церкви по усмотрению и разрешению Епархиального начальства»²⁸⁵.

²⁸⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 25. О пожертвовании почетным гражданином Феодором Стасенковым в пользу Ставропольской Варваринской церкви тысячи рублей серебром. Л. 1.

Варваринская церковь была по размеру не большой, но поражала современников своим внутренним и внешним убранством. Несколько позже при ней по проекту Воскресенского была построена трехъярусная колокольня.

В 1866 г. средствами приходского попечительства в нижнем этаже была устроена церковь в честь святого пророка Илии и освящена 20 июля 1866 г.

В конце 1840-х гг. к северу от Ярмарочной площади было устроено новое кладбище. В 1849 г. была освящена церковь Успения Божией Матери. Она была построена по проекту, разработанному в Святейшем Синоде и по его решению. Строительство было начато в 1845 г. Первым строительным подрядчиком был купец И.Г. Гониловский, однако смерть помешала докончить ему начатое дело. После него подрядчиком был назначен купец Я. Леонидов. Успенский храм не отличался размерами и изысканностью внешних форм. В 1870 г. он был расширен приделом Вознесения Господня.

В начале 1860-х гг. в Успенском храме был сооружен новый иконостас, сохранившийся до наших дней. В марте 1860 г. ставропольским купцом 3-й гильдии Ефимом Дмитриевым на это богоугодное дело было пожертвовано 1000 рублей. В его «покорнейшем прошении» от 12 марта говорилось: «По благодати Всевышнего Промыслителя, приобретши трудами, честью и бережливостью состояние, довольно обеспечивающее меня и семейство мое, и считая себя обязанным возблагодарить за то Господа Бога принесением от избытков моих приличной части на какое-либо Богоугодное дело, я в настоящее время нахожу самым благопотребным /.../ – дело построения приличного иконостаса в Ставропольской кладбищенской Успенской церкви /.../»²⁸⁶.

Несмотря на то что церковь была кладбищенской, у нее был свой приход. Согласно статистическим сведениям за 1911 год, при церкви числилось 398 прихожан, в составе причта – священник и псаломщик. Это был самый малочисленный приход города.

²⁸⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 18. Д. 968. Ведомость о церквях Ставропольского округа. Л. 20 об.

Успенский храм – единственный в городе, не подвергавшийся закрытию и поруганию в годы советской власти. В середине 1930-х гг., с разрушением Троицкого собора, здесь оказалась почитаемая Иверская икона Божией Матери, и хранится здесь поныне.

В 1850 г. была построена преимущественно на пожертвования купца Прокопия Леденева каменная Георгиевская церковь. Располагалась она в верховье речки Мамайки в центре одноименного кладбища. Прихожанами ее были жители «старого форштадта» – самой зажиточной части города Ставрополя. Благодаря их попечению эта церковь по богатству внутреннего убранства выделялась среди храмов города. Полностью вызолоченный иконостас вмещал около 50 икон, прекрасной была и внутренняя роспись храма. В 1883 г. в Георгиевскую церковь была пожертвована очень ценная икона святого Георгия, написанная на кипарисовой доске, с позолоченным венчиком, ценностью 125 рублей. В 1904 г. церковь была значительно расширена и при ней была построена колокольня²⁸⁷.

В сентябре 1847 г. 1-й гильдии купеческий сын Иван Волобуев предложил губернатору устроить за свой счет на «существующем с давнего времени при г. Ставрополе за зданиями военного госпиталя кладбище /.../ каменную приличную ограду и построить часовню для выноса мертвых тел»²⁸⁸. Через двадцать лет часовня обветшала, и на ее месте в начале 1870-х гг. Городское общество решило построить новый храм. Софиевский храм был заложен Преосвященным Феофилактом 9 мая 1870 г. и освящен 27 ноября 1874 г. Епископом Германом. Новый храм был построен главным образом на средства Н.И. Кусаковой, которая пожертвовала на его строительство свыше 15000 рублей деньгами и множество своих личных украшений на большую сумму. Храм был двухэтажным, нижний храм был устроен

²⁸⁷ По своим размерам Георгиевская церковь была не самой большой в городе, однако ее приход был одним из самых многочисленных. Согласно статистическим данным за 1911 год, при ней числилось 4280 прихожан.

²⁸⁸ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2491. Переписка с Кавказской палатой государственных имуществ. Л. 70.

в честь Святителя Николая и освящен в октябре 1876 г. Преосвященным Германом.

Софиевский храм был самым большим в городе, в нем могли разместиться около 3000 верующих. Главный иконостас храма, созданный целиком на пожертвования Кусаковой, вмещал около 100 икон. Церковная утварь в храме была куплена на средства той же Кусаковой. Хрустальные паникадила были изготовлены в Италии. Согласно ведомостям 1911 г., причт храма состоял из двух священников, дьякона и двух псаломщиков²⁸⁹.

С устройством Софиевского храма прилегающая к кладбищу Воробьевская площадь была переименована в Софиевскую. При храме в собственном здании помещалась церковно-приходская школа. В этом здании во время Первой мировой войны размещалась образцовая школа Епархиального женского училища.

В 1915 г. вокруг Софиевского храма была возведена узорная каменная ограда. В этом же году по проекту инженера-технолога Г.П. Кускова началось строительство трехъярусной колокольни (до этого звонница размещалась в одном из малых куполов). 12 апреля состоялась ее торжественная закладка, совершенная Преосвященным Михаилом, Епископом Александровским.

В 1870-х гг. после закрытия Госпитального кладбища к западу от Софиевского храма было открыто новое, названное Воробьевским. В начале 1890-х гг. титулярный советник Д.С. Извозчиков обратился к Епископу Евгению с просьбой выстроить за свой счет на этом кладбище каменную церковь, проект которой был выполнен известным архитектором Бржезицким. Храм в честь преподобного Даниила Столпника был построен в 1892 г. и освящен 11 декабря, в день празднования памяти этого святого. При храме не было отдельно стоящей колокольни, и звонница размещалась, так же как и в Успенском храме, в чердачном перекрытии над притвором. Хотя Даниловская церковь и имела свой собственный довольно большой (более 2000 человек) приход, но

²⁸⁹ ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1135. Клировые ведомости о церквях г. Ставрополя. Л. 9.

считалась кладбищенской. Ее причт состоял из священника и псаломщика.

С постройкой Даниловского храма Воробьевское кладбище было переименовано в Даниловское. Здесь были погребены многие известные граждане города, в частности, архитектор П.Г. Воскресенский. В 1962 г. здесь был похоронен Митрополит Антоний (Романовский).

В конце 1882 г. жители Ташлянского предместья обратились к Преосвященному Герману с таким письмом: «Православные жители северной части г. Ставрополя, расположенной за р. Ташлою, издавна терпят неудобства в удовлетворении своих религиозных потребностей по неимению храма в этой части города /.../ Городское общество, в видах умственного и нравственного развития заташлянских жителей, открыло в 1882 г. в этой местности школу, но одного этого доброго дела далеко не достаточно; необходимо позаботиться и об устройстве православного храма для заташлянцев и при этом в возможно скором времени»²⁹⁰. Признав необходимость постройки в этой части города нового храма, Преосвященный Герман в декабре 1882 г. «поручил протоиерею Троицкого собора В.Ф. Розалиеву расположить жителей этой части города к скорейшему начатию этого дела, которому положил начало, пожертвовав на будущий храм /.../ 500 рублей», – сообщали епархиальные ведомости²⁹¹.

Проект нового храма с приделом во имя Рождества Богородицы был составлен архитектором Ф.К. Кнорре. Строительство Евдокиевской церкви обошлось в 14150 рублей серебром, из которых значительная часть была пожертвована мещанином К.Н. Стаканцевым и купчихой Е.Н. Малаховой. На ее же деньги в храме был устроен и иконостас. В 1897 г. строительство храма было завершено. В том же году мещанин В.В. Павлухин пожертвовал в пользу церкви усадьбу с домом.

Прихожан в Евдокиевской церкви, согласно данным 1911 года, было 2116 человек, причт состоял из священника и псаломщика.

²⁹⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 40. Д. 352. О постройке церкви в заташлянской части г. Ставрополя и часовни на Александровской площади. Л. 1–2.

²⁹¹ Кавказские епархиальные ведомости. 1883. № 1.

Вопрос об устройстве свечного завода в Кавказской епархии был поднят еще в 1866 г., но поддержки эта идея со стороны большей части духовенства не получила. В качестве основных аргументов, выдвигаемых против его строительства, были дороговизна воска на Кавказе и отсутствие опытных в производстве восковых свечей мастеровых. Священник Иоанн Руднев говорил о несостоятельности этих доводов и приводил свои аргументы в пользу создания завода. Среди прочего он говорил, что «с доходов получится капитал на содержание женского епархиального училища или пособие к содержанию мужских духовно-учебных заведений»²⁹².

Съезд епархиального духовенства, состоявшийся в апреле 1874 г., постановил для увеличения средств к содержанию епархиальных духовных школ «устроить в городе Ставрополе епархиальный свечной завод с тем, чтобы он своими средствами снабжал восковыми свечами церкви Кавказской епархии»²⁹³. На этом основании Ставропольская комиссия, в соответствии с решением Епархиального съезда, утвержденным архиереем, определила «устроить сколь можно ближе, а именно в г. Ставрополе свечной епархиальный завод для постоянного снабжения церквей Кавказской епархии восковыми свечами всех сортов и видов, какие употребляются в православных храмах наших»²⁹⁴.

Первоначально епархиальный свечной завод располагался при Крестовоздвиженском Архиерейском доме, где для него на средства архиерейского домоуправления было построено специально приспособленное здание. В конце 1880-х гг. завод был перемещен в здания предполагавшегося к обустройству мужского монастыря на южном склоне р. Мутнянки. 29 сентября 1889 г. Преосвященным Владимиром было совершено освящение завода в новых помещениях.

Хотя свечной завод не оправдал всех возлагаемых на него надежд, тем не менее он предоставил в распоряжение духовенства суммы достаточные для того, чтобы поддерживать на должной высоте суще-

²⁹² Кавказские епархиальные ведомости. 1873. № 14.

²⁹³ Кавказские епархиальные ведомости. 1887. С. 29.

²⁹⁴ Там же.

ствование местных духовно-учебных заведений. Так, с 1894 по 1910 г. заводом в пользу епархии имуществом и деньгами на ее нужды было передано 1187563 руб.

В 1894 г. при заводе была построена каменная церковь Преображения Господня. При церкви была устроена церковно-приходская школа, которую содержал завод на свои собственные средства. Здание, где помещалась церковь, сохранилось до наших дней, хотя и не в перво-зданном виде. С 1998 г. в Преображенском храме вновь совершаются богослужения после полувекового перерыва.

Архиерейские подворья

В 1843 году в доме Игната Волобуева была устроена и освящена Владыкой Крестовая церковь в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Здесь она оставалась некоторое время и после переезда Владыки в Архиерейский дом²⁹⁵. В доме Игната Волобуева Епископ Иеремия пребывал в течение двух лет, с 1843 по 1845 г. Интересно, что Игнат Волобуев пожертвовал полученную за аренду дома плату в размере 1500 рублей серебром на благоустройство Крестовой церкви. В докладе Духовной консистории Епископу Иеремии говорилось: «Ставропольский почетный гражданин 1-й гильдии купец Игнат Волобуев в донесении своем от 8-го октября 1844 года изъяснил Вашему Преосвященству, что он полученные им от Консистории за помещение Вашего Преосвященства в его доме 1500 рублей серебром жертвует на распространение храма и улучшение Крестовой церкви и что при первом востребовании он предоставит эту сумму»²⁹⁶.

Игнат Волобуев на этом не остановился. Движимый ревностью о Боге, он приобрел на Кузнечной улице уютный дом с земель-

²⁹⁵ Интересно происхождение самого термина «Крестовая церковь». Известно, что так именуется всякая церковь, находящаяся при Архиерейском доме. Известный историк прошлого века И.Е. Забелин, «забытый» в советское время, описывая быт русских царей XVI в., пишет: «Крестовая, или Моленная, где совершались утренние и вечерние молитвы, а иногда и церковные службы: часы, вечерня, всенощные, была как домашняя церковь, вся убрана иконами и святынею, разными предметами поклонения и моления /.../ Самое наименование крестовой комнаты указывает, что в первоначальное время в ней главнейшим предметом поклонения и моления были кресты, то есть святыня в собственном смысле домашняя, комнатная, так сказать, обиходная, которая собиралась и накапливалась у каждого домохозяина сама собою, начиная с креста-тельника, получаемого при крещении, и оканчивая крестами благословенными, получаемыми от разных лиц...» (Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор, или дворец. М., 1990. С. 220 и след.). В прошлом, очевидно, всякая домовая церковь именовалась Крестовой, но со временем эта традиция сохранилась только в отношении храмов, находящихся при Архиерейском доме. Такая церковь, как правило, не являлась приходской.

²⁹⁶ ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 77. О пожертвовании в Крестовоздвиженский храм и Архиерейский дом. Л. 39.

ным участком. Быстро приведя дом в надлежащий вид, Волобуев предоставил его Владыке Иеремии безвозмездно, не взяв за это никакой платы. Это и был первый Архиерейский дом Кавказских епископов. Он был одноэтажным, каменным, в пять окон по фасаду. Позже к этому зданию были пристроены: с восточной стороны – алтарная апсида, с южной и северной – два боковых придела, а с западной – собственно архиерейские покои, представлявшие собой одноэтажный деревянный дом на каменном фундаменте под железной кровлей. Одновременно были возведены жилые корпуса для помещения архиерейского штата. Тогда же была построена и каменная звонница.

Сохранился документ, содержащий ее описание: «/.../ строением она каменная о двух этажах. Нижний этаж имеет одну дверь, обращенную к церкви, от которой колокольня в двух саженьях, прямо против входа главного; в верхний этаж ведет лестница, устроенная внутри колокольни о восьми ступенях. Колокола помещаются в верхнем этаже, в окнах, которых числом четыре /.../ Высота места колоколов от земли 2½ саженьей, а от пола верхнего этажа в 1 аршин с ¼ /.../»²⁹⁷. В кладовой дома в 1906 г. был найден разбитый колокол, на котором во всей целости сохранилась надпись: «Сии пять колоколов вылиты для Крестовой церкви, что при Архиерейском Кавказском доме в богоспасаемом граде Ставрополе иждивением христолюбивого раба Божия Ильи Аникеева 1843 года, июля 20 дня, 15 пуд 10 фунтов»²⁹⁸.

С переездом Владыки на Кузнечную улицу она получила наименование Архиерейской, а бывшая недалеко отсюда городская кузня была перенесена на Ярмарочную площадь. Новая улица стала быстро обустраиваться. В течение 10 лет здесь даже образовалось целое городское предместье. Для того чтобы Архиерейское подворье не было стесненно и загромождено соседними зданиями, были приобретены соседние усадьбы Ильи Панина и Егора Лиева.

²⁹⁷ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2491. Переписка с Кавказской палатой государственных имуществ.

²⁹⁸ Прозрителев Г.Н. История города Ставрополя. Рукопись из архива Г.А. Беликова.

Епархиальные архиереи ровно 50 лет довольствовались этим малоудобным помещением, постоянно благоустраивая его. Так Преосвященный Владимир (на кафедре был с 1886 по 1889 г.) своими собственными руками сложил две изразцовые печи для отопления помещения. Здесь же находились и покои викарного Епископа Моздокского. В одном из зданий подворья размещался причт, в другом – женский скит. Архивных данных о деятельности этого скита обнаружить не удалось. Известно, что число монашествующих в нем было невелико. Рядом находилось небольшое кладбище, на котором погребали лиц духовного звания. В южном приделе Крестовоздвиженского храма был погребен Игнат Волобуев. Скончался он на второй день Светлой Седмицы, имея ровно 80 лет от роду.

Сохранилась копия его духовного завещания, восьмой пункт которого гласил: «Погребение, поминовение и весь обряд и приличия христианские надо мной выполнить обязываются мои дети, по долгу почитая память обо мне и всех доселе в вечность представившихся, а потому по смерти моей внести из отделенного на сей предмет капитала в какое-либо кредитное учреждение на имя церковей соборных: Троицкой – 500 руб., Казанской – 500 руб., Крестовоздвиженского монастыря – 600 руб., кладбищенской святой Великомученицы Варвары – 300 руб. на вечные имена, дабы проценты с оных получались священноцерковнослужителями за всегданнее поминовение рода нашего и 500 руб. серебром единовременно священнослужителям, кои будут при погребении, коих прошу молить о мне Бога в течение целого года по смерти, через панихиды и псалтирное чтение. Сверх того, бедным нищим, которые будут при погребении, раздать 200 руб. и в продолжение шести недель по смерти моей, тоже раздать бедным и нищим 1000 руб. серебром»²⁹⁹.

При учреждении Кавказской епархии Владыке Иеремии была предоставлена возможность избрать в Ставрополе место для строи-

²⁹⁹ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2491. Переписка с Кавказской палатой государственных имуществ.

тельства Архиерейского дома и Консистории. Воспользовавшись этим, Преосвященный просил начальника Кавказской области отвести место под эти постройки на Воробьевой высоте, между домов чиновников Хантинского и Корецкого.

«Место это близко к главному предполагаемому здесь храму, к Губернским управлениям и к городу; при этом оно прилично и благоприятно для расположения на нем зданий Архиерейских и Консистории. Других же свободных мест, приличных и удобных, Преосвященный не нашел»³⁰⁰, – говорилось в рапорте исполняющего должность начальника Кавказской области наместнику. Это место было казенным, потому что еще в 1828 г. было куплено у чиновницы Щербины за 5000 рублей ассигнациями штабом войск Кавказской линии и Черномории. Военное ведомство предполагало построить здесь свои здания, однако к 1846 г. никаких проектов составлено не было и никаких построек на этой территории, кроме одной-единственной казармы, не существовало. Возведение же на этом месте Архиерейского дома и Консистории могло бы, по мнению Владыки Иеремии, служить украшением городу. Уплаченные же штабом за это место 5000 рублей Преосвященный обязывался возвратить. Наместник Кавказский – князь Воронцов проявил в этом деле большое сочувствие к нуждам Церкви. Решением от 14 марта 1846 г. он распорядился об отводе под строительство «такого количества земли, какое признается для оного необходимым»³⁰¹. 25 апреля 1846 г. им был подписан Акт о передаче земли Духовному ведомству. Со стороны Военного ведомства его подписал штабс-капитан Горшков, со стороны Духовного – соборный эконо́м, священник Афанасий Кучеров. Участок был в длину – 121 сажень, в ширину – 75 (всего 150 десятин).

Получив в свое распоряжение землю, Преосвященный сразу же приступил к возведению на ней построек. Под его личным наблюде-

³⁰⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 557. Переписка о месте постройки семинарии и Архиерейского подворья 1846–1858 гг. Л. 18.

³⁰¹ Там же. Л. 20.

нием была выстроена церковь в честь святого апостола Андрея Первозванного. Преосвященный предполагал устроить здесь со временем Архиерейский дом, а в перспективе и мужской монастырь. В рапорте Епископа Иеремии в Святейший Синод от 17 августа 1847 г. говорилось, что на отведенном месте была начата постройка келий и домово́й церкви в честь святого апостола Андрея Первозванного. «Ныне постройка окончена, и церковь семнадцатого августа сего года мною освящена»³⁰². В пользу только что выстроенной церкви последовало крупное пожертвование: 1000 руб. серебром от титулярного советника Михаила Грудницкого и 500 руб. серебром от доктора Никанора Крупинского на вечное поминовение.

Радостное событие передачи земли Духовному ведомству было омрачено неприятным фактом. С восточной стороны подворья чиновником Крупинским на самовольно захваченной земле были построены кирпичный завод и плотина для него на реке Чле. Территория завода с трех сторон была окружена землей Архиерейской дачи, и ей мог быть причинен немалый ущерб. Духовным ведомством по этому поводу было сделано представление Губернатору. Но чем закончилось это дело, неизвестно.

К 1850 г. был составлен проект строительства здания Архиерейского дома со службами и колокольной при церкви. Губернская строительная и дорожная компания поручила губернскому архитектору Ткаченко рассмотреть этот проект. Он нашел в нем некоторые недоработки и, по поручению управляющего гражданской частью, составил новый проект здания и колокольни, который был одобрен Святейшим Правительствующим Синодом и утвержден в 1853 г. наместником Кавказским. Однако составление смет лишь через три года было поручено помощнику архитектора Мандрушеву. В ноябре 1857 г. сметы были готовы, и в начале следующего года были представлены на рассмотрение и утверждение наместнику. В связи с этим представляет интерес пояснительная записка к проекту, составленная Губернским архитекто-

³⁰² ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 305. Л. 1.

ром Ткаченко и препровожденная в Духовную консисторию 8 января 1858 г. В этом документе среди прочего дается следующее описание Архиерейского дома на бывшей Кузнечной улице: «/.../ существующий дом, в котором помещен епископ, деревянный, в один этаж, под железною крышею, внутри оштукатурен, а снаружи обшит тесом; в нем сеней двое, передняя одна и с молельнею – 6 комнат, из коих самая большая под названием зала – в 7 аршин, квадратная, прочие же 5 очень малого размера. При доме для помещения причта каменный флигель под железною крышею, состоящий из сеней и трех небольших комнат. На дворе – каменная под тесовою крышею кухня и людская, в одной связи с ними конюшня на шесть лошадей и сарай не больше как для трех экипажей. Все, вообще, строения довольно стары и частью ветхи, в особенности дом. Краткое описание дома убеждает, что в нем по тесноте и неприличию не может быть помещен епископ с причтом его, почему и предположено возле существующей церкви во имя св. Андрея, где признается местность самою приличною, выстроить новый каменный двухэтажный дом с одноэтажными таковыми службами, расположенными хотя не с роскошным, но удобным и приличным помещением, что можно видеть из представленного при сем проекта, предварительно одобренного епископом/.../»³⁰³. Далее Ткаченко пишет, что «на устройство дома со всеми к нему принадлежащими постройками, значащимися в проекте, и на украшение церкви по наружности, с уничтожением среднего потолка внутри /.../ потребуется сумма 60000 рублей серебром»³⁰⁴. Проект этот, очевидно, по недостатку средств не был осуществлен.

В марте 1864 г. был заключен контракт между Архиерейским домом и мещанином Матвеем Дмитриевичем Дундуковым, который обя-

³⁰³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 557. Переписка о месте постройки Кавказской духовной семинарии и постройки Архиерейского и консисторского домов. Л. 76–76 об. Это обширное, содержащее 191 лист дело, охватывающее период почти полвека, содержит также сведения по передаче в духовное ведомство земель с лесами и иные уникальные материалы.

³⁰⁴ Там же.

зался в течение года собрать новый иконостас из липового дерева для Андреевского храма. В своем рапорте Преосвященному от 15 декабря 1865 г. эконо́м Архиерейского дома иеромонах Савватий по поводу проделанной работы писал: «Приписанная к Архиерейскому дому церковь во имя святого Апостола Андрея Первозванного, устроенная в 1847 г. на месте, отведенном для Архиерейского дома, и по смежности помещения семинарии в наемных домах служащая, особенно ныне, для собрания учеников к богослужению, доселе оставалась со скудным полотняным иконостасом, который от времени полинял и обветшал. Начатый в прошлом году для этой церкви резной вызолоченный иконостас окончен в настоящем году /.../, на что употреблено до 4000 руб., частью на средства Архиерейского дома, а также на добровольные пожертвования»³⁰⁵.

В том же 1864 г. были капитально отремонтированы все здания и приведена в порядок территория Архиерейского дома при Крестовоздвиженском храме. Был устроен палисадник, сделаны тротуары, вычищен пруд. Работы проводились купцом 2-й гильдии Григорием Масловым под наблюдением архитектора П.Г. Воскресенского.

В официальных документах того времени Андреевское и Крестовоздвиженское архиерейские подворья носят названия монастырей, хотя не ясно, являлись ли они таковыми в действительности.

Когда были построены и освящены приделы при Крестовоздвиженском храме, неизвестно. В архиве имеется лишь документ, датированный 25 марта 1859 г., неизвестно кому адресованный и неизвестно кем написанный. Содержание его таково: «По поручению Его Преосвященства Преосвященнейшего Игнатия, Епископа Кавказского и Черноморского имею честь препроводить при сем к Вашему Высокопреподобию план на распространение Крестовоздвиженской церкви при Доме Его Преосвященства, покорнейше прошу Вас передать его

³⁰⁵ ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 557. Переписка о месте постройки Кавказской духовной семинарии и постройки Архиерейского и консисторского домов. Л. 81.

г. архитектору Горностаеву»³⁰⁶. Правый придел храма был освящен в честь священномученика Игнатия Богоносца, а левый – в честь преподобного Антония Печерского. Летом 1870 г. находившийся в левом приделе храма временный холщовый иконостас был заменен деревянным с позолотой. Иконостас вмещал 10 икон. Интересно, что на царских вратах по четырем углам были изображены не евангелисты, а находились иконы вселенских учителей и святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и Афанасия Великого. Колонны, карнизы, пилястры и вся резьба были покрыты слоем червонного золота 84-й пробы. Работы проводились мастером Авраамом Стрижковым в течение года и обошлись в 800 рублей.

В 1873 г. архитектором П.Г. Воскресенским был подготовлен проект переустройства Крестовоздвиженской церкви по примеру храма Святой Софии в Царьграде. Однако этот проект остался не реализованным. В том же году по проекту Ф.К. Прозоровского в центральной части храма был установлен новый иконостас.

С постройкой в 1889 г. при Андреевском храме нового Архиерейского дома, подворье при Крестовоздвиженской церкви стало именоваться «старым». В 1897 г. в помещениях Крестовоздвиженского подворья временно размещались призреваемые новоучрежденной Александро-Мариинской богадельни. В 1898 г. по благословению преосвященного Агафодора здесь разместились экспозиции Церковно-археологического общества³⁰⁷.

С 1 января 1904 г. при Крестовоздвиженском монастыре были открыты певческо-псаломщические курсы, куда принимались молодые люди духовного звания старше 18 лет.

Кроме Андреевского и Крестовоздвиженского существовало еще и третье, Сергие-Германовское Архиерейское подворье, получив-

³⁰⁶ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8620. О рассмотрении проектов церковных построек. Л. 52.

³⁰⁷ Михайлов Н.Т., священник. Справочная книжка по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910. С. 97.

шее свое название от домово́й церкви, находившейся при нем. Пока не удалось установить его месторасположение. В Епархиальных Ведомостях напечатано сообщение об освящении Сергие-Германовской церкви: «19 октября, в воскресенье, в загородном Архиерейском доме совершилось торжество освящения устроенной в этом доме на пожертвованную неизвестным благотворителем сумму церкви во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. Несмотря на неблагоприятную погоду (сильный туман), богомольцев собралось более 100, так что не только вся маленькая церковь, но и соседняя с ней зала и коридор были полны молящимися. Освящение храма и Литургию совершал Преосвященный Герман в сослужении Архимандрита Тихона, о. ключаря Кафедрального собора С.И. Граникова и иеромонахов Алексия и Рувима. За Литургией иеродиакон Кавказского Архиерейского дома Александр, потрудившийся более других в присмотре за устройством иконостаса и других принадлежностей храма, был посвящен во пресвитера. При богослужении пели монашествующая братия Кавказского архиерейского дома, и так стройно и умирительно, как редко поют певчие. По окончании Литургии был отслужен молебен преподобным Сергию и Герману /.../ В заключении молебствия было провозглашено многолетие Императору, Владыке, создателям и благоукрашителям /.../ Иконостас новоустроенного храма очень прочен и красив. Невдалеке от дома устроена небольшая колокольня, звон на которой кроме призыва на молитву может приносить немалую пользу во время метелей, так как не в далеком расстоянии от загородного Архиерейского дома проходит большая дорога»³⁰⁸.

В конце 1880-х гг., к 900-летию Крещения Руси на территории Андреевского Архиерейского подворья был построен новый Архиерейский дом по плану и смете, составленными губернским инжене-

³⁰⁸ Освящение Сергие-Германовской церкви // Кавказские епархиальные ведомости. 1875. № 21.

ром Феодором Кнорре. Подрядчиками строительства были Абанов и Дундукин. В 1889 г. постройка была завершена. Новый Архиерейский дом вплотную примыкал к Андреевской церкви. На первом его этаже находились покои и приемная Преосвященного, обширная библиотека, на втором этаже – помещения для монашествующей братии Архиерейского дома. Территория двора была украшена многочисленными клумбами.

В том же 1889 г. была построена небольшая церковь в честь святого равноапостольного великого князя Владимира с венчающей ее двухъярусной колокольной. Храм имел внутреннее убранство в стиле XII–XIV вв.; иконы в нем были списаны с подлинников VIII–XIII вв. Многопудовые колокола для колокольни были отлиты на местном заводе Ефимова.

К середине 1890-х гг. серьезно встал вопрос о перестройке и самой Крестовой Андреевской церкви, вмещавшей не более 500 прихожан и к этому времени сильно обветшавшей. Проект строительства новой Андреевской церкви был составлен архитектором Григорием Кусковым при участии таких известных архитекторов, как Бржезицкий и Гут. Согласно этому проекту стены старого здания, кроме той, что прилежала к Архиерейскому дому, были разобраны. На новом фундаменте были возведены шесть пилонов и стены будущего храма. Андреевская церковь была рассчитана на 1500 прихожан и в архитектурном отношении представляла собой здание, построенное в новорусском стиле. Восьмигранный барабан единственного купола венчало ожерелье из кокошников, сам купол был полусферическим с покоящейся на пирамиде из кокошников луковицей с крестом. Над входными тамбурами с южной и северной сторон, а также на пирамидах из кокошников возвышались небольшие шатры с луковидными главками, венчаемыми крестами. Центральный иконостас храма, кипарисовый, полностью вызолоченный был трехъярусным и вмещал более 50 икон. В росписи церкви принимал участие известный поэт и иконописец Коста Хетагуров. Строительство было завершено в

1897 г. и обошлось в 175000 рублей серебром. «14 декабря 1897 года свершилось торжественное освящение Епископом Агафодором ново-устроенного храма во имя святого Андрея Первозванного при Ставропольском Архиерейском доме»³⁰⁹.

Андреевская церковь, Архиерейский дом и Владимирский храм, выдержанные в одном стиле, составили единый архитектурный ансамбль. В восточной части Архиерейского подворья было устроено кладбище для лиц духовного звания. Здесь погребен генерал-губернатор Никифораки. Здесь же покоится прах и национальной героини – сестры милосердия Риммы Ивановой. Здесь же похоронен и Преосвященный Агафодор³¹⁰.

³⁰⁹ Освящение новоустроенного храма при Архиерейском (новом) доме // Ставропольские епархиальные ведомости. 1897. С. 1401 и след.

³¹⁰ Всего в Ставрополе к началу предреволюционного десятилетия было два собора, семь приходских храмов, пять монастырских и девять домовых церквей, три церкви архиерейского подворья (Михайлов Н.Т., священник. Справочная книжка по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910. С. 83–88).

Церковное строительство на Кубани

17 октября 1888 г. на Курско-Азовской железной дороге у села Борки произошло крушение императорского поезда. Разрушительные последствия этого рокового события были таковы, что его с полным основанием можно было бы назвать «трагедией века». Из 15 вагонов состава в результате случайного включения тормозов относительную целостность сохранили только пять вагонов. Пятьдесят восемь человек из числа пассажиров и obsługi поезда получили тяжелейшие травмы, причем 21 человек скончался на месте. Семья Александра III в это время находилась в вагоне-столовой, и хотя сам вагон, сброшенный с пятисаженной высоты, оказался без колес со сплюснутыми стенками и обвалившейся крышей, в нем никто совершенно не пострадал.

Весть о случившемся мгновенно разнеслась по всей России, исторгая у множества россиян нелицемерные слезы. Но впечатление, которое произвело это известие на кубанских казаков, едва ли подлежало сравнению. Дело в том, что крушение произошло на возвратном пути из Екатеринодара, в который Александр III приехал 21 сентября для обозрения земель Кубанского казачьего войска, в Санкт-Петербург. Всего несколько дней разделяли торжественный молебен «О путешествующих», совершенный в войсковом Александро-Невском соборе при отбытии из города царской семьи, и трагические события у села Борки. Понятно, что для абсолютного большинства кубанцев чудесное спасение царственных особ находилось в прямой связи с их недавней горячей молитвой. Ощущая на себе особую ответственность за неизбежность государственных устоев в России, кубанское казачество тут же приняло решение об увековечении памяти этого события сооружением храма в честь спасения августейшей фамилии.

В годовщину трагедии в городе Екатеринодаре состоялось собрание 84 представителей от общественности города, на котором конкретно был поставлен вопрос о месте строительства храма-памятника. И тут возникла ситуация, которую нужно было бы описать слегка иро-

ническим пером. Дело в том, что в те времена всякое крупное поселение на Кубани почти официально делилось на «край», то есть районы, жители которых, особенно молодежь, для поддержания молодечества постоянно пикировали друг с другом. Не составляла исключения и столица Кубанского казачества. В районе Дубинки, например, поселенцы делились на «сырков» (в центре) и «лягашей» (у вокзала). Жители тех или иных районов города непременно считали свой «край» самым лучшим и не жалели сил, чтобы приумножить его славу. Закладка грандиозного храма-памятника обещала любому из районов города безусловное первенство. Вот почему на собрании представителей городского, мещанского и купеческих обществ развернулась настоящая борьба за право на строительство памятника в своей части города. Наконец общество остановилось на двух вариантах, каждый из которых обладал своими неоспоримыми достоинствами. Одни считали, что строительство нужно вести в северно-западной части города, в которой к тому времени еще не было собственного храма, другие указывали на Екатерининскую площадь, мотивируя свое предложение тем, что храм, имея характер памятника, должен находиться в центре города.

Спор затянулся на несколько лет и разрешился также «по-казачьи», как и начался. В конце концов было принято беспрецедентное решение: чтобы удовлетворить всем желаниям, казаки решили заложить не один, а сразу два храма – Свято-Екатерининский и Свято-Троицкий, каждый в соответствующей части города. Так столица кубанского казачества стала единственным в России городом, в котором в память о чудесном спасении царской семьи было заложено сразу два храма-памятника.

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В предыдущих разделах уже затрагивалась так или иначе тема миссионерской деятельности в Ставропольской епархии на протяжении описываемого периода. Однако представляется необходимым выделение этой темы в отдельный раздел, во-первых, потому что деятельность эта была значительной и имела свои, присущие именно Кавказу черты, и, во-вторых, потому что анализ плодотворных трудов наших предшественников на ниве Христовой служит неоценимым подспорьем священнику в современной России, народ которой в результате более чем семидесятилетнего господства агрессивного государственного атеизма и сектантско-еретического натиска последнего десятилетия, по сути, нуждается в новой христианизации.

Сегодня можно говорить о третьей миссии на Кавказе. Венцом первой миссии, начатой святым апостолом Андреем Первозванным и нараставшей на протяжении всего первого тысячелетия по Рождестве Христовом, стало широкое распространение христианства на Кавказе. При этом Церковь Христова на этой благодатной земле прирастала в большей степени не вследствие расселения греков, а позднее и русских, но именно принятием христианства местными народами. Как уже указывалось, нашествие Тимура и последующие исторические события, оторвали Кавказ от христианского мира, связь с которым начинает восстанавливаться со времен царя Иоанна IV Васильевича.

Христианство возвращается на Кавказ и укрепляется на нем с усилением влияния России в регионе. Особенностью этого периода (XVIII–XIX вв.) является то, что рост числа православных происходит за счет переселения из Центральной России, в то время как такие в прошлом христианские народы, как, например, кабардинцы, все в большей степени подвергаются исламизации, которой из политических соображений способствуют Османская Турция и Персия. Приводимая табли-

ца³¹¹ описывает конфессионально-религиозное распределение населения Кавказа в процентах по состоянию на 1889 год. Таблица наглядно показывает, что в Ставропольской епархии (Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области) подавляющее большинство населения составляли православные. Однако сухие цифры не дают представления ни о путях распространения христианства, ни о сложностях, возникавших на этих путях.

Губернии, области, округа	православные	сектанты	инославные	иудеи	мусульмане- сунниты	мусульмане- шииты	язычники	прочие
Ставропольская	89,2	1,0	1,4	0,4	–	6,1	1,7	–
Терская	40,0	4,3	2,8	0,6	–	52,1	0,1	–
Кубанская	90,7	1,1	1,8	0,3	–	6,0	0,01	–
Тифлисская	61,35	1,53	25,34	0,94	8,43	2,41	–	–
Кутаисская	86,61	0,01	1,99	0,76	10,5	0,13	–	–
Эриванская	0,47	0,48	56,08	0,01	4,44	36,77	1,7	–
Елизаветпольская	0,21	1,05	36,6	0,24	25,2	36,28	–	0,42
Бакинская	3,39	2,55	8,2	1,2	39,54	45,12	–	–
Дагестанская	0,93	–	0,21	1,46	95,88	1,52	–	–
Карсская	14,28	5,56	21,48	–	45,58	6,81	1,18	5,11
Закавказский	5,36	–	0,71	–	93,93	–	–	–

Одной из главных сложностей было, несомненно, существование раскола. Причем, если в центральной России, как правило, старообрядцы, не подвергаясь особым репрессиям, все же не пользовались расположением властей, то на Кавказе, где они составляли значительную часть столь необходимого для обороны края казачества, попытки борьбы с расколом, его укреплению и распространением в пределах епархии, наталкивались на активное противодействие гражданских и

³¹¹ Энциклопедический словарь. Т. 13а. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1894. С. 840.

особенно военных властей, чему наиболее ярким, но не единственным примером служит удаление из Ставрополя Преосвященного Иеремии, последовавшее именно в результате его ревностных попыток искоренить раскол в казачьих станицах.

Несмотря на эти и другие трудности, миссионерская деятельность была весьма развита в Ставропольской епархии, год от года нарастала и осуществлялась по нескольким направлениям.

Миссию противобуддийскую (среди калмыков) и противомусульманскую (среди туркмен) осуществлял Князе-Михайловский миссионерский скит. Если миссия среди туркмен была малоуспешна, то распространение христианства среди калмыков, особенно в годы пребывания на кафедре архиепископа Агафодора, шло весьма успешно. Главным принципом миссионеров, на чем особенно настаивали все без исключения преосвященные ставропольские, было серьезное оглашение. От крещаемых требовалось знание основ православия, осознанное знание основных молитв и, естественно, их свободное желание.

Миссия среди горских народов Кавказа начала разворачиваться с устроением нескольких монастырей в местах их обитания. Она имела хорошие перспективы, но начавшаяся война, а затем и события 1917 года надолго прервали не только миссионерскую, но и иную деятельность Церкви. Архиереи и священники были репрессированы, церкви и монастыри закрыты и разрушены. В то же время горские народы, за исключением осетин, не имея возможности внимать христианской проповеди, воспринимали ислам как важную составляющую самоидентификации. В результате сегодня возможности православной миссии среди «титульных» народов северокавказских республик представляются сомнительными.

Но сегодня, как и в прошлом, актуальной является миссия среди собственно русского населения, поскольку в XIX и XX вв. традиционная принадлежность русских людей к православию проходила серьезнейшее испытание на прочность со стороны разного рода сектантов, раскольников и еретиков.

Надо признать, что и в этой области наши предшественники добились больших успехов, чем сегодняшние православные миссионеры. Прежде всего забота о поддержании среди паствы чистоты веры и высокой христианской нравственности лежала не только на пастырях церковных, но и на группах мирян, объединенных в братства. В Ставрополе это было основанное в 1873 г. Свято-Андреевское (позже объединившееся с Владимирским и получившее наименование Андреевско-Владимирское) братство; в Майкопе – Свято-Осиевское братство (учреждено в 1890 г.); в Краснодаре – Кубанское Александро-Невское при Екатеринодарском войсковом соборе (учреждено в 1893 г.); в селении Сандата Ставропольской губернии – Свято-Иринеевское братство и ряд других. Все эти братства целью своей ставили дела просвещения, милосердия, противосектантской работы. При них создавались библиотеки, школы, благотворительные столовые, велась издательская деятельность. В каждой благочинии был книгоноша (хотя по мнению духовенства, высказываемому на страницах епархиальной печати, должно было быть не менее пяти-шести на благочиннический округ), распространявший Священное Писание, духовную литературу.

Представление о результативности миссионерской работы Миссионерского совета, братств, отдельных пастырей дает следующая таблица, содержащая сведения о присоединении к православию в Ставропольской епархии в период с 1893 по 1896 г.³¹²:

Годы	инославных	из раскола, безусловно	из раскола на правах единоверия	евреев	магометан	язычников	итого
1893	43	45	47	38	10	20	203
1894	40	64	53	30	25	260	480
1895	41	196	53	10	25	48	373
1896	64	330	52	17	31	48	545

³¹² Миссионерские известия. Ставрополь, 1910.

МИССИОНЕРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Всего же за 1893–1910 гг. было присоединено к православию пять тысяч душ обоего пола.

Не менее благотворным было влияние церковно-приходских школ, количественный и качественный рост которых особенно усилился при Преосвященном Агафодоре, когда почти в 1500 школах разного уровня занимались 36996 девочек и мальчиков³¹³.

³¹³ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События первых семидесяти пяти лет истории Ставропольской епархии показывают, что учреждение ее стало неоценимым подспорьем для расширения и укоренения Святой Православной Церкви на Северном Кавказе. Образование епархии способствовало каноническому устройству церковной жизни, возродившейся на земле Кавказа через столетия после первой проповеди христианства, завершившейся устройением Аланской митрополии, разоренной монгольским нашествием.

Все Преосвященные ставропольские рассматриваемого периода оказались на высоте поставленных задач. Пребывание некоторых из них на кафедре было непродолжительным – святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Евгения (Шерешило), иные претерпевали невзгоды – первый архипастырь Кавказский епископ Иеремия (Соловьев). Почти двадцать шесть лет управлял епархией Высокопреосвященный Агафодор (Преображенский), естественно, что на годы его правления приходится расцвет епархиальной жизни, подготовленный трудами его предшественников.

В короткий срок в епархии удалось создать стройную систему духовного образования, венчаемую образцовой Ставропольской духовной семинарией. Землю Кавказа украсили сотни православных храмов, не уступающих своим величием соборам Центральной России. И это несмотря на прифронтовые, а то и боевые условия существования в затяжной Кавказской войне, на постоянную угрозу со

стороны Турции. Не менее замечательны и рост числа монастырей, особенно усилившийся на переломе веков, и успехи миссионерской деятельности.

Разумеется, на фоне успехов видятся и проблемы. Одной из главных (хотя сегодня, после десятилетий государственных гонений на Церковь, это может показаться странным) были именно церковно-государственные отношения. Как показывают факты, государственная поддержка Церкви в имперской России вовсе не была такой уж мощной. В то же время права и каноны церковные могли нарушаться вследствие соображений государственной целесообразности. Особенно остро эта проблема встала после либерализации государственного законодательства в период после 1905–1907 гг. Особенно это заметно не на общегосударственном уровне, а на местном. Так, например, когда в 1907 г. во время собеседований с раскольниками в Ставрополе последние, допустив кощунственные высказывания, едва избежали справедливой народной расправы (укрывшись, к слову сказать, в православной храме), Городская дума Ставрополя развернула настоящую травлю против Архиепископа Агафодора. Также не нашли поддержки городских властей просьбы епархии не допускать строительства лютеранского молитвенного дома на Базарной площади.

Тем не менее паства епархии прирастала, и не только за счет переселенцев из Центральной России и Малороссии, но и за счет принятия православия язычниками, мусульманами, представителями иных конфессий.

30 апреля 1999 года.

Протоиерей П. Самойленко.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Ставропольского епархиального управления.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 68. Оп. 1. Д. 252. О рассмотрении проектов церковных построек.
3. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 841. О переписке с Духовной консисторией по поводу выступления диакона.
4. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 879. О рассмотрении и утверждении плана зданий, предполагаемых для строительства семинарии.
5. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 911. О рассмотрении проектов церквей.
6. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6561. О выдаче Семинарскому правлению данной на владение местом, назначенным для строительства зданий, семинарии 1868–1869 гг.
7. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8182. Опись имуществу Иоанно-Мариинского женского монастыря.
8. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8620. О рассмотрении проектов церковных построек.
9. ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 25. Об изменениях в плане города Ставрополя.
10. ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 313. По отношению Епископа Кавказского и Черноморского о постройке нового архиерейского дома.
11. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 24. Распоряжение и переписка по вопросу учреждения в Кавказской епархии духовной семинарии.
12. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 39. О расписании учебных часов на два первые года и о представлении изучения местных языков желающих, кому какой угодно.
13. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 51. Об открытии в Кавказской семинарии класса осетинского языка и об определении наставником одного воспитанника Тифлисской духовной семинарии Туганова.
14. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 55. По отношению Грузино-Имеретинской Синодальной конторы об истребовании с учителя семинарии Туганова под присягою некоторых вопросов.
15. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 95. По предъявлению инспектором семинарии 31 января 1848 г. о том, что у учителя семинарии Варфоломея Туганова полиция нашла фальшивую печать на имя Главнокомандующего Закавказским краем.

16. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 928. По резолюции Епископа Игнатия об определении наказаний, какие должны быть употребляемы в духовных заведениях Кавказской епархии.
17. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 935. О приискании здания для Кавказской духовной семинарии.
18. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1874. С сведениями о числе начальствующих, учащих и учащихся в духовных учебных заведениях за 1880 г.
19. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1882. С конспектами преподаваемых уроков по разным предметам семинарского курса за 1880/81 учебный год.
20. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1883. Дело с месячными донесениями о ректора о благосостоянии Кавказской духовной семинарии за 1881/82 учебный год.
21. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1902. Ведомость об успехах и поведении учеников Кавказской духовной семинарии за 1882/83 учебный год.
22. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 177. По прошению купца Гаврилы Шукаева.
23. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1179. Распоряжения Ставропольского губернатора.
24. ГАСК. Ф. 103. Оп. 2. Д. 1238. Выкопировка из плана города Ставрополя.
25. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 63. Об устройстве колокольного завода.
26. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 77. О пожертвовании в Крестовоздвиженский храм и Архиерейский дом.
27. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 290. О сумме Кафедрального собора, Консистории и Архиерейского дома.
28. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 560. Об освящении в тюремном замке церкви святых апостол Петра и Павла.
29. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 881. Входящие бумаги по Кафедральному собору за 1843 год.
30. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 43. Об обозрении его Преосвященством церквей Кавказской епархии в 1844 году.
31. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 60. О благосостоянии церквей епархии в 1844 году.
32. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 200. О командировании с духовной стороны депутата для освящения икон в церкви новоустроенного Ставропольского военного госпиталя.
33. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 383. О пожертвовании для Крестовой церкви.
34. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 410. Клировые ведомости за 1844 год.

35. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1209. Протокол Кавказской духовной консистории за 1844 год.
36. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1210. Протокол Кавказской духовной консистории за 1844 год.
37. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1211. Протокол Кавказской духовной консистории за 1844 год.
38. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 175. Ведомости о церквях и белом духовенстве по Кавказской области.
39. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 396. Клировые ведомости за 1845 год.
40. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 1071. Указы Кавказской духовной консистории.
41. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 136. О службе ректора Кавказской духовной семинарии архимандрита Серафима.
42. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 212. Об учреждении обители св. Марии Магдалины.
43. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 255. С перепиской по делам Кизлярского мужского Крестовоздвиженского монастыря.
44. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 557. Переписка о месте постройки семинарии и Архиерейского подворья 1846–1858 гг.
45. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 785. Бумаги, присылаемые в Кавказскую духовную консисторию из Синода.
46. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 921. Об открытии Кавказской духовной семинарии.
47. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 167. О дозволении ставропольскому почетному гражданину Игнату Волобуеву устроить церковь на находящемся в г. Ставрополе за зданием военного госпиталя кладбище и огородить оное.
48. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 329. Опись церковному имуществу церкви святого апостола Андрея Первозванного, что в городе Ставрополе при архиерейской келлии.
49. ГАСК. Ф. 135. Оп. 6. Д. 293. О пожертвовании умершею графинею Анною Алексеевною Орловой-Чесменской девятнадцати тысяч рублей серебром в пользу Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря, Черноморской пустыни, Кафедрального собора и попечительства о бедных духовного звания.
50. ГАСК. Ф. 135. Оп. 6. Д. 294. О пожертвовании чиновником Евдокимовым в пользу Троицкого собора в деньгах и прочем.

51. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 25. О пожертвовании почетным гражданином Феодором Стасенковым в пользу Ставропольской Варваринской церкви тысячи рублей серебром.
52. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 210. Об уступке земли для учреждения монастыря.
53. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 619. О построении в Пятигорске Покровской церкви.
54. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 717. Общий реестр входящих бумаг.
55. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 775. Протоколы Кавказской духовной консистории за 1850 год.
56. ГАСК. Ф. 135. Оп. 7. Д. 776. Журнал Кавказской духовной консистории.
57. ГАСК. Ф. 135. Оп. 8. Д. 249. Об отмежевании Архиерейскому дому лесной дачи.
58. Об определении монахини Полтавской губернии Ладонского монастыря Серафимы настоятельницей Иоанно-Мариинской общины.
59. ГАСК. Ф. 135. Оп. 10. Д. 736. О дозволении выстроить при заведении св. Александры в г. Ставрополе церкви во имя св. Елисаветы.
60. ГАСК. Ф. 135. Оп. 11. Д. 651. Протоколы Кавказской духовной консистории за 1853 год.
61. ГАСК. Ф. 135. Оп. 11. Д. 654. Клировые ведомости церквей Кавказской епархии.
62. ГАСК. Ф. 135. Оп. 12. Д. 260. О пожертвованиях в пользу церквей г. Ставрополя.
63. ГАСК. Ф. 135. Оп. 13. Д. 279. О пожертвованиях в пользу монастыря.
64. ГАСК. Ф. 135. Оп. 14. Д. 13. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Иннокентию, Епископу Кавказскому и Черноморскому и кавалеру.
65. ГАСК. Ф. 135. Оп. 14. Д. 710. Переписка о расследовании беспорядков в Кавказской духовной семинарии.
66. ГАСК. Ф. 135. Оп. 16. Д. 304. Циркулярное письмо Преосвященного Игнатия в Кавказскую духовную консисторию.
67. ГАСК. Ф. 135. Оп. 16. Д. 364. О пожертвовании епископом Игнатием трехсот рублей серебром на канцелярию Кавказской духовной консистории из личных сумм.

68. ГАСК. Ф. 135. Оп. 16. Д. 719. Вопрос начальника Кавказской линии и ответ Преосвященного Игнатия о Кавказской кафедре по отношению ее к Кавказскому линейному казачьему войску.
69. ГАСК. Ф. 135. Оп. 16. Д. 1031. Маршрут путешествия Епископа Игнатия по епархии.
70. ГАСК. Ф. 135. Оп. 18. Д. 285. Отчет Епископа Игнатия.
71. ГАСК. Ф. 135. Оп. 18. Д. 953. Дело об испытании учеников Кавказской духовной семинарии.
72. ГАСК. Ф. 135. Оп. 18. Д. 968. Ведомость о церквях Ставропольского округа.
73. ГАСК. Ф. 135. Оп. 22. Д. 131. Послужной список Епископа Феофилакта.
74. ГАСК. Ф. 135. Оп. 22. Д. 633. Формулярный список насельниц Иоанно-Мариинского монастыря.
75. ГАСК. Ф. 135. Оп. 24. Д. 293. Об учреждении библиотек при храмах.
76. ГАСК. Ф. 135. Оп. 24. Д. 642. Клировые ведомости о церквях г. Ставрополя за 1866 год.
77. ГАСК. Ф. 135. Оп. 25. Д. 273. О чудотворной иконе Иверской Божией Матери.
78. ГАСК. Ф. 135. Оп. 25. Д. 675. Журнал присутствия Кавказской духовной консистории.
79. ГАСК. Ф. 135. Оп. 26. Д. 789. Опись имущества Иоанно-Мариинского монастыря.
80. ГАСК. Ф. 135. Оп. 28. Д. 137. Со сведениями о епархии за 1870 г.
81. ГАСК. Ф. 135. Оп. 28. Д. 174. С представлением монастырских ведомостей.
82. ГАСК. Ф. 135. Оп. 29. Д. 11. Об учреждении викариатства в Кавказской епархии и о бытии Епископом Моздокским, викарием Кавказской Епархии ректору Кавказской семинарии архимандриту Исаакию.
83. ГАСК. Ф. 135. Оп. 30. Д. 237. О деятельности съездов духовенства.
84. ГАСК. Ф. 135. Оп. 30. Д. 1146. От редакции Кавказских епархиальных ведомостей.
85. ГАСК. Ф. 135. Оп. 31. Д. 245. Об учреждении общества при Ставропольской Андреевской церкви.
86. ГАСК. Ф. 135. Оп. 31. Д. 540. О храмах, найденных близ Зеленчука.
87. ГАСК. Ф. 135. Оп. 32. Д. 649. Клировые ведомости Кубанской области за 1874 г.

88. ГАСК. Ф. 135. Оп. 33. Д. 1249. Об устройстве школы при Андреевском братстве.
89. ГАСК. Ф. 135. Оп. 40. Д. 165. Заявления, сведения о бедных духовного звания и их расписки в получении помощи от епархиального попечительства о бедных духовного звания за 1882 г.
90. ГАСК. Ф. 135. Оп. 40. Д. 352. О постройке церкви в заташлянской части г. Ставрополя и часовни на Александровской площади.
91. ГАСК. Ф. 135. Оп. 45. Д. 148. О поездке Преосвященного Владимира для обозрения церквей епархии.
92. ГАСК. Ф. 135. Оп. 46. Д. 131. О построении мужского монастыря вблизи стан. Зеленчукской Кубанской обл. Копия Указа Святейшего Синода.
93. ГАСК. Ф. 135. Оп. 48. Д. 296. О постройке каменной церкви на Воробьевском кладбище г. Ставрополя.
94. ГАСК. Ф. 135. Оп. 49. Д. 220. Формулярный список братии Александро-Афонской Зеленчукской пустыни.
95. ГАСК. Ф. 135. Оп. 49. Д. 440. О постройке здания для помещения архиерея при Андреевской церкви.
96. ГАСК. Ф. 135. Оп. 51. Д. 143. О перенесении св. иконы кн. Михаила Тверского.
97. ГАСК. Ф. 135. Оп. 53. Д. 401. Формулярный список братии Михаило-Афонской пустыни.
98. ГАСК. Ф. 135. Оп. 53. Д. 411. Об открытии отделения Императорского палестинского общества.
99. ГАСК. Ф. 135. Оп. 54. Д. 402. Клировые ведомости церквей г. Ставрополя.
100. ГАСК. Ф. 135. Оп. 55. Д. 586. О назначении священника в Спасо-Преображенский женский монастырь.
101. ГАСК. Ф. 135. Оп. 67. Д. 376. О ремонте мест укрепления большого колокола Ставропольского кафедрального собора.
102. ГАСК. Ф. 135. Оп. 70. Д. 833. О разрешении Никите Манину, Александру Меснянкину и Ивану Демьянову перестройки Спасской церкви г. Ставрополя на изысканные ими средства.
103. ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1135. Клировые ведомости о церквях г. Ставрополя.

104. ГАСК. Ф. 135. Оп. 77. Д. 219. О молениях народа у гроба Кавказского епископа Феофилакта.
105. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2491. Переписка с Кавказской палатой государственных имуществ.
106. ГАСК. Ф. Р-5171. Оп. 1. Д. 1–144. Регистрационные дела религиозных обществ Русской Православной Церкви.
107. ГАСК. Ф. Р-5171. Оп. 1. Д. 145. Информационные доклады и сведения о деятельности религиозных объединений в Ставропольском крае.
108. ГАСК. Ф. Р-5171. Оп. 1. Д. 158. Регистрационное дело епископа Антония Романовского.
109. Акты Святейшего Патриарха Тихона. М., 1994.
110. Александро-Невский монастырь. Нижний Архыз, 1998.
111. Альбом видов древних христианских храмов. Ставрополь, 1896.
112. *Архангельский П.П.* Справочная книжка по Ставропольской епархии. Ставрополь, 1889.
113. *Беликов Г.А.* Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь, 1997.
114. *Белявский Ф.* О реформе Духовной школы. СПб., 1907.
115. *Бентковский И.* Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии. Ставрополь, 1883.
116. *Булгаков С.В.* Настольная книга священно-церковнослужителя. Репринт. Т. 2. М., 1993.
117. *Васильев А.И.* Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской, семинарии. Выпуск I. Ставрополь, 1897.
118. *Величко В.А.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб., 1904.
119. *Воскресенский А.* Святой Фавор Северного Кавказа. Спасо-Преображенский женский монастырь. Одесса, 1910.
120. *Воскресенский П., священник.* Историческое описание Иоанно-Мариинского женского монастыря в г. Ставрополе. Ставрополь, 1898.
121. *Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский.* История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва – Пятигорск, 1992.
122. *Димитренко И.* Сборник материалов по истории Кубанского войска. СПб., 1898. Т. 2.
123. *Гурий, архимандрит.* Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. I. Калмыки. Казань, 1915.

124. Документальная история образования многонационального Государства Российского. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. М., 1998.
125. Древнехристианские храмы и Св.-Алекса́ндро-Афо́нский Зе́ленчукский монастырь в Зе́ленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпа́шинского отдела (с рисунками древних храмов) / Д. Успенский. М., 1892.
126. Дьячков-Тарасов А.А. Сентинский храм и его фрески. Екатеринодар, 1899.
127. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор, или дворец. Репринт с издания 1918 г. М., 1990.
128. Игнатий Брянчанинов, святитель. Сочинения. Т. 4. Санкт-Петербург, 1886 (репринт: М., 1993).
129. Игнатий Брянчанинов, святитель. Христианский пастырь и христианин-художник // Богословские труды, сб. 32. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1996.
130. Иеремия (Соловьев), епископ. 24 письма на Кавказ. Рукопись (из собрания Л.Н. Польского).
131. Извлечения из свода законов Российской империи узаконений, относящихся до духовного ведомства православного исповедания. СПб., 1863.
132. Инсарский В.А. Записки // Русская старина. Т. 84. М., 1895.
133. Инсарский В.А. Воспоминания // Русская старина. Т. 129. М., 1907.
134. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII века – 1917 год. М., 1988.
135. История Ставропольского края с древнейших времен до 1917 года. Ставрополь, 1996.
136. Кавказские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1873–1885 гг.
137. Кавказский календарь. Тифлис, 1849.
138. К истории Владикавказского, бывшего Моздокского духовного училища // Владикавказские епархиальные ведомости. 1907.
139. Княж-Михайловский миссионерский стан Ставропольской епархии. Ставрополь, 1898.
140. Колмаков С. Крепостная церковь в городе Ставрополе.
141. Кондратов А. По святым обителям и богоспасаемым градам // Душеполезное чтение, 1895. Ч. 3.

142. Короленко П.П. Древние сведения о Межигорском монастыре // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1898. Т. 4.
143. Короленко П.П. Закубанский край // Военный сборник. СПб., 1893. № 3–9.
144. Короленко П.П. Переселение казаков на Кубань // Кубанский сборник, 1911. Т. XVI.
145. Краснов М. Просветители Кавказа. Ставрополь, 1912.
146. Краткий очерк жизни Высокопреосвященнейшего Владимира и описание его кончины и погребения // Православный собеседник, 1898.
147. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Ленинград, 1978.
148. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Ленинград, 1982.
149. Ляпидевский С., священник. Венок на дорожную могилу в Бозе почившего Епископа Евгения. М., 1897.
150. Марк (Лозинский), игумен. Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам Епископа Игнатия Брянчанинова. М., 1997.
151. Михаил, Архиепископ Ставропольский и Бакинский. Епископ Игнатий Брянчанинов // Журнал Московской Патриархии, 1967. № 5–6.
152. Михайлов Н.Т., священник. Справочная книжка по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910.
153. Миссионерские известия. Ставрополь, 1910.
154. Памяти о. ректора Ставропольской духовной семинарии протоиерея Константина Васильевича Кутепова (+ 8 сентября 1911 г.). Ставрополь, 1911.
155. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в. М., 1978.
156. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1913.
157. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринт. М., 1992.
158. Попов И., священник. Крестовоздвиженский мужской монастырь в г. Кизляре // Владикавказские епархиальные ведомости. 1904. № 6.
159. Потто В.А. Кавказская война. Репринт. Ставрополь, 1994. Т. I–IV.
160. Потто В.А. Два века Терского казачества. Репринт. Ставрополь, 1991.
161. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1910.

162. Православное обозрение. СПб., 1867., т. XXV.
163. *Прозрителев Г.Н.* История города Ставрополя. Рукопись из архива Г.А. Беликова.
164. *Прозрителев Г.Н.* Казанский кафедральный собор. Ставрополь, 1910.
165. Пятидесятилетие Ставропольской духовной семинарии. Ставрополь, 1896.
166. *Раздольский С.А.* Миссионерская деятельность Православной Церкви на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 1997.
167. *Римский С.В.* Православная Церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону, 1998.
168. *Розов И.* Исторический очерк Ставропольского Иоанно-Мариинского женского монастыря. СПб., 1875.
169. Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 1–4. Тифлис, 1869 (репринт: М., 1992).
170. Северо-Кавказский край, № 129, 26 июня 1919 г.
171. *Серафим (Чичагов), архимандрит.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. М., 1903.
172. Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 6. 1910. № 49.
173. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии за 1868 г.
174. *Смирнов С.К.* История Московской духовной академии. М., 1879.
175. Собрание писем Святителя Игнатия, Епископа Кавказского. М. – СПб., 1995.
176. *Соколов А.* Епископ Игнатий Брянчанинов, его жизнь, личность и церковно-аскетические воззрения. Т. 1–2. Киев, 1915.
177. Список церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1894/95 учебный год. Ставрополь. 1895.
178. Список церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1896/97, Ставрополь, 1898.
179. Ставрополь глазами современников. Ставрополь, 1976.
180. Ставропольские губернские ведомости. Ставрополь, 1850–1906.
181. Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1886–1917.
182. Страницы истории Прикумья. Буденновск, 1993.

183. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Русской Церкви. 1877 (репринт: Германия, 1990).
184. Сургучев И. Бесы русской революции. Париж, 1937 (репринт: Ставрополь 1987).
185. Теодорович Н.И. Волынская духовная семинария. История первоначального устройства. Почаев, 1901.
186. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния. Ставрополь, 1897.
187. Титов А.А. Преосвященный Иеремия. Биографический очерк. М., 1897.
188. Толстой Ю. Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времен утверждения Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1872.
189. Толстой М.В. Хранилище моей памяти. Репринт. М., 1995.
190. Церковная старина на Северном Кавказе // Журнал Ставропольского епархиального церковно-археологического общества. Вып. I. Ставрополь, 1910.
191. Церковная старина на Северном Кавказе // Журнал Ставропольского епархиального церковно-археологического общества. Вып. II. Ставрополь, 1911.
192. Щербина Ф. Происхождение выборного казачьего духовенства в Черномории // На Кавказе, 1910. № 7–8. С. 269–279.
193. Энциклопедический словарь. Т. 13а. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1894.
194. Ястребов И. Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир, Архиепископ Казанский и Свияжский. Казань, 1898.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.
Преосвященные Ставропольские в 1843–1919 гг.

Епископ Иеремия (Соловьев), 1843–1849 гг.
Епископ Иоанникий (Образцов), 1849–1857 гг.
Святитель Игнатий Брянчанинов, 1857–1861 гг.
Святитель Феофилакт (Губин), 1862–1872 гг.
Епископ Герман (Осецкий), 1872–1886 гг.
Епископ Владимир (Петров), 1886–1889 гг.
Епископ Евгений (Шерешило), 1889–1893 гг.
Архиепископ (с 1907 года) Агафодор (Преображенский), 1893–1919 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.
Ректоры Ставропольской духовной семинарии
в 1846–1918 гг.

- 1) 13.11.1846 – 21.10.1848, архимандрит Серафим (Аретинский). Выпускник Киевской духовной академии. Скончался в сане Архиепископа Воронежского.
- 2) 21.10.1848 – 31.10.1850, архимандрит Герасим (Добросердов). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. Скончался в сане Епископа Астраханского.
- 3) 31.10.1850 – 22.09.1857, архимандрит Иоанникий (Барков). Выпускник Московской духовной академии. Скончался в сане настоятеля Тамбовского Шацкого Чернеева Николаевского монастыря.
- 4) 22.09.1857 – 2.09.1859, архимандрит Герман (Осецкий). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. Скончался в сане епископа, председателя училищного при Священном Синоде по церковно-приходским школам Совета.
- 5) 2.09.1859 – 1.05.1863, архимандрит Епифаний (Избицкий). Выпускник Московской духовной академии, Киевского университета. Скончался в сане архимандрита Алтайской духовной миссии.
- 6) 1.05.1863 – 26.05.1871, архимандрит Исаакий (Положенский). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. Скончался в сане Епископа Астраханского.
- 7) 26.05.1871 – 5.06.1882, архимандрит Тихон (Донебин). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. Впоследствии Архиепископ Иркутский.
- 8) 5.06.1882 – 7.04.1883, архимандрит Мефодий. Выпускник Московской духовной академии. Впоследствии Епископ Виленский.
- 9) 27.04.1883 – 15.10.1887, протоиерей Иоанн Лебедев. Выпускник Киевской духовной академии.
- 10) 15.10.1887 – 24.03.1890, архимандрит Николай (Адоратский). Выпускник Казанской духовной академии. Скончался в сане Епископа Оренбургского.

- 11) 24.03.1890 – 11.01.1891, архимандрит Питирим (Окнов). Выпускник Киевской духовной академии. Впоследствии епископ Тульский, затем Экзарх Грузии, а в период перед февральским переворотом 1917 г. – Митрополит Петроградский.
- 12) 11.01.1891 – 5.02.1892, архимандрит Михаил (Темнорусов). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. Впоследствии ректор Могилевской семинарии.
- 13) 5.02.1892 – 7.10.1893, архимандрит Назарий (Кириллов). Выпускник Киевской духовной академии. Впоследствии епископ Гдовский.
- 14) 7.10.1893 – 12.08.1894, архимандрит Антоний (Нежило). Выпускник Московской духовной академии. Скончался в должности ректора Таврической семинарии.
- 15) 21.09.1894 – 25.08.1904, протоиерей Петр Смирнов. Выпускник Казанской духовной семинарии.
- 16) 25.08.1904 – 8.09.1911, протоиерей Константин Кутепов, выпускник Казанской академии, магистр богословия, скончался, исполняя должность ректора Ставропольской духовной семинарии.
- 17) 1911 г. – /.../, архимандрит Августин.
- 18) 1915 г. – /.../, протоиерей Василий Иванов.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

ТРОПАРЬ СВЯТИТЕЛЮ ФЕОФИЛАКТУ, ЕПИСКОПУ СТАВРОПОЛЬСКОМУ

Молитвами и трудами многими / народы Кавказа во православии
укрепил еси, / расколы и ереси пагубные искоренил, / болезнями тяж-
кими плоть свою духови покорил еси, / отче наш Феофилакте Богому-
дре, / града Ставрополя украшение / и живущим в нем защитниче, /
моли Христа Бога, / да умирят люди zde живущие / и дарует всем мир
и спасение.

КОНДАК СВЯТИТЕЛЮ ФЕОФИЛАКТУ, ЕПИСКОПУ СТАВРОПОЛЬСКОМУ

От лет древних люди Кавказа чтут тя, отче Феофилакте, яко про-
светителя, молитвенника и заступника своего, сице и ныне просим тя,
Святителю, помогай и защищай людей, на Кавказе живущих, избавляя
от расколов, ересей и неверия, да вси вопием ти, радуйся, Заступниче
наш предобрый, Кавказа похвало!

ДОКУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ

**Выписка из Журнала № 7 (855) заседания Совета СПбДАиС
от 4 июня 1999 г.**

СЛУШАЛИ 8: Curriculum vitae соискателя ученой степени кандидата богословия прот. САМОЙЛЕНКО Павла Михайловича, проректора Ставропольской духовной семинарии и отзывы засл. проф. прот. Иоанна БЕЛЕВЦЕВА и прот. Георгия МИТРОФАНОВА на его курсовое сочинение «История Ставропольской епархии» (Приложения № 3, 4).

ПОСТАНОВИЛИ: На основании заслушанных положительных отзывов и состоявшейся дискуссии, в ходе которой соискатель ответил на поставленные вопросы, присвоить прот. САМОЙЛЕНКО Павлу Михайловичу ученую степень кандидата богословия.

Секретарь Совета СПбДАиС свящ. Кирилл КОПЕЙКИН.

**Отзыв о курсовом сочинении выпускника СПбДАиС 1988 года
протоиерея Павла САМОЙЛЕНКО
«История Ставропольской епархии (1843–1918 гг.)»**

Научный интерес протоиерея Павла Самойленко к истории Ставропольской, или Кавказской, епархии объясняется следующими факторами: во-первых, он сам уроженец Северного Кавказа, во-вторых, его пастырское служение длительное время проходит в епархиальном центре – городе Ставрополе, в-третьих, и это самое главное, история Ставропольской епархии в целом еще не являлась предметом специального научного исследования.

Церковная жизнь, пожалуй, каждой епархии Русской Православной Церкви не только сложна и многообразна, но порой и весьма специфична. Последнее обстоятельство особенно характерно для еще сравнительно «молодой» Ставропольской епархии, отметившей в 1993 г. 150-летие своего исторического бытия. Непосредственно предметом научного исследования для автора протоиерея Павла Самойленко является первый 75-летний период истории Ставропольской епархии. Это был наиболее благоприятный для развития и обустройства епархиальной жизни на Северном Кавказе период, прерванный богоборческим октябрьским переворотом в 1917 г. Волны этого переворота, по словам автора, «докатались до благословенного Юга России лишь в 1918 г., но были не менее, а отчасти и более разрушительны, чем в Центре, поскольку зажиточный казачий православный Юг изначально не принял ни Февраля, ни Октября, что привело к ожесточенной борьбе. В 1918 г. завершается мирный период церковного строительства на Кавказе. Последующие 25 лет (1918–1943) были здесь, как и везде в России, годами суровых испытаний для Русской Православной Церкви» (с. 2)³¹⁴.

³¹⁴ Номера страниц в отзыве научного руководителя отсылали к представленному на защиту машинописному экземпляру работы.

Но этот новый трагический период в жизни Ставропольской епархии уже выходит за пределы основной исследовательской задачи автора.

Отметим главные вопросы, которые освещаются автором в его курсовом сочинении. Во введении (с. 2–8) затрагивается в основном вопрос об учреждении на Северном Кавказе Ставропольской епархии в 1843 году. «Открыта была епархия в Кавказской области и земле Войска Черноморского, – говорится в одном из цитируемых документов, – с той целью, чтобы через улучшение духовенства и возвышение благолепия Церкви наиболее утвердить в этих землях православие и содействовать восстановлению его между горцами, где вера Христианская некогда существовала, но зачахла под владычеством Магометанства» (с. 6).

В первой главе (с. 8–58) освещается вопрос о церковно-административной деятельности восьми ставропольских архиереев: епископов Иеремии (Соловьева, 1843–1849 гг.), Иоанникия (Образцова, 1849–1857 гг.), св. Игнатия (Брянчанинова, 1857–1861 гг.), местночтимого Феофилакта (Губина, 1862–1872 гг.), Германа (Осецкого, 1872–1886 гг.), Владимира (Петрова, 1886–1889 гг.), Евгения (Шерешило, 1889–1893 гг.) и архиепископа Агафодора (Преображенского, 1893–1919 гг.).

Оценивая в целом церковно-административную деятельность ставропольских архиереев за первый 75-летний период существования Ставропольской епархии, автор протоиерей Павел Самойленко заключает: «Все Преосвященные Ставропольские рассматриваемого периода оказались на высоте поставленных задач. Пребывание некоторых из них на кафедре было непродолжительным – святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Евгения (Шерешило), иные претерпевали невзгоды – первый архипастырь Кавказский Епископ Иеремия (Соловьев). Почти двадцать шесть лет управлял епархией Высокопреосвященный Агафодор (Преображенский), естественно, что на годы его правления приходится расцвет епархиальной жизни, подготовленный трудами его предшественников. В короткий срок в епархии удалось создать

стройную систему духовного образования, венчаемую образцовой Ставропольской духовной семинарией. Землю Кавказа украсили сотни православных храмов, не уступающих своим величием соборам Центральной России... Не менее примечателен и рост числа монастырей... успехи миссионерской деятельности» (с. 169). «Паства епархии прирастала... и за счет принятия православия язычниками, мусульманами, представителями иных конфессий» (с. 170).

Вопрос о развитии духовного просвещения на Северном Кавказе вообще и в Ставропольской епархии в частности рассматривается автором протоиереем Павлом Самойленко во второй главе (с. 59–98) курсового сочинения. Автор особенно подчеркивает тот исторический факт, что «для всех Преосвященных Ставропольских, начиная с первого Кавказского архиерея – епископа Иеремии, вплоть до управляющего ныне епархией Высокопреосвященнейшего Митрополита Гedeона, характерно особое внимание к нуждам духовного образования», что «история духовной школы в Ставрополе не только неразрывно связана с историей епархии, но и является одной из значительных ее страниц» (с. 59). Особое внимание в этой главе автор уделяет истории открытия и последующего становления Ставропольской духовной семинарии, отметивший, вслед за епархией, свое 150-летие в 1996 г. Автор отмечает, что первый Ставропольский епископ Иеремия еще 17 декабря 1843 г., то есть в год открытия самой епархии, «вошел с ходатайством в Святейший Правительствующий Синод об открытии в Ставрополе духовной семинарии» (с. 63). «В этом ходатайстве Преосвященного Иеремии, – пишет автор, – намечены и задачи, осуществление которых возлагалось на вновь открываемую семинарию. Имелись в виду не одни общеобразовательные интересы в строго православном духе: особенности религиозной жизни русского населения в пределах Северного Кавказа, а равно и разноплеменные народы, населявшие его, выдвигали на первый план миссионерские цели. Требовались не только богословски образованные священники..., но и знатоки местных наречий, религиозных верований, обычаев и других особенностей жизни горского на-

селения Кавказского края. Семинария, по мысли Епископа, должна была в связи с другими задачами осуществить и миссионерскую» (с. 65). Однако дело с открытием семинарии продвигалось медленно. И только благодаря содействию в решении этого вопроса Митрополита Московского Филарета (Дроздова) и Экзарха Грузии Исидора (Никольского), впоследствии Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, духовная семинария в Ставрополе была открыта 13 ноября 1846 г., в день памяти Святителя Иоанна Златоуста. В 1883 г. для семинарии было построено новое великолепное здание, занятое ныне университетом. 13 ноября 1896 г. был торжественно отмечен золотой, 50-летний юбилей ее исторического бытия. «За 50 лет существования семинария подготовила 850 слушателей Церкви Христовой» (с. 93).

Немаловажное значение придавали Преосвященные Ставропольской епархии развитию и укреплению иноческой жизни на Северном Кавказе. В главе 3-й «Монастыри и пустыни» (с. 97–134) автор освещает и этот вопрос. За первый 75-летний период в пределах Ставропольской епархии насчитывалось в общей сложности 10 монастырей, и о каждом из них в этой главе говорится в отдельности.

Вот как описывает автор протоиерей Павел Самойленко значение одного из них. «С начала XX в. Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь, где были возведены новые каменные храмы и многочисленные служебные постройки, где число монашествующих превысило две тысячи человек, становится самым известным в России и за рубежом. Это был центр православия и центр культуры этого уголка Кавказа, центр образцового ведения хозяйства, вобравшего в себя хлебные поля и сенокосы, животноводческие фермы и рыбные промыслы, тутовые плантации шелководства и медоносные угодья, сады и виноградники, а также разнообразные предприятия по переработке сельхозпродукции и ее реализации... После революции и гражданской войны Крестовоздвиженский монастырь был уничтожен. Так погас первый светильник веры и благочестия, некогда зажженный в русской крепости Кизляр» (с. 114).

В 4-й главе «Храмоздательство» (с. 135–165) автор более подробно говорит о строительстве храмов, в том числе Казанского кафедрального собора, в епархиальном центре – городе Ставрополе и кратко о закладке двух храмов, Екатерининского и Троицкого, в Екатеринода-ре. В годы богоборческого лихолетья два собора – Троицкий и Казан-ский – и 23 приходских, монастырских и домовых храма г. Ставрополя были разрушены или закрыты. И только один маленький кладбищен-ский Успенский храм во время пронесшегося и над Ставрополем во-инствующего безбожного вихря остался цел и невредим.

Вопрос о миссионерской деятельности в Ставропольской епархии освещается автором протоиереем Павлом Самойленко в последней 5-й главе (с. 166–169) курсовой работы. Предельно сжато, но по существу верно изложен и освящен этот вопрос. Указав на специфичность мисси-онерства в условиях Северного Кавказа, автор отмечает, что «миссио-нерская деятельность была весьма развита в Ставропольской епархии, год от года нарастала и осуществлялась по нескольким направлениям. Миссию противобуддийскую (среди калмыков) и противомусульман-скую (среди туркмен) осуществлял Князе-Михайловский миссионер-ский скит. Если миссия среди туркмен была малоуспешна, то распро-странение христианства среди калмыков, особенно в годы пребывания на кафедре Архиепископа Агафодора, шло весьма успешно... Миссия среди горских народов Кавказа начала разворачиваться с устройением нескольких монастырей в местах их обитания. Она имела хорошие пер-спективы, но начавшаяся война, а затем и события 1917 года надолго прервали не только миссионерскую, но и иную деятельность Церкви. Архиереи и священники были репрессированы, церкви и монастыри закрыты и разрушены» (с. 167). По мнению автора протоиерея Павла Самойленко, «в XIX и XX вв. традиционная принадлежность русских людей к православию проходит серьезнейшее испытание на проч-ность со стороны разного рода сектантов, раскольников и еретиков» (с. 168). Поэтому кроме духовенства в миссионерскую работу по пре-дотвращению соversions и возвращению заблудших в лоно Право-славной Церкви в XIX и начале XX в. включились верные сыны и дочери

православия – миряне, объединившись в братства, которые возникли в Ставрополе, Екатеринодаре, Майкопе и других местах Ставропольской епархии. «Все эти братства, – пишет автор, – целью своей ставили дела просвещения, милосердия, противосектантской работы. При них создавались библиотеки, школы, благотворительные столовые, велась издательская деятельность» (с. 168).

О результативности миссионерской деятельности в Ставропольской епархии можно отчасти судить по такому факту: только за 1893–1910 гг. к Православной Церкви было присоединено пять тысяч человек.

В заключении (с. 169–170) автор подводит итоги своей исследовательской работы. Он считает, «события первых 75 лет истории Ставропольской епархии показывают, что учреждение ее стало неоценимым подспорьем для расширения и укоренения Святой Православной Церкви на Северном Кавказе» (с. 169). И с этим главным выводом нельзя не согласиться.

Список источников и литературы (с. 176–183) насчитывает 194 наименования.

Научная ценность курсового сочинения протоиерея Павла Самойленко по истории Ставропольской епархии состоит в том, что оно представляет собой первый опыт систематического изложения и освящения церковной истории Ставропольской епархии за 75-летний период ее существования. При написании курсового сочинения было использовано более сотни первоисточников – различных архивных дел, находящихся в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК). Все это для автора весьма похвально, но для восстановления более полной картины церковно-исторической жизни Ставропольской епархии явно недостаточно. И помехой для этого являются более объективные причины. Ведь, консисторский архив Ставропольской епархии, за первый 75-летний период, который изучает и описывает автор, был на 90% варварски уничтожен уже в начале 1960-х годов. Поэтому восстанавливать историю Ставропольской епархии за 1843–1918 гг. автору приходилось фактически по сохранившимся крупницам архивного

материала. «И все же, – справедливо замечает автор, – даже сохранившиеся архивные крупницы очень много дают исследователю. Остается только предполагать, к каким открытиям могло бы привести знакомство с документами в полном объеме» (с. 3, прим. 1).

Отмечая, что автор протоиерей Павел Самойленко своим курсовым сочинением вносит достойный научный вклад в изучение истории Ставропольской епархии, считаю возможным присуждение ему ученой степени кандидата богословия.

31 мая 1999 г.

Профессор-протоиерей Иоанн БЕЛЕВЦЕВ.

**Рецензия на курсовое сочинение выпускника СПбДАиС 1988 года
протоиерея Павла САМОЙЛЕНКО
«История Ставропольской епархии. 1843–1918»**

Данное сочинение представляет собой основанную на глубоком изучении архивных материалов попытку всестороннего рассмотрения исторического пути Ставропольской епархии с 1843 по 1918 год.

Сочинение состоит из краткого введения, четырех пространных и одной небольшой главы и краткого заключения. В сочинении имеются также три кратких приложения, облегчающих понимание основного содержания сочинения. История Ставропольской епархии изображается автором посредством лаконичных и конкретных характеристик архипастырской деятельности епархиальных архиереев, занимавших кафедру с 1843 по 1918 г., и посредством более пространных описаний миссионерско-просветительской деятельности и монастырско-приходской жизни епархии.

В сочинении используется большое количество научно-исследовательской и краеведческой литературы, которая не только помогает автору в рассмотрении исследуемой темы, но и позволяет читателю представить уровень изученности темы в литературе предшествующих лет.

Автор сочинения убедительно демонстрирует умение квалифицированно работать с архивными материалами как на стадии выявления в архивных фондах документов, необходимых для раскрытия изучаемой темы, так и на стадии использования обнаруженных документальных свидетельств в тексте сочинения. Значительная часть архивных материалов вводится автором в научный оборот впервые.

Автору удается представить выразительное, основательно аргументированное архивными материалами историческое описание Ставропольской епархии, в котором детальные характеристики различных сторон епархиальной жизни сочетаются с выразительными портретами епархиальных архипастырей и пастырей, деятельность ко-

торых справедливо оценивается автором как определившая духовно-исторический путь Ставропольской епархии.

Наряду с перечисленными выше безусловными достоинствами сочинения в нем имеют место и определенные недостатки. Несмотря на значительный перечень архивных материалов, использованных в сочинении, в нем отсутствует глава, характеризующая источниковедческую базу сочинения. При наличии в списке источников и литературы более 80 наименований работ, имеющих отношение к истории Ставропольской епархии, какой бы то ни было историографический обзор в сочинении отсутствует. Глава о миссионерской деятельности в Ставропольской епархии могла бы быть написана более основательно и развернуто. Недостает основательности и окончательным выводам автора, содержащимся в чрезмерно кратком заключении.

Впрочем, все перечисленные недостатки сочинения не умаляют его безусловных, отмеченных выше достоинств, благодаря которым сочинение может быть признано вполне удовлетворяющим требованиям, предъявляемым к сочинениям, представляемым к защите.

3 июня 1999 г.
протоиерей Георгий МИТРОФАНОВ.

Научное издание

Протоиерей Павел Самойленко

**ИСТОРИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ
(1843–1918)**

Монография

Редактор священник *Евгений Шишкин*
Корректор *В.И. Локтева*
Дизайн и компьютерная верстка *Л.В. Галкина*

Знак информационной продукции
(Федеральный закон №436-ФЗ от 29.12.2010 г.):
16+

Заказ №???. Подписано в печать ???. Формат 72х104/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arno Pro. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,88. Тираж 500 экз.

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Ставропольская духовная семинария
Ставропольской и Невинномысской епархии Русской Православной Церкви»
Издательский центр: 355017, г. Ставрополь,
ул. Дзержинского, 155 stpds@yandex.ru
www.stpds.ru

Отпечатано в типографии ООО «Бюро новостей»
355002, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 191 б
Тел. +7 (8652) 24-98-53